

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 12 (270)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 12 (270). – 170 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Рейтинг межэтнической напряженности регионов Российской Федерации	5
В. Карякин. Современные кризисы и конфликты: Особенности, сценарии развития и предотвращение	10

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Сафиуллина-Аль Анси. «Хизб ут-Тахрир» в Республике Татарстан: Трансформация доктринального дискурса и поведенческого уровня	30
Р. Эмиров. Взаимосвязь этнополитики и геополитики на Северном Кавказе	42
Э. Муратова. Исламские группы Крыма: Дискурсы и политика	50
Д. Аббасов. «Сирийский синдром» среди азербайджан- ской молодежи: Случайность или тенденция?	64
О. Оськина. Политическая элита Туркмении: Традиции и перспективы	66
Н. Кулешова. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан	75

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>С. Демиденко.</i> Региональная политика Ирана и интересы России	82
<i>Г. Чуфрин, В. Гельбрас, А. Володин, Н. Козырев, Д. Малышева.</i> Зона АфПак как источник региональной нестабильности и угроз международной безопасности	91
<i>М. Эрол.</i> Участие Турции в сирийском конфликте: Предпосылки и вероятные последствия	127
<i>Д. Жёлобов.</i> Уйгурский сепаратизм и «пирамида Маслоу»	137

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Р. Ловяго.</i> Роль ТНК в формировании геостратегической карты Азии и Северной Африки	142
<i>С. Абашии.</i> Рецензия на книгу Б. Петрика «Мы съели наших овец. Киргизстан, от пастуха к бизнесмену»	155
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2014 г	161

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

**РЕЙТИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Центр изучения национальных конфликтов (<http://roscink.ru/>) и «Клуба регионов» в период с сентября 2013 по март 2014 г. в соавторстве с 81 экспертом провел пилотное исследование уровня межэтнической напряженности в регионах России. По результатам исследования была составлена интерактивная карта конфликтов (активная зона рисков – красная, оранжевая и желтая) и опубликованы в открытом доступе краткий анализ ситуации в сфере межэтнических отношений и основные выводы. Выводы сопровождаются подробными выкладками по каждому из регионов, входящих в зону риска, и комментариями экспертов. На сайте проекта можно также детально ознакомиться с методологией исследования, списком экспертов и авторским коллективом, здесь же мы публикуем ключевые итоги и выводы пилотного проекта.

Распределение регионов РФ по уровню напряженности выглядит так:

– Неоднократные случаи массовых насильственных действий: Дагестан, Москва, Санкт-Петербург, Ставропольский край, Татарстан.

– Неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики: Астраханская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, ХМАО, Челябинская область.

– Неоднократные случаи целенаправленных насильственных этнически мотивированных действий; массовые ненасильственные действия: Башкирия, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Ленинградская

область, Липецкая область, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Свердловская область, Томская область, Хабаровский край.

– Преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные не связанные друг с другом случаи этнически мотивированных насильственных действий: Адыгея, Алтайский край, Архангельская область, Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Калужская область, Камчатский край, Карелия, Кемеровская область, Кировская область, Коми, Курганская область, Курская область, Мордовия, Мурманская область, Новгородская область, Приморский край, Псковская область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Удмуртия, Чувашия, Ярославская область.

– Отсутствие зафиксированных конфликтных действий либо несколько онлайн-действий; отсутствие доказанного насилия по этническому признаку: Амурская область, Белгородская область, Брянская область, Вологодская область, Еврейская АО, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калининградская область, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Костромская область, Красноярский край, Магаданская область, Марий Эл, Ненецкий АО, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Республика Алтай, Сахалинская область, Северная Осетия, Смоленская область, Тамбовская область, Тува, Тюменская область, Ульяновская область, Хакасия, Чечня, Чукотка, Якутия, ЯНАО.

По понятным причинам Крым остался вне поля исследования.

Анализ межэтнической напряженности в регионах России

По мнению авторов исследования, российское общество остается расколотым в социальном, идеологическом, культурном и национальном отношениях. В 2013 г. проблема межнациональных отношений вышла на первый план. Массовые волнения в Пугачеве, Бирюлеве и других местах показали, что одной только пропагандой дружбы народов невозможно преодолеть межнациональную рознь.

На смену проблеме сепаратизма пришла новая угроза – рост ксенофобии и связанных с нею экстремистских идеологий. В настоящее время рост межэтнической напряженности констатируется всеми опрошенными экспертами, и очевидно, что необхо-

димы обстоятельное изучение данного феномена и долгая работа по снятию напряженности и предотвращению конфликтов.

Проведенный мониторинг открытых источников показал, что в общей сложности с 1 сентября 2013 г. по 20 марта 2014 г. в России произошло 570 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в Интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельным исходом). Можно прогнозировать: если эффективность государственной национальной политики останется на столь же низком уровне, межэтническая напряженность в обществе будет расти, а география конфликтов расширяться.

Протестные настроения, вызванные социально-экономическими проблемами, несовершенством политической системы, коррупцией, все чаще выражаются в форме национализма, в том числе радикального. Между тем федеральный центр фактически перекладывает ответственность на регионы и муниципалитеты, требуя от них не допускать проявлений ксенофобии. На местах поставленную задачу считают трудновыполнимой. Показательна ситуация, когда на введенную в субъектах РФ должность ответственного за межнациональные отношения нет соискателей.

Проблема требует глубокого изучения и гибкого реагирования на вызовы, которые имеют глобальный характер. Общемировой тренд – демографическое давление бедного аграрного Юга на индустриальный и более богатый Север – повторяется и в России. Глобальная исламизация непосредственно влияет на этнокультурную ситуацию в российских регионах, причем не только мусульманских.

Трансграничность и оперативность интернет-СМИ и блогосферы лишают чиновников на местах возможности замять межнациональный конфликт или подать его как бытовой. Избежать нагнетания ситуации и перерастания ее в социальный взрыв можно только грамотными решениями, принимаемыми с учетом общественных настроений.

Основные выводы

1. При сохранении существующих условий (государственная национальная политика, динамика миграции и т.д.) можно прогнозировать лишь нарастание межэтнической напряженности в регионах России.

2. Нерегулируемая внешняя и внутренняя миграция неизбежно ведет к росту этнической преступности, усилению конкуренции между местными и приезжими и, как следствие, к росту ксенофобии.

3. Очевидно наличие основных центров межэтнической напряженности, и, судя по всему, региональная власть в них не сможет справиться с угрожающей ситуацией своими силами.

4. Наиболее острая межэтническая ситуация сложилась в нескольких регионах, однако любой конфликт на национальной почве в столице автоматически повышает уровень ксенофобии в целом по стране.

5. Во многих регионах межнациональная напряженность носит латентный характер и может вылиться в стихийный протест под влиянием резонансного преступления с участием приезжих.

6. Все чаще этнически окрашенными становятся конфликты, причины которых следует искать не только в межнациональной, но и в социально-экономической и политической сферах. В пользу этого говорит, в частности, тот факт, что почти все массовые этнически мотивированные протесты местного населения в последние годы случались в неблагополучных городах (Пугачев) или районах (Бирюлево).

7. Распространение радикального ислама повышает вероятность конфликтов даже в тех регионах, где представители разных национальностей мирно сосуществуют (Татарстан).

8. Причина межнациональных конфликтов заключается также в культурной изоляции мигрантов, что ведет, с одной стороны, к неадекватному поведению выходцев с Кавказа и из Средней Азии, с другой – к формированию образа врага-мигранта в сознании русской молодежи. Отдельной проблемой является низкий уровень информированности населения как о других этносах, так и о тематических мероприятиях, целью которых является сближение культур.

9. На федеральном уровне национальная политика фактически отсутствует, в регионах же губернаторы и мэры реагируют на проблемы ситуативно и постфактум. Общепринятых эффективных моделей предотвращения межэтнических угроз до сих пор не создано. В то же время развитие средств массовой коммуникации повышает требования к скорости и публичности реакции власти, и это необходимо учитывать.

10. В настоящее время государство в сфере урегулирования межнациональных конфликтов пока лишь усиливает карательную

функцию, эффективность которой спорна. Карательные меры применяются интенсивно, но беспорядочно, а понятие «экстремизм» трактуется произвольно. В отдельных регионах за относительно безобидные записи в социальных сетях выносятся большое число обвинительных приговоров, что вызывает возмущение граждан. В итоге относительно спокойная ситуация становится напряженной.

11. В результате отсутствия общей практики правоприменения за одни и те же правонарушения в разных регионах применяется разная мера наказания. Отсутствует единый стандарт реагирования должностных лиц на инциденты в межэтнической сфере, что приводит либо к попыткам их замалчивания, либо к неуместным высказываниям, которые лишь провоцируют межэтнические конфликты.

12. Анализ межэтнических конфликтов в регионах показывает, что их число заметно снижается при высокой динамике политико-экономических процессов. Так, в период Олимпийских игр и политического конфликта на Украине число конфликтов существенно уменьшилось.

13. Принцип субсидиарности можно реализовывать, передавая часть полномочий и ответственности общественным советам при органах власти и мотивируя их к участию. Подобная стратегия вовлечения позволит наладить сотрудничество, в том числе с умеренными националистами и выиграть борьбу за молодежь.

14. В отсутствие государственной политики активного вмешательства идеологический вакуум интенсивно заполняется различными организациями, в том числе исповедующими деструктивные, антисоциальные идеи. Необходимо помнить, что националистические идеи носят во многом абстрактный характер, поэтому одна лишь борьба с организациями не даст желаемого эффекта. Вовлечение молодежи в регионах в общественно полезные проекты становится не благим пожеланием, а жизненно необходимым средством снижения риска спонтанных социальных извержений.

*Альманах «Этнодиалоги»,
М., 2014 г., № 2 (46), с. 32–37.*

В. Карякин,
кандидат военных наук,
ведущий научный сотрудник
Центра оборонных исследований РИСИ
**СОВРЕМЕННЫЕ КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ:
ОСОБЕННОСТИ, СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ
И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ**

**Причины возникновения
и особенности современных конфликтных
и кризисных ситуаций**

Как показывает опыт прогнозирования геополитической обстановки последних лет, зарождающиеся кризисы и конфликты не поддаются своевременному распознаванию и диагностике. Примерами тому являются многочисленные «цветные революции» и протестные движения, имевшие место на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, к которым экспертное политологическое сообщество было не готово, несмотря на повторявшиеся предпосылки и сценарии организации подобных «революций». Волны «арабских революций» в государствах Северной Африки и протестных движений на Украине, в Киргизии, Грузии и Молдавии даже привели к устранению правящих режимов в результате применения технологий манипулирования сознанием человека. Образно говоря, триумф социальных сетей обусловил фиаско политической прогностики, которая использовала компаративный подход к анализу и прогнозированию политических процессов, применявшийся еще в эпоху биполярности, когда две сверхдержавы определяли основные параметры мирового развития, а страны – участницы военно-политических союзов соблюдали блоковую дисциплину и активно поддерживали политику США или СССР на международной арене. В те времена в прогнозировании применялась линейная экстраполяция развития обстановки от текущего состояния на государственном и международном уровнях. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. Социально-политические процессы, протекающие в государственных и международных системах, приобрели свойства нелинейности развития и турбулентности проявления из-за появившихся возможностей практически для всех членов социальных сетей влиять на развитие политических процессов. Все это значительно ослож-

няет выявление и диагностику зарождающихся конфликтов и кризисных ситуаций.

Как показывает анализ, в 90-е годы прошлого века в мире насчитывалось 170 конфликтных зон, из которых 30 – в активной фазе. Однако в начале нынешнего века их число начало снижаться и в настоящее время стабилизировалось на отметке 5–7 вооруженных конфликтов¹. Зато возросло число внешних и внутренних их участников.

Главной особенностью современных кризисов и конфликтов внутригосударственного и регионального масштабов является широкое прямое или косвенное вовлечение в них заинтересованных внешних субъектов международной политики, стремящихся оказывать военную, финансовую и информационную поддержку одной из сторон в своих интересах, а также влиятельных международных организаций. Как показывают события в Ливии и Сирии, это не позволяет властям страны считать такой конфликт своим внутренним делом, даже если он и оказывается таковым с международно-правовой точки зрения.

Второй особенностью большинства современных конфликтов является их ценностное измерение, реализуемое в форме борьбы этнических и культурно-конфессиональных идентичностей. При этом ценностный фактор часто используется в качестве идеологического обоснования и пропагандистского прикрытия для сторон конфликта. Вместе с тем сегодня можно привести немало примеров, когда несовместимость интересов преодолена, а конфликт не утихает из-за иррационального стремления лидеров радикальных движений сражаться до конца «за веру» или «во имя подлинной независимости нации». Объясняется это тем, что идеи защиты национальных интересов и достоинства нации, «истинности веры» сегодня можно использовать в качестве мобилизационного резерва.

Третьей особенностью современных конфликтов является их тотализация, означающая вовлеченность в конфликт широкой международной общественности. При этом инструментом тотализации выступают СМИ и социальные сети, создающие общественное мнение, которое влияет на позиции глав государств и международных организаций.

¹ Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник / М.М. Лебедева; М-во образования РФ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 23.

Таким образом, значительное число внешних и внутренних участников конфликта, его нечетко очерченные географические границы, взаимообусловленность многих социально-экономических, конфессиональных и гуманитарных аспектов делают его развитие труднопредсказуемым и превращают его анализ и прогноз в сложнейшую задачу со многими неизвестными. Частота конфликтных и кризисных ситуаций в современном мире обусловлена высоким уровнем конфликтогенности внутригосударственных и международных отношений, который определяется следующими факторами:

– соперничеством ведущих мировых и региональных субъектов международной политики за сферы военно-политического влияния, источники сырья и рынки сбыта на постсоветском пространстве и в регионах Ближнего Востока с использованием стратегий непрямых действий и «мягкой силы»;

– возросшей активностью дипломатических, неправительственных организаций и специальных служб, поощряющих, организуемых и финансирующих оппозиционные силы в их борьбе с действующей властью, причем организаторы протестных движений иногда привлекают для участия третьи страны (как это было в Ливии и Сирии), вербуемые и обучающие наемников и финансирующие их деятельность.

Сценарии политических переворотов были успешно реализованы на Украине, в Грузии, Киргизии и Молдавии, а также в государствах Северной Африки, надолго дестабилизировавших социально-политическую обстановку в этих странах. При этом движущей силой подобных «революций» является молодежь в возрасте до 30 лет, доля которой в общей массе населения растет. Ожидается, что к 2020 г. она составит в Азии 47%, на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 57, к югу от Сахары – 70%¹. При этом в большинстве стран данных регионов в ближайшей перспективе условий для успешной социальной интеграции молодежи в общественные структуры не предвидится, что сделает ее источ-

¹ Бордунова Е. Молодежь в странах Ближнего Востока: Социально-политические и экономические последствия быстрого демографического роста. ГУ–ВШЭ / Екатерина Бордунова; Фак. прикладной политологии ГУ–ВШЭ; рук. Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly: Интернет-сайт. 2010. 22 марта – 4 апреля. № 415–416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php> (Дата обращения: 22.01.2013.)

ником грядущей социально-политической нестабильности и конфликтов.

Этноконфессиональный сепаратизм создает серьезную угрозу внутригосударственной и региональной стабильности и международной безопасности. Во всем мире действуют многочисленные сепаратистские организации, которые опираются на финансовую и идеологическую поддержку ваххабитов Саудовской Аравии и Катара. При этом в странах Европы созданы благоприятные условия для высокой мобильности населения и мигрантов. Интернет и глобальная система связи обеспечивают успешную организацию и координацию действий в трансграничной сети сепаратистских и оппозиционных движений. А глобализация информационного пространства позволяет добиться максимального пропагандистского эффекта, поскольку лидеры подобных организаций имеют возможность доносить свои идеи и требования до широкой аудитории в социальных сетях и Интернете и осуществлять свои акции, которые освещаются в СМИ в режиме времени, близком к реальному.

Притягательность экстремистских идеологий возросла на фоне осознания людьми в странах третьего мира своего социального и политического неравенства. До наступления информационной революции народы, жившие на 1 долл. в день, мирились с нищетой и бесправием, поскольку не подозревали о наличии достойного уровня жизни и благосостоянии в развитых странах мира. Гедонизм «золотого миллиарда» и обеспеченная жизнь жителей мировых столиц, показанные мировыми СМИ, вызывают у людей Третьего мира чувства зависти, возмущения и ненависти, подогреваемые радикальными политическими движениями.

Создание глобального информационного пространства способствовало повышению политизированности населения, осознанию людьми того факта, что в мире есть богатые страны, успешно существующие на фоне стран с застарелыми экономическими и социальными проблемами. Все это дестабилизирует социально-политическую обстановку в странах с несформировавшимися политическими системами и государственными институтами.

При всем многообразии современных кризисов и конфликтов они имеют некоторые общие черты.

1. Глубина противоречий, в основе которых лежит противостояние сформировавшихся веками ценностей и образа жизни народов, принадлежащих к различным цивилизациям. Такие противостояния с трудом поддаются урегулированию. Так,

в конфликте Армении и Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха, а также в палестино-израильском противостоянии просматриваются не только территориальные споры, но и столкновение культурно-конфессиональных систем.

2. Поддержка сторон конфликта внешними субъектами международной политики, которые принадлежат к различным цивилизационным платформам. Так, например, в споре вокруг Фолклендских островов в 1982 г. на стороне Аргентины стоял весь латиноамериканский мир, а на стороне Великобритании – страны Запада. Масштабы цивилизационной поддержки арабского мира в Афганистане испытали на себе сначала «ограниченный контингент» Советской армии, а затем и коалиция войск НАТО. Сильную поддержку со стороны исламского мира ощущает народ Палестины в его противостоянии с Израилем.

3. Конъюнктурные изменения ориентации участников конфликтов с цивилизационной основы на факторы текущей политической ситуации в ходе развития конфликта. Так, участники сербо-мусульманско-хорватского противостояния в Югославии меняли союзников в зависимости от политической ситуации: сначала хорваты-католики выступали в союзе с мусульманами против православных сербов, потом сербы становились союзниками мусульман против хорватов. Позиция стран Запада по отношению к участникам конфликта в Югославии определялась не соображениями цивилизационной близости, а политической целесообразностью. Германия поддерживала хорватов, Великобритания и Франция (в определенный период) были на стороне сербов, а США – на стороне боснийцев-мусульман. Как видно, цивилизационный принцип участия сторон в конфликте отходит на второй план при решении текущих политических задач.

4. Трудности четкого определения агрессора и жертвы. Ярким примером являются всё те же события в Югославии, где возник конфликт между тремя цивилизациями: славянско-православной, католической и исламской, и каждая сторона видела в своих противниках агрессоров, а себя представляла жертвой. Это отражалось и на аргументации сторон, находящихся по разные стороны «баррикад», их суждениях о причинах конфликта, инициаторах и путях урегулирования, которые, как правило, оказывались диаметрально противоположными.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на межцивилизационный характер большинства конфликтов, возникают они и между субъектами, принадлежащими к одной цивилизационной

платформе. Примерами являются ирано-иракская война 1980–1988 гг., а также имеющая место в настоящее время гражданская война в Сирии, в основе которых лежит соперничество шиитской и суннитской ветвей ислама.

«Цветные революции» как инструмент переформатирования геополитических пространств

Феномен «цветных революций» впервые проявился в Сербии в конце 90-х годов прошлого века. Затем аналогичные события произошли на Украине, в Грузии, Киргизии, Молдавии и вновь повторились на Украине в 2013 г. В Белоруссии, Узбекистане и России также были попытки организовать протестные движения, но там они не получили развития вследствие устойчивости государственных институтов и отсутствия достаточной поддержки со стороны населения. Там, где «цветные революции» закончились успешно, политические режимы претерпели трансформацию, в основном прозападную и антироссийскую. Это говорит о том, что данные явления представляют серьезную опасность для национальных интересов России, так как служат эффективным инструментом переформатирования политических пространств в интересах внешних субъектов международной политики, занимающих антироссийские позиции.

Анализ организации и проведения «цветных революций» показывает, что режиссеры подобных политических акций на подготовительной и начальной фазах руководствуются определенными принципами.

1. Опора на ненасильственные формы и методы достижения политических целей с использованием информационно-психологических технологий воздействия на сознание людей, побуждающих их к проведению «мирных» политических акций для осуществления «легитимной» с правовой точки зрения смены политического режима в стране (президента), изменения состава кабинета министров, проведения досрочных выборов под контролем международных наблюдателей.

2. Использование в качестве движущей силы для осуществления политической трансформации оппозиционной партии или общественного движения, опирающегося на так называемый «креативный класс», жаждущий перемен, а также на деклассированных элементов и людей с нереализованными амбициями.

3. Использование сетевого принципа организации протестных движений с активным привлечением СМИ для легитимации своих целей и задач, что можно рассматривать как особую форму ведения информационной войны внешними игроками международной политики по отношению к действующей власти.

Сегодня уже не секрет, что основными катализаторами «цветных революций» являются инициаторы, которыми выступают зарубежные спонсоры, финансирующие молодежные организации, и оппозиционные политические партии, лидеры которых заявляют о своей поддержке западной модели демократии и либеральных ценностей. При этом активисты подобных «революций» получают финансовую поддержку в виде грантов и стипендий от таких организаций, как Институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса), Гарвардский университет, Институт Альберта Эйнштейна, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт (США), Международный институт ненасильственных конфликтов и Международный институт стратегических исследований в Лондоне. Известно также, что значительные ресурсы поступают через американский Фонд поддержки демократии в Восточной Европе¹. Но все вышеперечисленное – это внешние проявления. Настоящей «питательной средой» для возникновения общественного недовольства и следующих за ним протестных выступлений являются нерешенные социально-экономические проблемы. При этом государства с затянувшимся переходным периодом политических и экономических преобразований попадают в основную группу риска. По мнению Р. Макинтайра, если в рыночной экономике страны задействовано менее 20% ее населения, то там следует ожидать роста социального напряжения и политических потрясений².

¹ Попов О. Российские правозащитные организации и «западные» правозащитные фонды / Олег Попов // Сибирский центр политических исследований: Интернет-сайт. 2008. 16 марта. URL: <http://sibcenter.info/geopolitics/2008/03/rossijskie-pravozashhitnye-organizacii-i-zapadnye-pravozashhitnye-fondy.html> (Дата обращения: 29.01.2013); Панов В. «Мягкая сила» крушит Украину. Прозападные НПО и подготовка государственного переворота в стране / Валерий Панов // ЦентрАзия: Интернет-сайт. 2014. 4 февраля. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1391492580> (Дата обращения: 06.02.2014.)

² Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов / Роберт Макинтайр // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 2. – С. 142–150.

Факторами, способствующими успеху «цветной революции», являются также слабость центральной власти и ее непоследовательность в решении социально-экономических проблем. На Украине это привело к тому, что в течение десяти лет (в 2004 и 2013–2014 гг.) произошли две «цветные революции». Международные организации и руководители стран Запада вместо того чтобы оказывать реальную экономическую помощь этой стране, всячески стараются ослабить ее, ограничивая действия руководства Украины по пресечению деструктивной деятельности оппозиции, которая, используя демократические институты, занимается подрывом основ государственного строя. Поэтому не удивительно, что «цветные революции» происходили в наиболее благополучных с точки зрения соблюдения норм демократии странах СНГ: на Украине и в Грузии, где СМИ имели большую свободу действий, а в Киргизии А. Акаев формально считался чуть ли не самым демократическим президентом на постсоветском пространстве.

В условиях социально-политической нестабильности в государстве благоприятную среду для проведения «цветных революций» создают СМИ либерального толка, в которых политики и общественные деятели прозападной ориентации играют роль «катализаторов перемен», воздействуя на сознание людей с целью создания благоприятного фона для грядущего «движения к демократии», а вышедшим на улицы толпам придают статус «народа, требующего перемен».

Анализ подготовки и проведения «цветных революций» показывает, что в большинстве случаев они развивались по одинаковому сценарию, описанному в книге американского политолога Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии», опубликованной в 1993 г.¹ По его мнению, политическая борьба против правящего режима в рамках конституционных норм обречена на неудачу. Поэтому он советует сосредоточиваться на ненасильственных методах борьбы с правящим режимом путем организации различных форм протестного движения и неповиновения властям. Работа Дж. Шарпа говорит о том, что «цветные революции» представляют собой американскую технологию организации государственных переворотов с использованием СМИ и социальных сетей, оплачиваемых и контролируемых международными неправительствен-

¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения / Джин Шарп; Ин-т им. Альберта Эйнштейна // SlideShare: Интернет-сайт. 72 с. URL: <http://www.aeinstein.org/book-store> (Дата обращения: 06.02.2014.)

ными организациями, являющимися инструментами западного влияния.

Согласно сценарию Дж. Шарпа «цветная революция» начинается с того, что оппозиция инициирует процесс делегитимизации власти в форме обвинения чиновников, руководителей различного уровня и политиков в коррупции. Власть обвиняют в отсутствии эффективной социальной политики, что выражается в росте тарифов естественных монополий, а также в авторитарных методах правления, нечестных выборах, несоблюдении прав и свобод граждан и репрессиях. Здесь достаточно вспомнить демагогический лозунг А. Навального «Единая Россия – партия воров и жуликов!». Далее по сценарию оппозиции нужны «жертвы власти» (в случае России – это Навальный, Удальцов, Ходорковский, Магницкий), наличие которых является обязательным компонентом любой «цветной революции», поскольку их преследование не только «дискредитирует» власть перед лицом демократической общественности, но и связывает ей руки в отношении реализации дальнейших вариантов действий, одновременно призывая протестные группы населения подключаться к акциям протеста, оживляя тем самым мифологический конфликт противостояния «Давида», которым представляется народ, и «Голиафа» в лице антинародного и репрессивного режима.

На следующем этапе «революции» происходит формирование ее трех движущих сил: радикально настроенной молодежи, боевых отрядов, прибывающих в столицу из регионов для осуществления протестных действий, и так называемого «креативного класса», состоящего из представителей мелкого и среднего бизнеса, недовольных властью и жаждущих перемен. Свидетельством тому служат события на Украине, в Грузии и Киргизии, значимую роль в которых сыграли отряды, прибывшие для поддержки «революции» из регионов, а также местные маргинальные элементы типа националистов, неофашистов и антисемитов. Они были организованы в отряды и подчинялись своим «полевым командирам». При этом их энергия полностью расходовалась на протестное движение, так как в отличие от горожан, собиравшихся на площадях и улицах и имевших возможность в любое время разойтись по домам, прибывшие в столицу «регионалы» не имели здесь ни крова, ни дома, что вынуждало их занимать здания государственных органов.

Еще одним важным моментом в организации «цветной революции» является правильный выбор ее лидера. Лучшим вариантом

здесь может быть хорошо известный и достаточно авторитетный политик, недавно ушедший с высокого поста в системе власти и перешедший на сторону оппозиции, которого должны окружать менее известные деятели, представители толпы, шоу-бизнеса, спортсмены. При этом помимо оппозиционности к таким «лидерам» предъявляется требование твердой приверженности западным демократическим ценностям и свободам, культуре и образу жизни. А чтобы эта приверженность выглядела правдиво, лидеры оппозиции должны наглядно продемонстрировать протестующим, например, жену с американским гражданством (Саакашвили, Ющенко), либо подчеркивать, что он жил и учился на Западе (Саакашвили).

Сценарии развития современных конфликтов, кризисных ситуаций и возможные пути их урегулирования

Как уже отмечалось выше, конфликтогенность современного мира явилась, с одной стороны, одним из следствий окончания «холодной войны» и прекращения конфронтации двух военно-политических блоков, каждый из которых был организован и иерархизирован ведущими сверхдержавами и где участники соблюдали блоковую дисциплину и идеологическую сплоченность, а с другой – глобализацией мирового информационного и культурно-конфессионального пространств. При этом весомым конфликтогенным фактором стал принцип этноконфессионального самоутверждения, более радикальный, чем самоутверждение времен биполярности, основанное на идеологическом принципе.

В последние десятилетия с проблемами этноконфессиональных вызовов сталкиваются многие государства. Массовая миграция в страны Европы из развивающихся государств, лишь ограниченно сдерживаемая иммиграционной политикой Европейского союза, создает в перспективе прямую угрозу идентичности, культурной целостности и национальной безопасности стран европейского континента. Здесь приходится согласиться с мнением С. Хантингтона, который говорил, что если в стране не происходит

культурная ассимиляция иммигрантов, то там возникает потенциальная угроза гражданской войны¹.

Социологические исследования показывают, что если численность мигрантов составляет незначительную долю населения страны, то во втором и третьем поколениях происходит их ассимиляция доминирующей в стране культурой и «растворение» мигрантов в общей массе коренного населения. Если же доля мигрантов в стране растет быстрыми темпами, то этого не происходит, а когда их количество начинает приближаться к некоторой «критической массе» (по нашим оценкам – это 15% населения страны), то происходит формирование национальных анклавов, представители которых начинают бороться за признание властью своих социальных и политических интересов. «Первыми ласточками» в этом плане можно считать появление этнических анклавов в крупных городах России, конфликты на этнической почве и требование строительства мечетей в местах компактного проживания мусульман. Так создаются условия для зарождения кризисных ситуаций, нерешенность которых приводит к возникновению конфликтов на межнациональной и конфессиональной почве.

Вышеперечисленные факторы говорят о том, что перед экспертным сообществом стоит задача выявления условий возникновения конфликтов на ранних стадиях, когда еще имеется возможность начать процесс их урегулирования до того, как они примут необратимый разрушительный характер. Это относится в первую очередь к иммиграционной и конфессиональной политике государства, а также к вопросам адаптации иммигрантов в конфессионально-культурную и правовую среду принимающей их страны.

Что касается сценариев развития кризисной ситуации, то фаза ее зарождения обычно проходит в скрытой, неявной форме. На этом этапе происходят формирование условий и зарождение тенденций будущего конфликта, которые, на первый взгляд, выглядят не опасными и не влекущими серьезных последствий. Имеющие место инциденты местные власти представляют как бытовые инциденты без этноконфессионального подтекста. Да и сами инициаторы кризисных тенденций намеренно занижают их значимость, успокаивая общественность и власти отсутствием какой-либо опасности для основ государственности и списывая их

¹ Столкновение цивилизаций? Сэмюэль Хантингтон // Центр гуманитарных технологий: Интернет-сайт. 2007. 20 января. URL: <http://gtmarket.ru/expertize/2007/2498> (Дата обращения: 10.04.2008.)

на действия маргиналов, не несущих серьезной угрозы общественной безопасности.

В качестве примера можно привести ситуацию в Татарстане, где местные власти успокаивают Москву, утверждая, что обстановка находится под контролем, а сожжение нескольких православных храмов – это злостное хулиганство. Другими примерами являются осквернение храма Христа Спасителя панк-группой «Pussy Riot», в защиту которой выступили группа российских деятелей культуры, звезды зарубежной эстрады, а также акции «крестоповала» и группы «Фенэм».

На второй стадии развития кризиса происходит расширение его масштабов, что оказывает влияние на общую обстановку в стране, вынуждая центральную власть принимать меры по недопущению его эскалации путем привлечения силовых ведомств для стабилизации обстановки и борьбы с экстремистами.

На третьей стадии развития кризиса, характеризующейся крайним обострением обстановки, противоборствующие стороны начинают открытую вооруженную борьбу. Появляются незаконные вооруженные формирования, совершаются террористические акты, диверсии и захваты заложников.

Четвертая стадия развития кризиса характеризуется вовлечением в него субъектов международной политики в лице правозащитных и гуманитарных организаций, а также оказанием дипломатического, информационно-пропагандистского и экономического давления на население и руководство страны, где имеет место конфликтная ситуация. В случае если такое давление не приводит к нужным результатам, а противоборство принимает форму гражданской войны, в ходе которой мятежники не могут свергнуть правящий режим (как это было в Ливии и в настоящее время происходит в Сирии), то в Совете Безопасности ООН ставится вопрос о вооруженной интервенции против данного государства для свержения «диктаторского» режима.

После начала активных действий сторон и обострения противостояния в ходе конфликта события, как показывает исторический опыт, могут развиваться по следующим сценариям.

1. Относительно быстрая победа одной стороны конфликта и поражение другой. Именно так развивались события в Тунисе и Египте. При этом, будучи неудовлетворенной таким исходом, побежденная сторона, собравшись с силами, может снова создать кризисную ситуацию, начав новый виток противостояния, чтобы взять реванш, как это произошло в Египте после прихода к власти

движения «Братья-мусульмане» и в Ираке, где суннитский анклав при поддержке Саудовской Аравии ведет вооруженную борьбу с шиитами, пытаясь восстановить свои позиции в стране.

2. Создается ситуация относительного равенства сторон. В этом случае конфликт приобретает характер длительного вооруженного противостояния, как это имело место в Ливии и происходит в настоящее время в Сирии. Его интенсивность меняется в зависимости от активности сторон. При этом может произойти расширение конфликта путем вовлечения в его орбиту новых участников, среди которых оказываются те, кто пытается разрешить его в свою пользу, играя роль миротворцев.

3. В случае возникновения патовой ситуации, когда обе стороны пришли к выводу о бесперспективности продолжения борьбы, начинается процесс урегулирования конфликта. Это свидетельствует об истощении моральных, людских и материальных ресурсов сторон и осознании ими риска полного проигрыша, нередко обоюдного, обусловленного опасностью взаимного уничтожения. Примерами этому являются мирное разрешение Карибского кризиса и последующее подписание Хельсинкских соглашений, ознаменовавших начало эпохи разрядки международной напряженности, а также начало дипломатического урегулирования ситуации в Сирии и попытки дипломатического решения иранской проблемы. Иными словами, в данном случае должна сложиться такая ситуация, когда участники противостояния осознают полную бесперспективность продолжения борьбы.

При этом возможность мирного урегулирования конфликта может быть облегчена наличием у противоборствующих сторон определенных совпадающих интересов. При этом бывает полезно выявить интересы, не затронутые в ходе конфликта, – интересы второго плана. Они также могут быть увязаны при переговорах, что сыграет свою роль в ходе урегулирования конфликта. На это обстоятельство обратил внимание один из основателей конфликтологии Т. Шеллинг, заметив, что «чистые» конфликты, или конфликты с нулевой суммой, когда одна сторона получает всё, а другая всё теряет, встречаются редко¹. Практически большинство конфликтов не являются конфликтами «с нулевой суммой». Это открывает перспективу нахождения разумного баланса интересов. Осознание этого факта противоборствующими сторонами может

¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Томас Шеллинг; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 109–111.

стать залогом урегулирования и открыть перспективу перехода от конфронтации к совместному поиску решения.

С учетом вышеизложенного рассмотрим некоторые подходы к проблеме урегулирования конфликтов. Одним из них является принцип разведения сторон, который был применен при разрешении конфликта вокруг Синайского полуострова, оккупированного Израилем в результате войны 1967 г. В данном случае разрешение конфликта стало возможным по результатам войны Судного дня 1973 г. и заключения мирного договора между Египтом и Израилем в Кэмп-Дэвиде в 1978 г., по которому Египет вернул себе суверенитет над Синайским полуостровом при условии его демилитаризации и гарантий безопасности Израиля со стороны Египта. Однако принцип разведения сторон эффективен далеко не всегда. Часто бывает, что стороны заинтересованы в захвате или установлении контроля над одними и теми же ресурсами: территориями, источниками сырья, транспортными коммуникациями, выходами к морю. Тем не менее и здесь возможно разрешение конфликта на основе различия значимости объектов соперничества для его участников и последующих взаимных уступок. Принцип взаимных уступок может быть реализован путем обращения сторон к независимым экспертам для выработки соответствующих предложений. В качестве таких экспертов могут привлекаться авторитетные общественные деятели, ученые, международные организации, которые на основе анализа ситуации предлагают варианты решения, позволяющие выбрать оптимальный или сформировать на их основе обобщенный подход к разрешению данного конфликта.

В некоторых ситуациях противоречия между участниками конфликта могут оказаться на каком-то этапе неразрешимыми. Примером тому служит тупиковая ситуация в палестино-израильском противостоянии. Дело в том, что оба народа претендуют на одну и ту же территорию, на одну и ту же столицу, одни и те же святые места. Это угрожает перерастанием территориального спора в масштабный конфликт между исламским миром и Западом. В данном случае обмен уступками крайне затруднен по причине уникальности объектов спора для жизненных интересов сторон и их принципиального нежелания идти на компромисс. Единственным путем к достижению согласия может стать снижение остроты конфликта путем временного отказа от выдвижения принципиальных вопросов и достижения договоренностей по второстепенным направлениям. Это позволит прийти к рамочному

соглашению, снижающему остроту противостояния и позитивно влияющему на укрепление региональной безопасности.

Поиску конкретных вариантов разрешения конфликта, как правило, должно предшествовать снижение уровня напряженности. С этой целью проводятся мероприятия по деэскалации уровня противостояния и выдвижение одной из сторон мирных инициатив с целью побудить противоположную сторону последовать своему примеру. Основная трудность в данном случае состоит в недоверии участников друг к другу. Сторона, идущая на деэскалацию и выдвигающая мирные инициативы, рискует оказаться в ситуации, когда противоположная сторона примет это за признак слабости и ответит усилением конфронтации. Чтобы этого не произошло, иногда необходимы гарантии третьей стороны. Примером использования принципа деэскалации конфликта является разрешение Карибского кризиса 1962 г., когда советская и американская стороны последовательно делали шаги для выхода из взрывоопасной ситуации.

Важным аспектом урегулирования конфликтов является разрешение территориальных претензий их участников. Согласно современной международно-правовой практике субъектами территориальных споров признаются только государства. Национальные территории, входящие в государство, таковыми не являются. Это говорит о том, что борьба наций за самоопределение и образование самостоятельных государств на занимаемых ими территориях не рассматривается как территориальный спор. Но это препятствие не является непреодолимым. Население отдельной государственной территории, руководствуясь принципом самоопределения наций, может создать субъект международного права путем проведения референдума и последующих выборов в высший орган власти. Примерами являются Палестина, Косово, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Южный Судан, народы которых создали новые субъекты международного права и добиваются признания своих государств на международной арене.

Территориальные споры в международной практике считаются конфликтами «с нулевой суммой», т.е. в результате его разрешения одна из сторон теряет территорию, а другая ее приобретает. Но этого варианта можно избежать, если достигается соглашение о совместном владении или использовании данной территории. Например, путем создания общей экономической зоны или предоставления права экономической деятельности на данной территории, создания анклава или военной базы. Еще

одним вариантом разрешения территориального спора может быть исчезновение предмета спора, как это произошло с островом Даманский, который вошел в состав КНР в результате демаркации границы между РФ и Китаем, в результате чего он стал китайской территорией.

Рассмотренные подходы к урегулированию конфликтов предназначены главным образом для создания благоприятных условий при урегулировании проблемы на межправительственном уровне. Вместе с тем здесь должны учитываться такие эмоциональные моменты, как настроения населения и его отношение к данному конфликту, а также желаемые пути его решения.

В этом плане важным фактором урегулирования конфликтов являются неформальные контакты между представителями противоборствующих сторон. Они способствуют преодолению образа врага и установлению атмосферы доверия, являются важнейшим источником информации о позициях сторон, а также каналом обмена мнениями и площадкой для обсуждения путей выхода из конфликтной ситуации. Подобные неформальные контакты оказывают положительное влияние как на население, так и на противоборствующие стороны. Это называется «народной дипломатией», в рамках которой появляется возможность проводить встречи и конференции переговорного формата с участием представителей общественности конфликтующих сторон.

Результаты данного подхода скажутся не сразу, но систематическое его применение значительно облегчает работу дипломатам, так как снижает уровень напряженности и создает атмосферу доверия, особенно если в таких контактах принимают участие неангажированные авторитетные посредники и профессионалы в данной области.

Существенную роль в снижении уровня конфликтности может сыграть деятельность военных миротворческих контингентов для предотвращения или прекращения военной фазы конфликта. Военное миротворчество заключается в физическом разъединении сторон путем введения в зону конфликта военных контингентов и международных наблюдателей. Миротворчество предполагает оказание конфликтующим сторонам помощи со стороны специалистов, финансовыми средствами, медикаментами, продовольствием, обучением персонала, содействием в проведении референдумов и выборов, а также обеспечением контроля за соблюдением соглашений.

«Принуждение к миру» как одна из форм миротворчества применимо в ситуациях, когда одна из сторон пытается разрешить конфликт военными средствами, активно противодействуя усилиям по его политическому урегулированию. Тогда миротворчество принимает форму войсковой операции, как это имело место в августе 2008 г. при защите Южной Осетии от грузинской агрессии. В целом следует отметить, что если традиционное миротворчество по своей сути является посредничеством военного контингента в политическом урегулировании конфликта, то «принуждение к миру» представляет собой силовую операцию, направленную на прекращение вооруженных столкновений сторон и установление мира путем нанесения поражения агрессору.

Превентивная деятельность по предотвращению конфликтов и кризисных ситуаций

Управление современными государственными и международными системами априори является антикризисным на всех этапах их развития. Это требует от политиков всех уровней умения своевременно распознавать приближающиеся кризисные явления и принимать адекватные управленческие решения.

Для высшего государственного руководства наиболее важным элементом антикризисного управления являются диагностика и превентивная санация кризисных тенденций и явлений. Диагностика позволяет получить достоверную информацию о реальных целях и возможностях противостоящих сторон, что дает возможность приступить к формированию рефлексивной модели антикризисного управления. При этом антикризисное управление определяется как система мер и методов по диагностике, выявлению, нейтрализации причин кризисных явлений и преодолению их последствий. Оно должно охватывать все стадии зарождения и развития кризиса, включая его предупреждение, профилактику и устранение последствий.

Система антикризисного управления должна быть гибкой, быстро реагировать на возникающие вызовы и угрозы, адаптироваться к изменениям социально-политической и международной обстановки, а также обладать способностью эффективно использовать имеющиеся у государства геополитические потенциалы и неформальные методы управления. При этом следует принимать во внимание фактор времени, который имеет экономическую

и военно-политическую цену, особо значимую в период зарождения и развития кризисных тенденций и явлений. Эти особенности механизма антикризисного управления обуславливают решение таких задач, как своевременное распознавание симптомов и причин приближающегося кризиса, а также классификацию и выработку мер для его преодоления. Индивидуальные особенности и специфика каждой кризисной ситуации требуют разработки специфических методов и мер при диагностике, санации и проведении превентивных мероприятий для своевременного и эффективного купирования угрожающих тенденций.

Проблематика предотвращения конфликтов и кризисных ситуаций актуальна в связи с тем, что предупредить эти явления значительно легче, чем прекратить. При этом целью превентивной деятельности является своевременное распознавание признаков, природы конфликта и причин, его порождающих, а также инициаторов и движущих сил на общественном, государственном и международном уровнях. Здесь следует подчеркнуть, что сам термин «предупреждение» применяется не к кризису и конфликту вообще, а лишь к их деструктивным формам. Это объясняется тем обстоятельством, что нельзя остановить социально-политическое развитие общественных и международных систем и неразрывно связанные с ним кризисные явления, принимающие форму конфликтов, но следует пытаться предупредить их деструктивные проявления, связанные с насилием, человеческими жертвами, нанесением ущерба имуществу, общественным интересам и ценностям. Поэтому содержание превентивной деятельности заключается в определении мер воздействия на структурные элементы конфликта, которые включают участников конфликта, мотивы их поведения, объекты воздействия и применяемые методы и средства, до того как возникли его деструктивные проявления.

В зависимости от характера конфликта, источников его зарождения и развития превентивная деятельность должна быть направлена на предупреждение насилия, его неконтролируемой эскалации и переориентацию хода событий в русло мирного разрешения проблемы. В связи с этим различают два вида превентивной деятельности: на ранней стадии – для предотвращения конфликта и после его возникновения – для предотвращения его неконтролируемого развития.

Деятельность по раннему предупреждению конфликтов и кризисных ситуаций направлена на предотвращение эскалации насилия до вооруженного противостояния сторон или массовых

протестных выступлений. При этом следует учитывать то обстоятельство, что зачастую один из участников конфликта чаще всего не ставит перед собой задачу нормализации отношений и не стремится искать пути его разрешения с противоположной стороной на договорной основе. Примерами деятельности по предупреждению конфликтов и кризисных ситуаций являются челночная дипломатия, посреднические усилия общественных и религиозных деятелей, миссии наблюдателей, направление в кризисные районы миротворческих сил, проведение войсковых учений в сопредельных с зоной конфликта регионах, а также демонстрация флага военно-морских и военно-воздушных сил. Все эти меры необходимо проводить до того, как конфликт перейдет в стадию вооруженного противостояния сторон.

Стратегия раннего предупреждения кризисных ситуаций должна использовать эффективно действующую систему мониторинга очагов потенциальных конфликтов для их картографирования и выявления динамики развития. Наилучшим периодом для проведения мониторинга конфликта является его латентная фаза, так как в данном случае имеются все возможности для предотвращения развития конфликтов по катастрофическому сценарию.

Гуманитарные организации и иностранные агентства, работающие в конфликтных районах и не ангажированные третьими силами, могут поставлять наиболее свежую и достоверную информацию по состоянию данной проблемы, а также осуществлять личные контакты и посреднические функции, которые чрезвычайно ценны в деле успешного предупреждения конфликта. Эта деятельность может осуществляться при взаимодействии со СМИ и исследовательскими организациями¹.

Превентивные шаги могут включать миссии по выявлению и исследованию факторов, свидетельствующих о нарастании конфликта, а также возможных его границах и степени остроты противоречий. Полученная информация должна использоваться для обсуждения в экспертном сообществе, организации диалога и переговоров сторон – участниц потенциального конфликта². На следующих этапах возможно привлечение международных орга-

¹ Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. *Contemporary Conflict Resolution* / Hugh Miall, Oliver Ramsbotham, Tom Woodhouse. – London: Polity Press, 1999. – P. 97.

² *Preventing Deadly Conflict* / Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – New York: Carnegie Corporation of New York, 1997. – P. 40.

низаций, а также оказание материальной и технической поддержки усилиям посредников и участникам переговоров, а также направление миротворцев в районы потенциальных конфликтов. Все эти меры предоставляют сторонам критически важное время для поиска путей мирного разрешения конфликтной ситуации. На стадии предотвращения неконтролируемого развития конфликта ставится задача системного анализа глубинных причин возникшей ситуации на основе изучения противоречивых интересов сторон и асимметрии их отношений.

Масштабная превентивная деятельность включает изучение причин неравномерного развития регионов и положения этнорелигиозных общностей, особенностей их социально-политических культур и взаимоотношений между ними с учетом выявленных структурных причин конфликта, к которым можно отнести экономическое и социальное неравенство населения региона и неэффективную работу органов власти¹.

Результатом разработки превентивных мер могут быть программы экономического развития конфликтогенных регионов, разработка механизмов урегулирования противоречий, миротворческая деятельность, акции по установлению межкультурных контактов и создание организаций по предотвращению и урегулированию конфликтов. К дополнительным мерам можно отнести пропаганду национального и конфессионального согласия и создание механизмов мирного и конструктивного разделения политической власти как в масштабах государства, так и в отдельном его регионе².

*«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2014 г., № 4 (25), с. 136–151.*

¹ Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. Op. cit. – P. 97.

² См.: Preventing Deadly Conflict. – P. 39–40, 69, 89.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Сафиуллина-Аль Анси,
кандидат филологических наук,
зав. кафедрой гуманитарных дисциплин
Российского исламского института (г. Казань)
**«ХИЗБ УТ-ТАХРИР» В РЕСПУБЛИКЕ
ТАТАРСТАН: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДОКТРИНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
И ПОВЕДЕНЧЕСКОГО УРОВНЯ**

Год с небольшим назад жители Татарстана вступили в новую реальность – взаимного недоверия и отчуждения, которая началась 19 августа 2012 г. с покушения на муфтия республики Ильдуса Фаизова и убийства бывшего заместителя муфтия Валиуллы Якупова. Из всех суждений и мнений, посвященных анализу и оценке этих событий, и из настроений – как в мусульманском обществе, так и в обществе в целом, – зрело стойкое мнение, что эти события были связаны с интересами определенных кругов, направленными на дестабилизацию ситуации в республике. Тем временем проводимые силовыми структурами массовые обыски в домах мусульман и аресты начали восприниматься как репрессии против верующих, в СМИ и в социальных сетях муссировалась информация о превышении полномочий со стороны полиции, пытках и угрозах с принуждением дать признательные показания в не совершённых преступлениях¹. При этом официального подтверждения или опровержения этой информации так и не появилось. Для материалов же, размещаемых на информационных каналах, были характерны тенденциозность в освещении событий,

¹ В дни, когда готовился этот материал, общественность вновь была взбуждена информацией о фактах применения насилия в отношении мусульман, подозреваемых в поджогах церквей в Татарстане.

значительный рост антимусульманской риторики¹ и создание Татарстану имиджа «ваххабитского» анклава. Эта истерия, если можно так выразиться, так же внезапно и улеглась, хотя единичные материалы время от времени возникали в информационном пространстве. Неким своего рода рубежом, способствующим прекращению раздувания этой темы, можно считать заявление президента РТ, точнее, его ответ на вопрос о наличии экстремизма и терроризма в РТ, ставший впоследствии крылатой фразой: «...у вас больше шансов, что на вас упадет сосулька, чем нападет ваххабит» [Чернобровкина, 2012].

Тем не менее нельзя было не обратить внимания на многочисленные сообщения о стычках между мусульманами, придерживающимися традиционного для татар ислама ханафитского мазхаба, и сторонниками идеологии ваххабизма и «Хизб ут-Тахрир» (далее – ХТ). Сторонники последнего активно подвергались арестам, пополняя списки осужденных. Этим и был обусловлен наш исследовательский интерес к вопросу, выведенному в заглавие нашего доклада.

Одной из задач нашего исследования было выяснить, в какой мере имеет место трансформация доктринального дискурса и поведенческого уровня мусульман, подверженных влиянию этого течения. В первую очередь, это предполагало выявление расхождений догматического характера, если таковые имеют место, между представителями ХТ и мусульманского большинства нашего региона, и рассмотрение, как это выражается на поведенческом уровне².

¹ Так, в материалах, размещенных на сайтах информационных агентств Интерфакс и Regnum [Интерфакс, 2012; Дефисов, 2012], посвященных празднованию окончания мусульманского поста (Уразы) 19 августа в казанском Парке Победы с участием тысяч верующих, нет ни одного слова про угощения, аттракционы, помощь неимущим. Праздничное мероприятие, связанное с праздником Рамадан, характеризуется как политическая акция. Всех участников праздника авторы называют фундаменталистами, экстремистами и террористами. То же касается и освещения нашумевших акций протеста, проведенных в Казани 29 июля и 5 августа, против незаконных массовых задержаний в связи с расследованием дела о покушении на муфтия Татарстана и убийстве его заместителя.

² Наряду с этим в рамках нашего опроса мы пытались выяснить, в какой мере в определенных кругах мусульманского сообщества усматривается опасность распространения идей ХТ, а также возможен ли диалог или дискуссия со сторонниками взглядов рассматриваемого движения, если да – то каким образом может складываться этот диалог, или действительно разговоры и тем более дискуссии с ними вообще неуместны и бесполезны? Еще одной задачей было

Дело в том, что исследователями неоднократно отмечалось, что исповедуемый российскими мусульманами ислам на данный момент представляет собой специфическую структуру, компоненты которой при доктринальной принадлежности к одной религии достаточно разнятся и с точки зрения понимания догматов, и с точки зрения религиозных практик. На догматическом уровне это выражается в том, что формулировка исламского «символа веры» у разных людей, относящих себя к мусульманам, приобретает различные интерпретации. И это касается не только российских мусульман. Наряду с тем, что более 1,5 млрд мусульман во всем мире едины в своей вере в Бога и Пророка Мухаммада, им свойственно по-разному оценивать роль и место религии в своей жизни. Если в первую очередь мусульман объединяют пост в месяц Рамадан и милостыня нуждающимся, то при этом их взгляды на другие аспекты своей религии могут достаточно сильно отличаться. Об этом говорят результаты масштабного исследования, проведенного Pew Research Center. Согласно проведенному опросу, в котором участвовали более 38 тыс. человек, говорящих более чем на 80 языках, наряду с наличием согласия по основным принципам ислама, мусульмане 39 стран и территорий отличаются по уровню религиозности, открытости к различным интерпретациям своей веры и подверженности влиянию различных сект и движений [Брилев, 2012].

Сложность в исследованиях такого рода вызывает тот факт, что сами по себе богословские реалии трудноуловимы с точки зрения научной объективности, доказательным здесь быть невозможно, можно быть лишь по-своему убедительным. И эта убедительность ставит проблему не столько «логической выверенности и квалифицированности исследования, сколько чуткости к смыслу. А это не научная категория»¹.

выявить, какими видятся причины того, что в нашем обществе находятся сторонники идей подобных течений. Также мы задавались вопросом, как опрашиваемые относятся к конкретным мерам пресечения, предпринимаемым против так называемых сторонников движения ХТ. Также нас интересовал вопрос о том, каким видится решение проблемы распространения идеологий, подобных идеологии ХТ. Но в рамках данной статьи мы ограничимся только изложением вопросов догматических и идеологических расхождений, а рассмотрение остальных вопросов оставим для других публикаций.

¹ Об этом же говорил в своем выступлении и завкафедрой богословских дисциплин и литургии Свято-Филаретовского института кандидат филологических наук Давид Гзгзян на круглом столе «Филология и богословие: Возможно-

Тем не менее нами была предпринята попытка подвергнуть практическому рассмотрению данный вопрос. Наряду с имеющейся научной литературой, освещающей эту проблематику, для нас важным источником информации послужили материалы СМИ, интернет-ресурсы, в том числе и информация из социальных сетей, а также многочисленные опросы. Опросы проводились среди простых верующих – как среди сторонников или сочувствующих этому движению, так и среди противников. Также были проведены интервью с представителями экспертного сообщества: исследователями, преподавателями мусульманских образовательных учреждений, а также представителями официального духовенства и ряда государственных органов.

Для ясности сразу отметим, что большинство респондентов, судя по их ответам, не имели опыта общения с представителями ХТ. И это неудивительно с учетом того, что уже более десяти лет решением Верховного Суда РФ «Хизб ут-Тахрир» признана террористической организацией и открытое признание себя членом этой организации равносильно объявлению себя вне закона¹.

Пользуясь доступными им способами получения информации (СМИ, Интернет), большинство участников опроса отмечают эффективную работу самой организации, что выражается в развитом аппарате, наличии литературы, медиаресурсов (сайтов, профессиональных видеороликов). Наблюдается сходство в методике

сти и границы диалога», организованного в РГПУ им. А.И.Герцена в апреле 2013 г. [Андросенко, 2013].

Априорно любая деятельность от имени ХТ является продолжением деятельности запрещенной организации, что представляет собой состав преступления. Активистам ХТ предъявляют обвинения по ст. 205.1 УК РФ («вовлечение в террористическую деятельность») только по факту вовлечения в ХТ. Чаще всего «тахрировцев» (так обычно именуют членов ХТ) судят именно по этим статьям, а не за какие бы то ни было иные конкретные деяния. Суды не рассматривают экстремистскую и террористическую сущность деятельности ХТ по существу, ссылаясь только на решение Верховного Суда, в котором, в свою очередь, также нет ни слова о какой-либо противозаконной деятельности организации на территории России, об актах терроризма, совершенных членами ХТ или от ее имени, так как таких фактов нет, или они неизвестны специалистам; одним из основных положений учения ХТ является именно отказ от насилия на современном этапе. Во время судебных процессов даже возникают абсурдные ситуации, схожие с той, когда судья в ходе уголовного процесса публично заявил: «Я понимаю, что подсудимые, возможно, не являются террористами, а лишь высказывали утопические идеи. Однако пока есть решение Верховного Суда, я должен считать их террористами» [Бороган, 2007].

и оформлении материалов с другими политическими партиями. По мнению одного из интервьюеров, «они успешно используют сложную ситуацию в исламском мире, которая усугубляется не только из-за влияния внешних сил, но и сами мусульманские правители дают повод для недовольства».

Что касается оценки деятельности ХТ, то в результате нашего опроса и исследования сложилась довольно пестрая, неоднозначная и противоречивая картина. Среди высказываний опрошенных встречаются разные характеристики, такие оценочные суждения, как «абсолютное зло», «опасные» (самая частая характеристика), «зацикленные на своем», «сектанты», «больные люди», «проблемы с головой», «зомби». Но были и несогласные с таким мнением, в частности один из интервьюеров на вопрос о его отношении к вышеназванным характеристикам ответил, что «эти уничижительные определения употребляются как манипулятивный термин, чтобы девальвировать хизбов», признав при этом, что сторонники ХТ не до конца грамотные в религиозном отношении. Кто-то называет их деятельность и активность экзальтированным, немного агрессивным, чрезмерным выражением молодости, максимализма, героизма, возможности выделиться, тяги и любви к борьбе.

Наряду с этим встречались мнения, что, несмотря на наличие в выступлениях сторонников ХТ определенных антигосударственных лозунгов, не все готовы относить представителей ХТ к террористическим организациям. Это при том, что решением Верховного Суда РФ ХТ входит в список 15 организаций, признанных террористическими, что, впрочем, и является основанием для многочисленных арестов и судов над так называемыми «членами» организации.

По мнению ряда опрошенных, опасность от деятельности ХТ нивелируется, если ведется просветительская работа среди населения об исламе. Нередко деятельность ХТ расценивается как провокация, нацеленная на дискредитацию мусульман: «...считаю их просто провокаторами, своими действиями они народ отвращают от ислама. У нас к черному цвету отрицательное отношение, а они используют автопробеги, черные флаги. Это деклассированные элементы, которым платят деньги, чтобы они отвращали людей от ислама».

Распространенное мнение, что «они очень опасны», емко сформулировал один из интервьюеров: «Поскольку любой фанатизм + невежество = опасность».

При выяснении отношения мусульман к мерам пресечения, применяемым к так называемым сторонникам ХТ, абсолютное большинство опрошенных отмечали, что это не панацея и подобными мерами эту болезнь не вылечить. Административные и законодательные запреты приводят к тому, что люди уходят в подполье и происходит радикализация движения. При этом чрезмерные и явно несправедливые репрессии только лишь приведут к росту их популярности. Также встречались и явно конформистские, осторожные и прогосударственные позиции: «Судить то или иное решение государства мы не можем. Мы должны все следовать Конституции. И в исламе мы должны жить по шариату, где всегда можно найти выход из ситуации». «Если человек нарушил закон, судить следует по поступкам. Если осудили – значит, есть за что. Если эта группа запрещена, значит, есть за что запрещать». «Зачем он пошел туда (в организацию “Хизб ут-Тахрир”. – Прим. Р.С.), подставляя свою семью, зачем читал запрещенную литературу и пр. Разве нет альтернативы?». «Это общество запрещено, и мусульманам нужно развиваться в том русле, которое разрешается государством». «Раз уж эта организация запрещена и признана экстремистской, то и их приверженцы так же оцениваются».

Наряду с этим многими респондентами отмечалось, что в российском информационном пространстве продолжается последовательное внедрение в общественное сознание мнения о том, что ислам – это не религия добра и мира, а культ экстремизма, жестокости и террора. В частности, встречались такие точки зрения: «К сожалению, очень часто приходится сталкиваться с всё больше крепнущим убеждением, что любая активность мусульман считается в нашей стране экстремизмом. Это касается любого призыва к исламу, призыва к поклонению одному Аллаху, распространению ислама и так далее, вне зависимости от форм – “Таблиг”, “Нурси”, “Хизб ут-Тахрир” или что-то еще».

Попытки же представителей некоторых традиционных религий «выторговать» у государства для себя специальные условия и стремление к статусу «государственной религии» расцениваются респондентами, способствующие как росту недоверия между представителями разных конфессий, так и внутрiconфессиональной напряженности: «В России с каждым годом всё более активно действуют и православные лагеря, где молодежь обучают обращению с оружием, существуют и православные дружины, казачьи... Получается, что толерантность, о которой так любит говорить каждый кому не лень, это тоже фикция. От нас требуют толерант-

ности по отношению к другим конфессиям, к атеистам и безбожникам, но кто-либо требует толерантности в отношении самих мусульман?» «Парадокс в том, что те, кто себя называет мусульманами, суфиями и пр., не живут в соответствии с этим названием, они готовы уничтожить тех, кто не признает их взглядов, готовы завалить доносами силовые структуры. И они с успехом делают это, выступая в авангарде этой травли мусульман».

Говоря о теологических расхождениях догматического, мировоззренческого и идеологического характера, следует отметить следующее.

Большинство опрошенных – как простых мусульман, так и экспертов – считают, что ХТ следует расценивать не как чисто религиозное, а как религиозно-политическое движение: «Они считают основной задачей в этом мире 100%-ное исполнение приказов Всевышнего, но не видят возможности 100%-ного исполнения своих религиозных предписаний в условиях современного общества, вне исламского государства (халифата). Только в халифате, по их мнению, будет возможно реализовывать законы Бога». Один из известных татарских активистов, которого причисляют к сторонникам ХТ, выдвинул в связи с этим лозунг: «Халифат – корона фардов».

По словам одного из интервьюеров, «им свойственна иллюзия, что в исламском государстве все станут счастливы. В этом усматривается духовная опасность – что через внешнее преобразование можно прийти к духовному спасению. Многие забывают заботиться о своем душевном спасении здесь и сейчас. То есть вопрос личного преображения отодвигается на неопределенный срок. А у нас (традиционалистов. – *Прим. Р.С.*) – всё нужно начинать с себя, и это преобразит общество».

Оппоненты приверженцев ХТ отмечают оторванность исповедуемых последними догматов от жизни, «они заиклены на каком-то определенном историческом отрезке прошлого и выводят свои положения из ограниченных временем и территорией, пространством реалий... они теряют чувство реальности, в то время как существует четкая грань между доктриной и политической реальностью».

Что касается вопросов вероучения (акиды) у представителей ХТ и традиционалистов, то на первый взгляд может сложиться впечатление, что как таковых отличий нет, ведь большинство адептов этого движения придерживаются ашаритской мировоззренческой школы, так как ее придерживался сам основоположник

движения Набхани. Однако в учении идеологов течения проявляются заимствования мутазилитского характера, на что указывают как салафиты, так и традиционные мусульмане. Так, в вопросе предопределения позиция некоторых последователей ХТ совпадает с мутазилитской, согласно которой человек сам является творцом своих действий, которые практически не связаны с предопределением¹. Наряду с этим ориентация на приоритет разума различает последователей ХТ с салафитами.

Салафитам свойственно обвинять сторонников ХТ в обособлении, в том, что они представляют собой отделившуюся от остальных группу (новый мазхаб) и связаны определенными обязательствами перед своей группой (или партией). Так же их обвиняют в увлечении лишь политикой, пренебрежении знаниями, и, как результат, отмечают отсутствие признанных мировых ученых в их партии. В связи с тем что сторонники ХТ не принимают в качестве довода одиночные сообщения (хадисы ахад)², ими отрицается вера в пришествие Христа, махди, вера в наказание в могиле. Тем не менее наряду с отрицанием последнего положения при молитве ими практикуется выспрашивание милости у Аллаха посредством уменьшения тяжести наказаний в могиле. Таким образом, можно констатировать наличие некоего противоречия в вероучительных убеждениях ХТ³. Также отмечается, что их приоритеты отличаются от общемусульманских, а именно: во главу угла ставится халифат, а не вопросы веры (иман), единобожия (таухид), знания (ильм), поклонения (ибада). Следует отметить, что, по мнению традиционалистов, вопрос халифата относится к фикху, а не к вопросам усул ал-фикх⁴.

¹ Эти идеи изложены в одном из теоретических трудов создателя и идеолога движения ХТ Такиуддина ан-Набахани «Мусульманская личность».

² В этом и заключается отличие некоторых положений вероучения ХТ от ханафитов, согласно которым могут отвергаться некоторые одиночные сообщения, а некоторые, согласно точке зрения ученых, считающих их достоверными (по мнению большинства), – приниматься. В связи с этим, в трудах Тахави и Насафи по вероучению встречается опора на одиночные хадисы, и ряд положений с опорой на одиночные сообщения вошел в акиду.

³ Справедливости ради следует отметить, что мысль о необязательности веры в махди встречается у авторитетных мусульманских богословов, в частности у Карадави, который обосновывает это наличием множества самозванцев, приводящим к фитне и пр.

⁴ Тема халифата в традиционном ханафитском богословии возникла в противостоянии с шиитами. И в тексте Насафи встречается положение о том, что у мусульман должен быть халиф.

В качестве различий догматического характера также можно указать то, что в трудах идеологов ХТ допускается возможность совершения пророками грехов до своего пророческого периода в отличие от общепринятой в исламской традиции точки зрения, что пророки могли только ошибаться и они, начиная с самого своего рождения, защищены от тяжких грехов.

Говоря о различиях в исламской этике (ахляке), распространены такие дискредитирующие сторонников ХТ обвинения, что они якобы не брезгают порочными, запрещенными шариатом методами в достижении своих целей, как, например, взятки. Их обвиняют в том, что они могут позволить себе курение, которое у традиционалистов относится к категории осуждаемого (макрух), а также прослушивание западной музыки, просмотр фотографий обнаженного женского тела (оправдываемый тем, что изображение не является живым телом), ношение париков и др.

Буквалистское понимание присущего исламу четкого деления мира на «мир ислама» (дар ул-ислам), т.е. территорию, где мусульманское население проживает под исламским правлением, и враждебный к мусульманам «мир войны» (дар ул-харб), по мнению оппонентов ХТ, накладывает отпечаток и на их отношение к женщине. Как отмечал один из интервьюеров, «любая женщина на дар ул-харб для них добыча, и слышать об этом приходилось при непосредственном общении с ними».

Среднестатистический приверженец идей ХТ, согласно нашему опросу, представляет собой молодого человека, как правило, без высшего образования, без постоянной работы, но с наличием определенных амбиций. Чаще всего это приезжие – либо татары из районов Закамья Татарстана, либо представители республик бывшей Средней Азии. По характеристике большинства противников идеологии ХТ, у сторонников этого движения ярко выражен социальный аспект, наличествует связь с криминалитетом, приверженность оппозиционным взглядам, чувствительность к несправедливости сочетаются с религиозной безграмотностью.

Исследователями уже давно отмечается довольно низкий уровень доктринальной осведомленности о своей религии даже среди ее усердных приверженцев. Это обусловлено тем, что вероучительные познания в традиционных религиях требуют напряженной работы по их освоению с соответствующим уровнем эрудиции и подготовки, что обычно расходится с повседневными жизненными возможностями большинства последователей. Возросшая в последнее время популярность и распространение новых

религиозных движений (НРД) многими исследователями объясняются тем, что в них, в отличие от так называемых «традиционных» религий, интеллектуальность замещается схематичностью и набором запоминающихся клишированных формулировок, наглядность преобладает над абстрактностью. Другими словами, «...вероучения НРД, как зарубежного, так и отечественного происхождения, заметно проще, чем в исторически сложившихся религиях с длительной традицией доктринальных дискурсов» [Смирнов, 2013, с. 31].

Наряду с тем что духовность недогматична, гибка и является обоснованием духовного поиска, осознание «всемогущества» и «конечности» истины постигнутого способствует разработке утопических идей, от которых один шаг до их мифологической формализации и легитимизации в массовом сознании [Сторчак, 2013, с. 101]. К тому же это накладывает на стремление к контролю над ценностями и принципами индивидов со стороны религиозных институтов. На фоне этого политические дразги внутри российского ислама о главенстве того или иного духовного управления мусульман в стране не создают восприятия единого религиозного мусульманского сообщества.

Очевидно, что религиозные лидеры и те структуры, которые отвечают за внешние контакты религиозных организаций и общин, несут большую ответственность в случае мифологизации внутренней религиозной сферы.

Что касается деятельности ХТ, выраженной главным образом в мероприятиях протестного характера, то сегодня сложно определить юридическую грань между экстремизмом, свободой совести, свободой слова и критикой власти. Тем не менее, по нашему мнению, ХТ нельзя отнести к террористическим организациям, как бы многим этого ни хотелось. По крайней мере, прямых фактов, подтверждающих террористическую деятельность ХТ, нет. Ни для кого не секрет, что главным основанием для арестов последователей этого движения служит наличие в их домах запрещенной экстремистской литературы. Но очевидно, что факт прочтения не превращает автоматически человека в последователя автора. Люди имеют право выносить собственные суждения относительно произведений тех или иных авторов. Законы, позволяющие терроризировать граждан на основе того, что они прочитали, противоречат базовым понятиям о правах человека. Также очевиден тот факт, что на основании некомпетентной экспертизы по решениям провинциальных, районных судов к списку экстре-

мистских материалов были отнесены богословские труды, признанные во всем мире¹. Подобные решения вызывают волну протестов и обжалований² и расцениваются как некомпетентное вмешательство в дела мусульман, так как эти книги являются каноническими религиозными книгами, а их признание экстремистской литературой нарушает конституционные и гражданские права мусульман не только на свободу выбора вероисповедания, но и на возможность свободы совершения религиозных обрядов, что может привести к социальному напряжению и дестабилизации межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений³.

Очевидно, что государство для покоя своих граждан должно принимать профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, устранение причин и условий, которые способствуют проявлениям экстремизма. Но наряду с этим не следует упускать из внимания тот факт, что в условиях сложной социально-экономической и политической обстановки при дальнейшем росте религиозного самосознания и сохраняю-

¹ В качестве примера можно привести скандальное решение Ленинского районного суда г. Оренбург от 21 марта 2012 г. по делу № 2-1626/2012 (вступившее в законную силу 26.04.2012 г.), которым 65 книг были признаны экстремистской литературой и включены в список экстремистской литературы. Указанное решение суда было вынесено на основании двух экспертиз по выявлению признаков экстремизма в религиозной литературе, написанных для другого судебного процесса в 2011 г. По признанию самого автора одной из тех экспертиз, преподавателя Московской духовной академии диакона Георгия Максимова, для него новый судебный процесс, уже 2012 г., по результатам которого 65 книг были признаны экстремистскими материалами, стал неожиданностью. По его словам, он очень удивился, увидев в списке экстремистских материалов некоторые книги, прежде всего те, которые имеют каноническое значение для ислама. Также эксперта удивило то, что в списке экстремистских материалов оказались едва ли не все найденные в квартире книги и что к этому была привлечена его экспертиза, написанная для другого процесса и отвечающая на другие вопросы. Скандальности происходящему придает тот факт, что сайт данного эксперта «Православие и ислам» был запрещен прокуратурой за разжигание ненависти между православными и мусульманами в России. Но именно к нему, к человеку, сайт которого запрещают за разжигание ненависти, обращаются за экспертизой по исламским книгам.

² См., например: IslamNews, 2012; Ансар, 2012; Интерфакс, 2012.

³ Указанное обстоятельство подтверждается Заявлением Совета муфтиев России от 16 июня 2012 г. и Заявлением Экспертного совета при Совете муфтиев России от 21 июня 2012 г., Заявлением ДУМ Республики Дагестан и другими религиозными организациями.

щейся религиозной безграмотности населения идеи радикального переустройства общества всегда будут находить себе приверженцев. И эти идеи не обязательно должны иметь религиозную окраску. Тем не менее, пока не будут решены социально-экономические проблемы общества, будет продолжаться использование внешними «политическими игроками» религиозных чувств верующих в качестве прикрытия «политической борьбы за нефтяные и человеческие ресурсы» [Вершинин, 2008].

Библиография

- Андросенко С. Мысль изреченная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfi.ru/statja/mysl-izrechennaja/> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Ансар. Судью, запретившего исламские книги, требуют привлечь к уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/rightway/2012/07/06/31589> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Бороган И. ФСБ и движения Центральной Азии: Анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru/experts/ponomarev/> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Брилев Д. Мировая умма в зеркале социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umma.org.ua/ru/article/publications/2012/08/22/330> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Вершинин М. Методы вербовки и идеологической работы террористических религиозных движений в Поволжье, на примере «Хизб ут-Тахрир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/vershinin5.htm> (Дата обращения: 6.12.2013.)
- Дефисов Р. В Казани сторонники «Хизб ут-Тахрир» отпраздновали Уразу в Парке Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1562896.html> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Интерфакс. (2012a) Фундаменталисты превратили празднование Уразы-байрама в Казани в политический митинг «Хизб ут-Тахрир» – исламовед [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=47190> (Дата обращения: 5.12.2013.)
- Интерфакс. (2012b) Не стоило помещать хадисы в список запрещенной литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=interview&div=352&domain=3> (Дата обращения: 4.12.2013.)
- Смирнов М.Ю. Ресурсы новых религиозных движений в России // Новые религии в России: Двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. – М., 2013. – 240 с. – С. 30–37.
- Сторчак В.М. Диалектика рационального и иррационального в контексте эволюции религии // Новые религии в России: Двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. – М., 2013. – 240 с. – С. 91–102.

Чернобровкина Е. Рустам Минниханов: «Больше шансов, что на вас упадет со-
сультка, чем нападёт ваххабит...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.business-gazeta.ru/article/72340/> (Дата обращения: 4.12.2013.)

IslamNews. Общественная палата обжалует решение суда о запрете книг [Элек-
тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-133231.html>
(Дата обращения: 4.12.2013.)

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения и механизмы
воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 40–54.*

Р. Эмиров,

соискатель факультета политологии
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНОПОЛИТИКИ И ГЕОПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Особенностью Северного Кавказа как внутреннего погра-
ничного геополитического региона Российской Федерации, накладывающей существенный отпечаток на важнейшие сферы жизни, является многонациональный, или полиэтнический, состав населения. Здесь проживает множество этносов, или народностей, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям, или группам, таким как кавказско-иберийская или иафетическая (грузины, народности черкесско-адыгской группы, горские народы Дагестана – аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и др.); нахская группа, состоящая из чеченцев и ингушей и др.; иранская ветвь индоевропейской семьи (осетины на Северном Кавказе и в Южной Осетии, греки, таты, турки – азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкары, ногайцы) и др. Самая большая этническая группа на Северном Кавказе – это русские, значительную часть которых составляют казаки.

В этногеополитическом измерении границы Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства не заканчиваются на южной государственной границе РФ или северной границе закавказских государств, а простираются на территорию Южного Кавказа и дальше – на Ближний и Средний Восток. Здесь речь идет о наличии диаспор северокавказских народов, обосно-

вавшихся со второй половины XIX в. в Турции, Иордании, Сирии и других соседних государствах.

Этим объясняется тот факт, что с точки зрения обеспечения национальной безопасности и государственного единства РФ на южных рубежах и самого Северного Кавказа ключевое значение имеет этнонациональный фактор. Множество других факторов по сути дела вытекают из него или же теснейшим образом связаны с ним. В большинстве, если не во всех республиках региона важнейшие сферы жизни, в том числе политическая, пронизаны этнонациональным, племенным, клановым, клиентелистским и иными началами.

Политические симпатии и антипатии людей в значительной степени определяются их принадлежностью к определенной этнонациональной группе, тухуму, языку, клану, местности. Здесь нет просто абстрактных, статистических избирателей, а есть избиратели-лезгины, избиратели-кумыки, избиратели-аварцы и т.д. Любые проблемы социального, экономического, образовательного или иного характера так или иначе связаны с национальным вопросом. От степени решенности или нерешенности национального вопроса зависят основные векторы развития региона.

Иначе говоря, здесь, как ни в одном другом регионе России, проявляется взаимосвязь между геополитикой и этнополитикой, которые переплетаются в единый узел, непосредственно влияющий на жизнеспособность, суверенитет и единство государства. Более того, сочетание геополитического и этнополитического измерений при исследовании данного геополитического пространства приобретает значимость и актуальность в тех ситуациях, когда этнонациональная проблема становится источником разного рода противоречий и конфликтов, представляющих угрозу государственному единству и социально-политической стабильности в стране. Поэтому исследование этой темы в контексте национальной безопасности России приобретает большое значение не только для понимания и решения внутривнутриполитических задач страны, но и для разработки внешнеполитического курса в отношении со многими соседними государствами.

Касаясь причин возникновения конфликтов на Северном Кавказе, К.С. Гаджиев писал, что они зародились «еще в рамках осуществления так называемой ленинской внешней политики... В теории провозгласив политику самоопределения народов, на деле государственно-административные образования, как правило, отнюдь не строились строго по этнонациональному признаку...

Сам принцип территориально-административного размежевания по сугубо национальному признаку противоречил реалиям Кавказа. Произвольно установленные в советский период границы между республиками в наши дни стали потенциальным источником разнообразных конфликтов»¹.

В результате многократных и произвольных административно-территориальных перекроек без учета этнонационального фактора многие этносы оказались разделенными между двумя или даже тремя-четырьмя республиками. Пагубность такой политики со всей очевидностью обнаружилась в условиях перестройки и развернувшихся за нею процессов распада СССР, когда на поверхность выплеснулись дремавшие до сих пор противоречия в сфере межнациональных отношений.

В комплексе факторов, способствовавших росту по всей стране настроений и установок на суверенизацию, а в ряде случаев – активности радикальных групп, требовавших отделения от России и создания независимых этнонациональных государственных образований, значительную роль сыграли тенденции к политизации этнонациональных отношений и этнизма, возрождению тейповых, джамаатских, тухумных и других ценностей и установок, формированию националистических идеологий, основанных на политизации этнической истории.

В результате начался пресловутый «парад суверенитетов», создавший серьезную угрозу территориальной целостности как самой России, так и многонациональных и двунациональных республик. В этом контексте интерес представляет пример полиэтнического Дагестана, где сформировались и громко заявили о себе движения представителей каждого сколько-нибудь крупного по местным масштабам этноса с требованиями создания собственных государственных образований вплоть до отделения от России. Ряд национальных республик приняли собственные конституции, которые декларировали свой суверенитет и в целом ряде ключевых статей противоречили Конституции РФ.

Правда, в ходе административных реформ, осуществленных в течение последнего десятилетия и направленных на восстановление властной вертикали, многие перегибы в нормативно-правовой сфере северокавказских республик были преодолены. В дополнениях, принятых в конце 1990-х – 2000-х годах, эти

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003. – С. 77.

и схожие с ними статьи были либо полностью отменены, либо существенно смягчены.

В советский период взаимоотношения титульных и нетитульных этносов, их представительств в органах государственной власти регулировались центральными партийными структурами и органами государственной власти. Действовала так называемая квотная система заполнения властной вертикали национальных образований в соответствии с пропорциональной численностью каждого этноса. Как показывает опыт ряда северокавказских республик, эта система уже в советский период не срабатывала в должной мере. Тем не менее с некоторыми изменениями она была перенята властями РФ. Однако в ряде республик эта система, унаследовав негативные характеристики советского периода, еще дальше отдалась от принципов, норм и правил политической демократии и правового государства.

Взаимосвязь этнонационального и властного начал особенно отчетливо проявляется в полиэтнической Республике Дагестан, где борьба и распределение власти приобрели явно выраженный этнический характер. В республике, численность населения которой составляет около 3 млн человек, проживают представители более 100 национальностей, в том числе более 30 так называемых коренных народов, говорящих на самостоятельных языках, а титульными считаются 14 этнонациональных групп. Однако здесь уже в советский период примерно с конца 1930-х годов сложилось положение, при котором первые роли в высших эшелонах власти перешли в руки одних и тех же двух-трех этнонациональных групп – аварцев, даргинцев и отчасти кумыков.

После распада СССР имело место дальнейшее усиление этнократических тенденций, приведших к фактической монополизации высших постов в системе государственной власти представителями названных этносов. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении всего постсоветского периода именно их представители занимают все три высших поста в республике – президента, председателя Народного собрания и председателя правительства Республики Дагестан. Более или менее доходные места на уровнях властной вертикали также распределяются среди представителей именно этих этнических групп или же тех представителей других этносов, которые для первых уже стали своими. С теми или

иными нюансами такое положение характерно и для других северокавказских республик¹.

Кланово-этническая система организации бизнеса и власти в сочетании с криминальной приватизацией привели к нарастанию в республиках неравенства по национальному признаку. Численность и титульность того или иного этноса гарантируют ему большинство политического представительства в законодательных и исполнительных органах власти республик. Ключевые позиции заняли коррумпированные властные, банковско-коммерческие структуры, которые образуют этнически окрашенные кланы. Они фактически монополизировали политические и экономические ресурсы и установили собственные неформальные механизмы принятия управленческих решений.

При таком положении вещей противоречия и конфликты между кланами в глазах простых людей выступают как межэтнические. В этом плане серьезную угрозу экономической безопасности представляют группировки, формирующиеся по признакам этнической принадлежности и землячества². Этнизация властной вертикали проявляется, в частности, в том, что правящие кланы используют для сохранения своих позиций правоохранительные органы, кадры которых подбираются с предельной тщательностью.

Как справедливо указывал В. Тишков, «причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консociальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминально коррумпированных сил и связей, которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу»³. Это, естественно, является фактором, нарушающим принцип пропорционального представительства основных этнонациональных сообществ во всех трех ветвях власти как на республиканском, так и на муниципальном уровнях. Подобное положение вещей, естест-

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003. – С. 77.

² Бекряшев А.К. Теневая экономика и экономическая преступность // <http://znanie.podelise.ru/docs/93319/index-1380.html?page=13>

³ Тишков В.А. Конфликты и федерализм. Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов // Кавказский федералист. – 2002. – № 2.

венно, служит источником противоречий и конфликтов, которые приобретают опасный для общества экстремистский характер.

Этими реалиями объясняется тот факт, что каждый раз те или иные решения, принимаемые властями, в глазах определенной части населения выглядят ущемляющими их интересы и оказываются резонансными. Так, идея воссоединения разделенных народов остается одним из стимулов, который время от времени может нарушать социальную и политическую стабильность в отдельных республиках.

Естественно, особой напряженностью и остротой характеризуются межэтнические отношения в так называемых биполярных республиках – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также в многонациональном Дагестане. В двух первых республиках, наряду с Чечней и Ингушетией, ситуация осложняется тем, что балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши – репрессированные народы. В Кабардино-Балкарии, где проживают представители множества этносов, основные проблемы, угрожающие единству республики и обостряющие социальную и политическую ситуацию, возникают в отношениях между кабардинцами и балкарцами, представители которых борются за политическое лидерство.

В этом контексте обращают на себя внимание разного рода проекты перекройки этнополитической карты Северного Кавказа путем объединения конкретных этносов, входящих в состав разных национальных республик, в единые автономные образования в составе РФ.

К примеру, Х.И. Тугуз выдвинул идею объединения всех адыгов в Адыгскую Республику, в состав которой вошли бы автономные округа: Кабардинский – с центром в Нальчике, Адыгейский – с центром в Майкопе, Черкесский – с центром в Черкесске; карачаевцев и балкарцев – в Карачаево-Балкарскую Республику в составе автономных округов: Карачаевский с центром в г. Карачаевске и Балкарский. В дальнейшем, по мнению Х.И. Тугуза, по этой модели можно было бы провести объединение других этносов, таких как вайнахи, осетины, лезгины, ногайцы и др.¹

О популярности среди определенной части интеллигенции и политических кругов национальных республик подобных идей свидетельствует, например, проведение представителями черкесов 23 ноября 2008 г. в г. Черкесске чрезвычайного съезда черкесского

¹ Тугуз Х.И. Региональная федерация: Юг России и проблемы развития // Федерализм на Юге России. – Ростов н/Д., 2003. – С. 128–134.

народа, в работе которого приняли участие представители Международной черкесской ассоциации, черкесских общественных объединений из Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев. Часть радикально настроенных участников съезда обвинили руководство КЧР в проведении этнократической кадровой политики в ущерб интересам черкесского народа. Они выдвинули требование о создании самостоятельного субъекта Федерации в составе абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов¹.

5 июня 2010 г. около 700 представителей черкесов, абазин, русских и других некарачаевских этносов Карачаево-Черкесии собрались на съезд, который принял резолюцию с требованием раздела республики и восстановления черкесской автономии в составе РФ, существовавшей со второй половины 1920-х до 1957 г. Такое требование обосновывалось доводами о том, что в Карачаево-Черкесской Республике сформировалась карачаевская этнократия, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти. По мнению участников съезда, даже в тех случаях, когда самая важная должность сохранена за черкесом или русским, реальная власть находится в руках его заместителей-карачаевцев².

Пока что нерешенным остается спор между Республикой Северная Осетия – Алания и Ингушетией о Пригородном районе. В Моздокском районе сохраняется межэтническая напряженность между чеченцами, ингушами, кумыками, турками-месхетинцами, с одной стороны, и русскими и осетинами – с другой. Прослеживается также тенденция к нарастанию противоречий между коренными осетинами – иронцами и дигорцами и осетинами – переселенцами из Южной Осетии и внутренних районов Грузии – кударцами³.

Нерешенной остается также проблема ногайского народа. В результате целого ряда перекроек административных границ он оказался разделенным между Ставропольским краем, Чеченской Республикой и Республикой Дагестан. Этим во многом объясняется тот факт, что ногайцы начиная с конца 80-х годов требуют восстановления их единства в рамках некоего этнотерриториального

¹ Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: Геополитико-конфликтологический подход // Южнороссийское обозрение, вып. 61. – Ростов н/Д., 2010.

² Сухов И. Кавказская контурная карта // Время новостей, 7 июня 2010.

³ Там же.

автономного образования. Осенью 2012 г. в райцентре Терекли-Мектеб в Ногайском районе на севере Республики Дагестан прошел так называемый альтернативный съезд ногайцев, на котором снова было озвучено требование о создании автономии Ногайстан (Ногай Эл) в составе РФ.

С точки зрения региональной и национальной безопасности РФ нерешенной остается также проблема некоторых народов Северного Кавказа, например осетин, лезгин, аварцев, рутульцев и других, оказавшихся после распада СССР разделенными государственными границами между РФ, Азербайджаном и Грузией. В результате любое обострение ситуации на Южном Кавказе самым непосредственным образом отражается на положении дел в России. Более того, она автоматически вовлекается в любые конфликты, например между Грузией и Абхазией или между Южной Осетией и Грузией. Наиболее ощутимым и трагичным стало вовлечение России в грузино-югоосетинский конфликт, приведший к войне в августе 2008 г. Наглядное представление о взрывоопасности в этой сфере можно получить также на примере многотысячного бунта 1 марта 2012 г. в городе Губ (Северный Азербайджан), населенном лезгинами, которые были недовольны произволом властей Баку, осуществляющих политику насильственной азербайджанизации инонациональных граждан страны¹. Об этом же свидетельствует тот факт, что традиционно спокойный Южный Дагестан, населенный лезгинами и лезгиноязычными этносами, превратился в один из взрывоопасных регионов и так бурлящего Дагестана.

«Власть», М., 2014 г., № 1, с. 170–174.

¹ Об этом см.: «Туран»: Причина бунта в Губе – бедность и безысходность, царящие в Азербайджане // <http://panorama.am/ru/politics/2012/03/05/azerbaijan-guba-turan/>

Э. Муратова,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук
и международных отношений
(Таврический национальный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)
**ИСЛАМСКИЕ ГРУППЫ КРЫМА:
ДИСКУРСЫ И ПОЛИТИКА**

В статье приводятся результаты исследования «Прошлое, настоящее и будущее в дискурсе мусульманского сообщества Крыма», проведенного в 2012 г.¹ Его актуальность обусловлена тем, что деятельность разных исламских групп стала заметным явлением общественно-политической жизни автономии. Однако в академической, популярной и медийной дискуссии о социально-политическом значении процессов внутри сообщества доминирует схематичное и поверхностное описание, основанное на расхожих бытовых представлениях. При таком подходе многие процессы, протекающие в рамках исламских течений, остаются без внимания. Отсутствие глубины анализа объясняется прежде всего тем, что сами лидеры и последователи разных групп внутри мусульманского сообщества крайне редко выступают источником информации, и эти группы, как правило, анализируются по вторичным источникам. В этой связи изучение дискурса представителей разных исламских групп и его сопоставление с их реальной политикой приобретают особую значимость. Поскольку крымские татары составляют большинство в мусульманском сообществе Крыма, исследование позиций разных религиозных организаций по главным вопросам национальной повестки дня, таким как влияние исторических событий на современное положение народа, отношение к межджису, к дискуссии о восстановлении крымско-татарской государственности, оценка политики государства в отношении крымских татар, а также представлений о будущем народа, создаст объемную картину в информационном поле в распоряжении тех, кто принимает решения, равно как и у тех, кто формирует общественное мнение.

¹ Исследование было проведено совместно с Н. Куц в рамках проекта «Крымский политический диалог» (Институт ПАТРИР, Министерство иностранных дел Финляндии, www.patrir.ro/crimea).

Методология исследования

Исследование базируется на методе включенного наблюдения во время посещения мечетей и мероприятий, проводимых исламскими организациями, и глубинных интервью с лидерами (три человека от каждой организации) и рядовыми последователями / сторонниками (шесть человек от каждой организации). Всего в рамках исследования было проведено 36 интервью. Критериями отбора респондентов, помимо их принадлежности или симпатий к определенной организации, были возраст (18–30 лет, 31–55 лет, 56 и старше), пол и этническая принадлежность (так как мусульманская умма Крыма неоднородна и включает в себя помимо крымских татар представителей и других национальностей, были опрошены и славяне-мусульмане). В исследование были включены следующие организации: Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК), крымское отделение Всеукраинской ассоциации общественных организаций «Альбрайд» и крымское крыло «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламской партии освобождения).

ДУМК – самая первая из действующих в Крыму исламских организаций – была создана в 1991 г. Духовное управление – официальный исламский институт, признаваемый властью и большинством крымских мусульман в качестве полномочного представительного органа. Под его юрисдикцией находится подавляющее большинство зарегистрированных мусульманских общин Крыма (около 400). Его лидеры презентуют себя сторонниками развития «традиционного» ислама крымских татар, опираясь в своей деятельности преимущественно на помощь единоверцев из Турции.

ДЦМК был создан в 2010 г. в качестве альтернативного ДУМК института. Являясь де-юре самостоятельной организацией, де-факто этот орган – дочерняя структура Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ) с центром в Киеве. В подчинении ДЦМК несколько десятков мусульманских общин, многие из которых прошли официальную регистрацию в последние годы. В идеологическом отношении центр опирается на учение эфиопского шейха Абдуллаха Аль-Харарри Аль-Хабаша, и по этой причине его представители именуются «хабашитами».

«Альбрайд» – организация зонтичного типа, созданная в 1997 г., в состав которой входит более десятка отделений в разных регионах Украины. Крымский филиал ассоциации – один из наиболее крупных и активных в стране. Во главе организации – арабы,

бывшие в свое время студентами. В числе сотрудников, в том числе на руководящих постах в крымском отделении, немало крымских татар. «Альраид» связывают с движением «Братья-мусульмане», хотя сама организация старается это не афишировать. Организация активно сотрудничает с ДУМК, имеет неплохие контакты с властями автономии.

Наконец, «Хизб ут-Тахрир» – партия, получившая известность во многих странах мира, в том числе на постсоветском пространстве. Особенность ее функционирования на Украине определяется отсутствием запрета на ее деятельность, а следовательно, и притеснений со стороны государства. По этой причине активисты партии периодически проводят разные публичные акции – протесты, конференции, митинги – и открыто тиражируют свои взгляды посредством собственных и иных СМИ.

В силу объемности результатов проведенного исследования в настоящей статье останемся лишь на вопросе восприятия крымскими мусульманами нынешнего положения крымско-татарского народа.

Современное положение крымско-татарского народа

Описывая современное положение крымско-татарского народа, представители и сторонники исламских организаций затрагивали вопросы политики, экономики, нравственности, идентичности и религии. Основное внимание они уделяли процессам в сфере религии, нравственности и идентичности. В своих ответах респонденты в значительной степени обращали внимание на негативные моменты в жизни народа, хотя положительные явления тоже отмечали. В целом ответы респондентов из разных организаций часто пересекались, а порой были почти идентичны.

Политика. Все отмеченные респондентами моменты в политической сфере жизни народа носили негативный характер. В частности, перечислялись такие явления, как оторванность элиты от народа, отсутствие национальной идеи и, как следствие, тупик в национальном развитии, отсутствие последовательности в государственной политике и, как следствие, в политике Меджлиса, незащищенность народа в политическом плане. Следует отметить, что представители ДУМК в оценке политической жизни были более активны и критичны, чем представители и сторонники

других организаций. Респонденты ДЦМК политическую ситуацию вообще не комментировали, считая это неважным.

Говоря об оторванности элиты от народа, представитель ДУМК привел пример крымскотатарских чиновников и депутатов, которые, занимая важные посты, малоэффективны в продвижении интересов народа. При этом он отметил, что ощущается противопоставление крымских татар во власти простым людям: «Наша чиновничья прослойка ничего кроме званий, что он там замминистра или министр, ничего не имеет. Первый заместитель министра не может подписать архитектурный план мечети, не решается вопрос, говорит, пускай министр подпишет. Даже в таких мизерных вещах эти люди ничего не могут. А нас противопоставляют им. Тот же депутатский круг не может ничего сказать по вопросу с землеотводом под мечети. Зато он выезжает на навороченной иномарке, у него свое дело, которое процветает. Чтобы не потерять свое место, он не высовывается» (муж., 72 года, советник муфтия, ДУМК). Тема отсутствия национальной идеи была также актуализирована представителем ДУМК: «У нашего народа сейчас нет идеи – ни национальной, никакой другой» (муж., 30 лет, имам, ДУМК). Более полно та же мысль была определена одним из лидеров «Хизб ут-Тахрир»: «С точки зрения политики я бы сказал, что в целом национальная жизнь находится в определенном тупике. Потому что, когда мы только приезжали, были определенные цели, задачи, которые были достигнуты, и наш народ должен был перейти на другой этап развития» (муж., 38 лет, журналист, «Хизб ут-Тахрир»).

Затем, по словам респондента, национальное движение выдвинуло другие цели. Однако некоторые из них были недостижимы, что породило политическую апатию, другие были способны действительно «оживить народ». Член партии полагает, что национальная идея могла бы выйти за рамки крымско-татарского народа и тогда могла бы быть более эффективной. «Например, эта идея могла бы выйти за рамки крымско-татарского народа. А сейчас национальность фактически находится в некой коробке, которую сами же татары и культивируют. Например, некоторые крымские татары, желая сохраниться, пытаются взаимодействовать и строить отношения только друг с другом. А среди нас живут другие народы, нации, с представителями которых у нас есть взаимоотношения» (муж., 38 лет, журналист, «Хизб ут-Тахрир»).

Еще один представитель ДУМК посетовал на то, что общая неразбериха в политической жизни страны усложняет процесс вы-

работки последовательной политической линии в крымско-татарском сообществе: «В политическом вопросе, я считаю, у нас очень большой хаос... И нам в этой политической каше какой-то стабильный путь выдержать очень тяжело... По сравнению с теми народами, которые похожи с нами историей и добиваются своих прав, мы, наверное, самые профессиональные... Хотя я вижу, что мы растеряли больше, чем приобрели» (муж., 33 года, преподаватель религии, ДУМК). Сторонница ассоциации «Альраид» выразила общую обеспокоенность незащищенностью крымских татар в политическом плане: «...народ вообще не защищен. Даже те богатые думают, что они очень хорошо сидят, но это не так. Как-то не спокойно на душе» (жен., 55 лет, уборщица, «Альраид»).

Экономика. В обсуждении экономического положения народа участвовали представители и сторонники всех исламских организаций. В целом их высказывания можно сгруппировать в три блока: «есть значительные успехи», «люди живут по-разному», «народ бедствует».

Есть значительные успехи. Небольшая часть респондентов полагала, что крымские татары добились существенных успехов в своем обустройстве и живут либо на таком же уровне, как и представители других этнических групп, либо даже лучше. Так считают некоторые лидеры и сторонники ДУМК, ДЦМК и «Альраида»: «Зная трудолюбие нашего народа, я за экономическую сторону вообще не переживаю. Видя, чего мы добились за 20 лет с нуля, получив очень сильный удар от Советского Союза, потеряв все деньги на карточках, не успев построить дома после переезда. Наш народ начал с нуля и за 20 лет достиг сегодняшних успехов. Мы видим наших меценатов, у нас есть ТВ-канал, большие фирмы, перевозчики. И в строительном секторе – мы строим самые красивые дома в Симферополе, я имею в виду многоэтажки. Видя этот прогресс, в экономическом плане у меня нет никаких переживаний» (муж., 33 года, преподаватель религии, ДУМК).

Люди живут по-разному. Значительная часть респондентов, принадлежащих ко всем организациям, полагает, что среди крымских татар наблюдается разный уровень достатка: есть те, кто живет хорошо, но есть и такие, кто до сих пор испытывает экономические трудности. При этом несколько человек подчеркивали, что уровень жизни крымских татар мало отличается от уровня жизни представителей других национальностей: «Как люди живут сейчас? Так же, как многие. Трудности переносят такие же, как все, наверное. Ничем не отличаются. Иногда нуждаются

в помощи. Помогать некоторым надо. Приезжают люди из Узбекистана – нет помощи. Моя дочь раньше в Меджлисе работала, рассказывала про женщину, которая жила с четырьмя детьми в землянке. Пришла, говорит, плачет, помощи просит. Есть такие люди среди крымских татар. Есть, наверное, которые бизнесом занимаются, в достатке живут» (жен., 65 лет, пенсионерка, ДЦМК).

Народ бедствует. Были среди респондентов и такие, кто полагал, что экономическое положение народа оставляет желать лучшего. Так, например, муфтий ДУМК посетовал на то, что крымские татары в основной своей массе занимаются неквалифицированным трудом: «Весь народ здесь на рынке сидит. Поедешь на побережье, там народ работает, пока люди отдыхают. Наши девушки, молодые женщины ходят и предлагают пахлаву, кобете» (муж., 50 лет, муфтий, ДУМК). Другой представитель ДУМК сделал акцент на жизни народа в степных районах полуострова, полагая, что люди там нищают: «Это степной район, села там без дорог, без воды, без газа. Жизнь очень трудная... А в данное время люди оттуда выехать не могут, и работы там нет, и зарплата нет. Люди нищают» (муж., 55 лет, имам, ДУМК).

Сторонница «Альраида», славянка, принявшая ислам, видит экономическую жизнь крымских татар трудной. По ее мнению, народ никак не может завершить этап строительства дома: «В основном, мне кажется, что народ бедствует. Ну, может быть, это я с такими общаюсь. Жизнь основной массы постоянно в строительстве. Потому что очень сложно, наверное, построить то, что начато когда-то. Говорят, раньше там спонсировали, какие-то ссуды давали, а сейчас ничего не дают. У людей хронические стройки: строят, строят, строят. А семьи разрастаются, надо сыну, надо дочери. Для меня татарская нация – это постоянное строительство, работа...» (жен., 51 год, бухгалтер, «Альраид»). Также она обратила внимание на то, что престижные должности заняты не крымскими татарами. «Мне кажется, что каких-то продвинутых, современных выходцев из крымскотатарской среды немного. Может быть, это по причине притеснения, может быть, это сам стиль жизни таков, что они не высовываются... я не знаю, как это правильно выразить. Все должности, все магазины в основном – другая национальность» (жен., 51 год, бухгалтер, «Альраид»).

Религия. Описывая процессы в религиозной сфере, респонденты из разных организаций были довольно близки в своих оценках. Так, представителей и сторонников обоих духовных управле-

ний беспокоит, главным образом, проблема разобщенности крымских татар, их разделения на последователей разных исламских течений. Почти всех заботит религиозное невежество, забвение основополагающих принципов ислама. Одновременно респонденты отмечали и успехи в процессе исламского возрождения в Крыму.

Разобщенность по религиозному признаку. О разделении крымских татар на последователей разных исламских течений говорили представители и сторонники всех организаций, кроме партии «Хизб ут-Тахрир». Причем, если со стороны «Альраида» об этом вскользь упомянули лишь два сторонника ассоциации, то со стороны ДУМК и ДЦМК об этом говорили как лидеры, так и рядовые последователи. Присутствие темы религиозной разобщенности в дискурсе представителей и сторонников обоих духовных управлений видится закономерным, учитывая собственное позиционирование в качестве институций, стоящих на страже защиты «традиционных» исламских ценностей крымских татар от посягательств «сект» и «заблудших течений». Две другие организации («Хизб ут-Тахрир» и «Альраид») зачастую как раз и выступают объектами нападков со стороны духовных центров. Поэтому неудивительно, что их лидеры и сторонники эту проблему не актуализировали. «Наверное, в стомиллионном государстве нет столько сект, сколько у нас имеется в Крыму» (муж., 50 лет, муфтий, ДУМК).

Респонденты называли несколько причин распространения «нетрадиционных» течений. Первая – это религиозная неграмотность народа. Вторая – «происки» недобросовестных миссионеров из-за рубежа. «Воспользовавшись неграмотностью населения, многие недобросовестные организации работают в Крыму и сеют раздор» (муж., 33 года, преподаватель религии, ДУМК).

Для респондентов духовных управлений характерно четкое противопоставление по принципу «мы и они». «Мы» – это продолжатели традиций предков, носители крымско-татарского языка и культуры. «Они» – сторонники чуждых традиций, равнодушные ко всему национальному: «Когда мы говорим одно, а они говорят другое, о единстве говорить сложно. Мы говорим, чтобы разговаривали на татарском языке, а они отвечают, что татарский язык – национальный, а язык межнационального общения – это русский. Они даже хотят требовать, чтобы хутбу читали на русском языке. Это раскол, это очень плохо» (муж., 55 лет, имам, ДУМК).

Религиозное невежество. Тема невежества крымских татар в вопросах своей религии была общей для всех исламских организаций (представители и сторонники ДУМК отдельно о ней не говорили, но упоминали в контексте перечисления других проблем). Респонденты из разных организаций расставляли акценты по-разному. Так, сторонник ДЦМК полагает, что именно в силу незнания религии многие крымские татары не в состоянии отделить обычаи от религиозных ритуалов. «Очень многие наши соотечественники взяли незнание у стариков, по обычаю. Они в итоге не знают о вероубеждениях, не разбираются во многих религиозных вопросах. Нужно людям больше давать знания о религии, потому что они не могут отличить обычаи от именно религиозных ритуалов» (муж., 35 лет, имам, ДЦМК).

Некоторые респонденты указывали на формальный характер исламской идентичности крымских татар, утверждая, что осознание себя мусульманами не ведет к выстраиванию своей повседневной жизни в соответствии с исламскими нормами. «К сожалению, многие крымские татары называют себя мусульманами, хотя в большей части не являются таковыми, потому что, чтобы быть мусульманином, нужно действительно быть покорным. Мусульманин в переводе означает “покорившийся”. Но они не покорились, они просто говорят “я – мусульманин”, потому что мои бабушка и дедушка – мусульмане, но они приходят домой и жабку с копейками погладить могут, чтобы у них денежки были, и т.д. Это конечно обидно, очень обидно, что многие татары так проявляют себя» (муж., 20 лет, студент, «Альраид»).

Отдельно следует отметить восприятие религиозности крымских татар славянами-мусульманами. Для них характерно критическое отношение, граничащее с порицанием. «Мне, например, обидно, что я, русский, объясняю крымским татарам ислам. Их религию они должны объяснять, а они не умеют» (муж., 30 лет, предприниматель, «Хизб ут-Тахрир»).

Прогресс в религиозной сфере. Одновременно с указанием проблем в религиозном развитии крымских татар респонденты усматривают в нем определенные достижения. Например, проводя сравнение между разными сферами жизни народа, представитель ДУМК полагает, что религия находится далеко впереди: «Сильное развитие идет в религиозном плане. Определенные структуры, к сожалению, топчутся на месте уже 20 лет. Для нас что самое важное? Это религия, язык и культура. Если мы сравним развитие каждого компонента, то мы поймем, что религия вырвалась

намного вперед, а остальные структуры топчутся на месте» (муж., 30 лет, имам, ДУМК). Другой представитель ДУМК констатирует, что, несмотря на неравные стартовые условия с другими мусульманскими регионами мира, главным образом, из-за депортации и атеистической идеологии, Крым в религиозном плане находится не на последнем месте. «А положение наше надо оценивать в сравнении. Во-первых, у нас был неравный старт с остальными исламскими странами. И всё равно, сравнивая с ними, с той же Турцией, с той же Иорданией, где я бывал и мог следить, с тем же Египтом, по количеству претворяющих ислам в жизнь людей и не претворяющих мы не на последнем месте находимся» (муж., 33 года, преподаватель религии, ДУМК).

Лидеры и сторонники «Альраида» и «Хизб ут-Тахрир» в целом солидарны с приведенными выше мнениями и объясняли, что именно они понимают под прогрессом в религиозной сфере: «В религиозной сфере сейчас, слава Аллаху, всё больше и больше наших татар начинают просыпаться, начинают соблюдать [религиозные предписания], и меня это радует» (жен., 49 лет, глава женской организации, «Альраид»).

«Сегодня увеличивается количество мусульман, соблюдающих религию, я не говорю о сторонниках “Хизб ут-Тахрир”, мы рассматриваем общие тенденции. Религиозность растет среди крымских мусульман. Организации не исламского толка, в основе работы которых лежат не исламские принципы, скажем, демократические, националистические, – при этом я не говорю, что люди в этих организациях не мусульмане, – взяли на вооружение ислам, исламские лозунги и исламскую идею и стали рассматривать как одну из основ для своих организаций. Если периодично проследить, сравнить с той, что выпускалась десять лет назад, – небо и земля. Сегодня больше говорят об исламе» (муж., 30 лет, глава информационного офиса, «Хизб ут-Тахрир»).

Мораль / нравственность. Сфера морали / нравственности была одной из тех, где мнения представителей и сторонников разных организаций были практически идентичны. Все говорили о нравственном упадке крымских татар, о превалировании в их жизни материальных ценностей над духовными, о развитии таких неблагоприятных качеств, как чувство потребительства и т.д.

Нравственный упадок. Проблемы деградации традиционной крымско-татарской семьи, непристойное поведение молодежи, развитие разных социальных пороков и другие проблемы были в центре внимания респондентов. Их высказывания порой были

эмоциональными и личными, чувствовалось, что они воспринимают ситуацию близко к сердцу. «Вы посмотрите на внешний вид наших представителей, на их мышление. Вы посмотрите на моральный облик семьи крымско-татарской, на каком уровне происходит воспитание в семье... У нас, к сожалению, многие мужчины женоподобны... Видите, что творится и в вузе вашем. Я сейчас шел и ужаснулся, стояли наши девушки, курили сигареты, громко разговаривали и даже, мне показалось, что нецензурно ругались... Вы давно были на наших свадьбах? Я на них не присутствую уже лет пятнадцать, но наслышан от других, что там происходит. На похоронах женщины в обтягивающей одежде, полуголые, покрашенные. Начинают орать, занимаются показухой и тут же через пять минут начинают обсуждать чью-то личную жизнь. То есть зависть и сплетни» (муж., 45 лет, имам, ДУМК).

Материальное превалирует над духовным. В числе недостатков нравственного развития респонденты указывали на увлеченность крымских татар чрезмерными заботами о материальном благосостоянии в ущерб духовному росту. Так, один из лидеров ДУМК говорил об ограниченном месте религии в жизни социума, где она используется, главным образом, для исполнения определенных ритуалов. «Религия отошла на второй план. Религия у нас в народе воспринимается как нечто, что я могу использовать, когда мне будет нужно. Например, умер дедушка, я позову муллу, и он отчитает. А в повседневной жизни мне религия не нужна. Мне нужны: теплица, огород, работа, дом нужно построить, машина нужна. А религия мне нужна бывает раз в полгода, когда я, например, поселился в новый дом, и мне нужно какое-то богослужение провести, дуа сделать. Народом овладело мирское, материальное. В связи с этим есть некое равнодушие к национальным и духовным ценностям, некая пассивность» (муж., 35 лет, заместитель муфтия, ДУМК).

Чувство потребительства. Несколько респондентов, рассуждая на тему нынешнего положения крымских татар, выделили чувство потребительства как отличительную черту, негативно характеризующую представителей народа. Причем последствия развития этого недуга они наблюдают как в бытовой сфере, так и в религиозной. «В народе развилось такое чувство потребительства, кто-то ему обязан дать. Он будет иметь машину, дом, скот, а еще ему должны дать пол-литра масла, которое прислали в качестве гуманитарной помощи. То же самое и с курбанами. Он сам в состоянии зарезать барана, а не ждать, что ему должны дать кило

мяса. Психологию людей поменять очень сложно» (муж., 72 года, советник муфтия, ДУМК).

«Сейчас уже достаточно много есть состоятельных людей, но всё равно мы вынуждены строить мечети на помощь из других стран, обеспечивать медресе на помощь из других стран, проводить различную помощь больным, сиротам, ремонтировать национальные школы за чужие средства» (муж., 33 года, преподаватель религии, «Альраид»).

Идентичность. Пожалуй, наибольшее единодушие респонденты продемонстрировали, говоря о процессах, происходящих в сфере идентичности крымских татар. Ведущей темой здесь была утрата ценностей и как ее следствие – ассимиляция народа, которая представлялась главной проблемой его нынешнего развития.

Утрата ценностей / ассимиляция. В целом настроения большинства респондентов были довольно пессимистичными. Представители и сторонники всех групп высказывали озабоченность состоянием сохранности крымских татар как самобытного народа. «Сейчас для крымско-татарского народа основная проблема – это ассимиляция. Происходит культурная ассимиляция, когда мы – носители определенного менталитета, определенной культуры, у нас есть свои обычаи многовековые, – в крымской среде, можно сказать, все растеряли. Наш облик как крымско-татарской нации становится размытым. Ассимиляция является угрозой для крымских татар потому, что это просто-напросто приведет к нашему исчезновению» (муж., 29 лет, глава молодежной организации, «Альраид»). Некоторые респонденты делали акцент на ситуацию с родным языком, потеря которого воспринималась ими как трагедия. «Вот на каком языке мы сейчас с вами общаемся? На каком языке мы думаем? Это нравственный упадок, это потеря ценностей» (муж., 45 лет, имам, ДУМК).

Другие респонденты указывали на трансформацию традиционных крымско-татарских институтов, например семьи. «Я доктор и вижу, как семьи строятся, как они обустроиваются. Структурная единица общества – это семья. Сегодня крымские татары создают непрочные семьи. Достаточно каких-то материальных проблем, и семьи рушатся. У нас в ментальности что-то произошло. Сфера массовой информации ведь быстро влияет на сознание, плюс они видят, как живут окружающие» (муж., 27 лет, врач акушер-гинеколог, «Альраид»).

Третьи респонденты высказывали озабоченность в связи с появлением новшеств в национальных церемониях, таких, на-

пример, как свадьба. «Очень обидно за свой народ. Когда в 1987–1990 гг. были крымско-татарские свадьбы, все соседи приходили и дивились на это зрелище и потом годами рассказывали о том, что у нас так хорошо. А в данное время у нас везде идет бизнес. На наших свадьбах тоже идет бизнес. Ты хоть что заказывай музыкантам, они всё исполняют. Национального не остается, и это очень обидно» (муж., 55 лет, имам, ДУМК).

Рассуждая о мерах противодействия ассимиляции, респонденты говорили о необходимости возврата к истокам, корням, в основе которых они видели ислам. «Если мы говорим о сохранении народа, не о сохранении какой-то биологической массы, а о сохранении народа, наших потомков, его идейных ценностей, нужно учитывать то, что за более чем 200 лет этим ценностям был нанесен существенный урон... Мы должны сохранить народ на тех ценностях, на которых он возник, процветал и на которых он держится. Поэтому этот народ как бы вновь оживить – это и является исламской идеей. Та деятельность, которую сегодня мусульманские организации в Крыму ведут, служит процессу возобновления, приостанавливается ассимиляция...» (муж., 30 лет, глава информационного офиса, «Хизб ут-Тахрир»).

Народ перестал быть сплоченным. Тема разобщенности крымских татар, развития в их среде индивидуалистских настроений в противовес коллективистским также звучала часто. Причем респонденты противопоставляли нынешнее положение разобщенности прошлому состоянию сплоченности, которое, по их мнению, наблюдалось и в период депортации, и даже в первые годы возвращения на родину. «Я считаю, что даже при депортации, когда татар выселяли, они себя вели сплоченно. Они делали все вместе, они крепко держались своих традиций, культуры. В беде они сплотились» (жен., 34 года, в декретном отпуске, ДЦМК).

Разобщенность крымских татар наблюдают и славяне-мусульмане. «Есть какое-то неверие друг другу, нет единства у татар, они сейчас как-то раздроблены. Есть даже какая-то озлобленность друг к другу. Как то по группам: соблюдающая группа и не соблюдающая группа друг с другом немного враждуют. Нет единства, и это, мне кажется, главная проблема у татар. Нет доверия друг к другу» (жен., 34 года, преподаватель английского языка, «Альраид»).

Выводы

1. Заметная активность представителей ДУМК в обсуждении политического положения народа может быть объяснена их более активной, по сравнению с другими исламскими организациями, вовлеченностью в политические процессы Крыма. Это наблюдается как на уровне руководства этой структуры, так и на уровне ее более низких структурных элементов – региональных и местных имамов. Их участие в политических акциях, инициируемых Меджлисом, нередко в степной части полуострова объединение в одном лице главы местного меджлиса и имама мусульманской общины обуславливают их лучшую осведомленность о политических процессах, а также более активную гражданскую позицию. Представители других исламских организаций либо стремились подчеркнуть свою аполитичность и нацеленность на решение других, в первую очередь духовных, проблем крымских татар (например, ДЦМК и «Альраид»), либо говорили о том, что не разделяют политических целей и методов Меджлиса, а потому в его политических акциях не участвуют.

2. Подавляющая часть представителей и сторонников исламских организаций полагают, что произошло имущественное расслоение крымских татар, в среде которых появились состоятельные люди, но одновременно остались те, кто находится в бедственном положении. Сравнительно меньшая часть удовлетворена успехами в экономическом развитии, которые объясняет, главным образом, трудолюбием народа. Еще меньшая часть склонна считать экономическое положение в целом неудовлетворительным, видя причины в последствиях процесса репатриации.

3. Важным процессом в религиозной сфере представители и сторонники ДУМК и ДЦМК видят разобщение народа на последователей разных исламских течений. Несмотря на конкуренцию между ними, оба презентуют себя выразителями «традиционного» ислама крымских татар и противопоставляют «нетрадиционным» течениям. Основными причинами распространения «чуждых» идеологий они видят религиозное невежество народа и «происки» зарубежных исламских центров. Религиозное невежество лидерами и сторонниками ДЦМК понимается преимущественно как результат потери преемственности передачи исламских знаний от старшего поколения к младшему, а представителями и сторонниками других организаций – как номинальность принадлежности к исламу, когда осознание себя мусульманином не обуславливает исполнение основополагающих норм этой религии.

4. Ситуация в сфере нравственности воспринимается представителями и сторонниками всех организаций практически одинаково: нравственный упадок, погружение крымских татар в решение преимущественно материальных проблем, игнорирование ими духовных ценностей. Представляется, что, акцентируя внимание на «плачевном» состоянии духовности народа, респонденты подводят основание под деятельность, в первую очередь, своих организаций, которые призваны восстановить былой моральный облик крымскотатарской нации.

5. Идентичность – еще одна сфера сближения позиций исламских организаций, каждая из которых озабочена проблемой утраты ценностей и, как следствие, ассимиляции народа. Для представителей и сторонников ДУМК, ДЦМК и «Альраида» основное средство противодействия ассимиляции – это возрождение ислама наряду с сохранением языка, традиционного уклада крымскотатарской семьи, недопущением трансформации традиций и обычаев. Для партии «Хизб ут-Тахрир» основной элемент культурного наследия народа – ислам, поэтому его возрождение видится единственной возможностью сохранить идентичность крымских татар.

6. Многие респонденты отметили фактор разобщенности крымских татар, который выражается в разрыве родственных связей, нарушении коммуникации между людьми. Зачастую нынешнее положение противопоставляется состоянию сплоченности, которое демонстрировал народ в период депортации и на момент возвращения на родину. Респонденты объясняют это достижением главной задачи, стоявшей перед народом в местах депортации, – возвращением в Крым, улучшением экономического положения людей и их погруженностью в решение своих насущных проблем.

7. В целом представленный дискурс носит «проблемный» характер и отражает недовольство крымских татар своим положением. Вместе с тем и в оценке своего нынешнего состояния и в оценке других вопросов, в том числе отношения государства к крымско-татарскому народу, это недовольство не носит пока критического характера. Этим, по всей видимости, можно объяснить отсутствие радикальных «ноток» в высказываниях респондентов.

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения и механизмы
воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 104–120.*

Д. Аббасов
«СИРИЙСКИЙ СИНДРОМ» СРЕДИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ТЕНДЕНЦИЯ?

В 2013 г. и в первые месяцы 2014 г. в средствах массовой информации Азербайджана регулярно публиковались и продолжают публиковаться материалы о молодых людях, непонятными путями оказавшихся в Сирии, воюющих против режима Башара Асада, павших в «священном джихаде», как именуют эту борьбу их сторонники в многочисленных видеоматериалах, распространенных во Всемирной паутине. Печальная статистика говорит о сотне погибших за «чистоту веры», что не может не вызывать тревогу. Тем более происходит это с гражданами страны, где пятая часть территории находится под оккупацией, более миллиона человек являются беженцами и вынужденными переселенцами в собственной стране, ежедневно нарушается договоренность о прекращении огня со стороны боевиков так называемой нагорно-карабахской армии.

Азербайджанцы, воюющие в Сирии, – в основном представители религиозных групп, именующие себя салафитами и ваххабитами. Салафия (арабское слово, означающее «предки, предшественники») – направление в исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков, квалифицируя как беда все позднейшие нововведения в указанных сферах. Салафизм – это понимание религии в том виде, в котором ее понимали Пророк и его сподвижники, возвращение к Корану и Сунне в интерпретации шариатских положений. Движение берет свое начало от имени отца-основателя ваххабизма – Мухаммада ибн Абдуль-Ваххаб ибн Сулейман аль-Мушаррафи ат-Тамими (1703–1792), и несмотря на то что часто их именуют ваххабитами, сами представители данного течения отрицают это, указывая, что являются салафитами и не считают свое движение политическим, а только религиозным.

Так или иначе, последние годы ваххабитско-салафитское движение нашло благодатную почву в некоторых мусульманских республиках СНГ и России. Фундаменталистские настроения стали преобладать в различных религиозных группах, и как результат – граждане одного государства оказались по разные сторо-

ны противоборства. По мнению азербайджанского политолога Арифа Юнуса, война против политического режима в Сирии, начавшаяся в 2011 г., постепенно превратилась в войну между суннитами и шиитами, где выступают азербайджанские добровольцы. Эмиссары из арабских стран привлекают молодежь под благими намерениями служения священному Корану, постепенно убеждают их в необходимости борьбы за веру, где следующим шагом оказывается бой с оружием в руках. Хотя они называют свою борьбу «борьбой с гяурами (неверными)», на самом деле в этой бойне гибнут мусульмане с обеих сторон. Религиозные фанатики пользуются тем, что в последние десятилетия уровень образования в странах бывшего СССР стремительно пошел вниз. В видеоклипах, размещенных в Интернете, нетрудно заметить скудность научного «багажа» пропагандистов, где попеременно с фразами на русском и азербайджанском языках звучат заученные религиозные призывы.

Государственный комитет по работе с религиозными образованиями Азербайджанской Республики провел мониторинг публикаций СМИ и записей в социальных сетях, в которых содержатся взаимные обвинения представителей религиозных групп, именующих себя салафитами. По итогам проведенного мониторинга комитет распространил заявление, в котором отмечается, что указанные обвинения и действия верующих, именующих себя салафитами, противоречат атмосфере толерантности, издавна присущей нашей стране, нарушают права человека, создают в обществе недопонимание на религиозной почве. Кроме того, указанные религиозные группы незаконно пытаются приписать себе право издавать фетвы по вопросам шариата. Учитывая серьезность взаимных обвинений и необходимость дать юридическую оценку происходящему, на основании результатов мониторинга, проведенного для определения наличия в этих материалах почвы для распространения религиозной ненависти и вражды, формирования религиозной нетерпимости и призывов к привлечению азербайджанских граждан к участию в вооруженных конфликтах за рубежом, а также в соответствии с результатами религиозно-экспертной экспертизы, Госкомитет предпримет все необходимые шаги для стабилизации ситуации, включая меры юридического характера.

«Госкомитет по работе с религиозными образованиями, деятельность которого направлена на обеспечение взаимопонимания и толерантных отношений между представителями различных религий, проживающими в Азербайджане, наблюдает за сложившей-

ся ситуацией и проводит мероприятия, необходимые для поддержания атмосферы толерантности в религиозной сфере». Отметим, что ссылаясь на проведение религиозно-экспертной экспертизы свидетельствует о том, что если данные материалы будут расценены как разжигающие религиозную нетерпимость и дискриминацию, то лица, распространяющие их, могут быть привлечены к ответственности правоохранительными органами страны.

Участие представителей салафитов, граждан Азербайджанской Республики, не санкционируется государством, и своими действиями они ставят себя вне закона. Следовательно, возникает вопрос об их статусе по возвращении на Родину, если судьба со-благоволит им не стать шахидами, к чему они, по их же словам, от души стремятся.

Было бы наивно представлять данную проблему проблемой сугубо азербайджанской молодежи. Невспаханное поле некогда плодотворной, ныне неблагодарно заклеянной советской образовательной системы со всеми ее минусами, создало невиданный простор для всякого рода пропагандистских, фундаменталистских, враждебных, разрушительных игр в пространстве одной шестой части суши. И только продуманная, выверенная и рассчитанная на несколько лет вперед образовательная политика во всех независимых государствах Содружества способна противостоять нежелательным вызовам начала третьего тысячелетия.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2014 г., с. 233–236.*

О. Оськина,

кандидат политических наук, доцент
(Астраханский государственный университет)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ТУРКМЕНИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Туркменистан является наиболее закрытым и противоречивым и в то же время привлекающим к себе внимание примером существования авторитарного государства с выраженными тоталитарными чертами на постсоветском пространстве Востоке, в условиях «победоносного продвижения» демократии странами Западной цивилизации.

По мнению наблюдателей ОБСЕ, «в стране отсутствуют элементарные признаки демократии и плюрализма: выборность

должностных лиц, свобода слова, свобода создания общественных организаций, свобода вероисповедания; нет четкого разделения властей, хотя все эти права граждан гарантируются нормами действующей Конституции страны. В обществе царит атмосфера преследования и жестокого контроля над деятельностью каждого гражданина» [10].

В то же время некоторыми международными и общественными организациями Туркменистан упоминается как государство, осуществляющее успешный переход от тоталитаризма к демократии. В сентябре 1999 г. бывший президент Ниязов был удостоен высшей награды Всемирной академии медицины им. Альберта Швейцера (Польша) за «выдающиеся заслуги в развитии гуманистических принципов в международных отношениях и деятельность во имя всеобщего блага туркменского народа». Выступая на церемонии вручения этой награды, президент Академии Казимир Имелинский отметил, что «в стране создана атмосфера созидательного труда, стабильности и демократии, что может служить примером для других стран» [4, с. 1].

Трудно не заметить диаметрально противоположный характер оценок формирующейся политической системы Туркменистана. С одной стороны, перед нами типичное авторитарное государство с однопартийной системой, господствующей моноидеологией, опирающееся на силовой аппарат при управлении государством. С другой – государство, избравшее такую модель общественного развития, которая основывается на национальных традициях народа [6].

Такая противоречивая картина не позволяет однозначно оценивать сложившуюся политическую систему Туркменистана. Представляется, что для выявления инвариантной сути политических процессов, происходящих в Туркменистане, а также для выяснения адекватности различных оценок, необходим всесторонний и беспристрастный анализ социально-политической ситуации в стране и действующих политических сил.

С самого начала самостоятельного развития страны политическое руководство однозначно делало ставку на создание некоего незыблемого авторитета, на выработку национальной идеи. По замыслу руководства Туркменистана, население должно было ориентироваться на авторитетного лидера и на национальную идею, именно вокруг них должна была сплотиться туркменская политическая элита.

Существовали определенные мотивы, побудившие политическое руководство страны избрать именно данный вектор развития. С точки зрения современной политологии не всякое национальное или этническое образование с единой территорией, внешними границами и единой административной властью может быть названо государством. Государство должно пройти ряд этапов становления. Оно должно выработать эффективные формы функционирования административных органов, бюрократического аппарата, создать единое социокультурное пространство и добиться общегражданской самоидентификации, выработать у населения единое политико-правовое сознание. Туркменский народ никогда в своей истории не имел опыта государственности, следовательно, на этапе оформления независимого государства с рядом государствообразующих признаков были большие проблемы.

В ситуации, когда характерными признаками общества являются патриархальная социальная организация, разделенность социокультурного пространства по признакам клановости, землячества, отсутствие общегражданской самоидентификации, единого правового сознания, решение о выработке определенной национальной идеи или же создание незыблемого авторитета, который мог бы сплотить и ориентировать народ, является потенциально правильным [6].

При Сапармурате Ниязове (Туркменбаши) (в 1985–1991 гг. – первый секретарь ЦК КП Туркмении, в 1990–2006 гг. – президент Туркменистана) активно начинается формироваться образ «идеального лидера», приведшего к появлению в стране вождизма и идеи вечности, незаменимости лидера, вытеснению всех демократических процедур, таких как выборность, подконтрольность главы государства, система сдержек и противовесов. В 1994 г. путем референдума были продлены полномочия президента до 2002 г. А 28 декабря 1999 г. парламент своим постановлением вовсе отменил президентские выборы, объявив С. Ниязова «вечным президентом Туркменистана». Параллельно происходит оформление официальной идеологии под названием «идеология Туркменбаши». Основные установки этой идеологии носили явно абсурдный характер (божественное происхождение президента, его незаменимость и вечность), были направлены на тотальное подавление инициативы граждан (неприемлемость политической инициативы, плюрализма мнений) и на полную изоляцию населения страны от окружающего мира (опора на внутренние ресурсы, неприемлемость опыта развитых стран для населения республики).

В то же время в Туркменистане, как и во всех бывших республиках СССР, стала наблюдаться активизация борьбы за власть между различными элитными группировками, основанными по родоплеменному принципу. Современная туркменская элита – это симбиоз отдельных пластов, образование которых определяется развитием конкретно-исторической ситуации. Пластов, во многом генетически родственных. От начала формирования туркменские элитные кланы сменялись в следующей последовательности: традиционная кочевая (племенная), колониальная, советская номенклатура, современная элита. Та же ситуация наблюдалась и в других государствах Центральной Азии. При этом революционной и радикальной замены никогда не наблюдалось, отчего можно с большой долей уверенности предположить, что:

- а) границы смены элит весьма размыты во времени;
- б) элементы различных типов элит совместно существовали и причудливо переплетались (переплетаются) до настоящего времени [2].

В Туркменистане выделилось несколько кланов, которые в той или иной мере способствовали определению внутривнутриполитической ситуации и направлению внешней политики независимого Туркменистана на начальном этапе существования независимого государства:

- 1) кизил-арватский клан;
- 2) марыйский клан;
- 3) балканский клан;
- 4) чарджоуский клан;
- 5) ташаузский клан;
- 6) ахалский клан.

Каждый из вышеупомянутых кланов по-разному был представлен в высших эшелонах власти, и боролся за оказание своего влияния на первое лицо в государстве.

Кизил-арватский клан был назван по его географическому местонахождению. Представленный бывшими: главой Кабинета министров Ханом Ахмедовым, министром товаров народного потребления Аширом Атаевым и Председателем Верховного Совета Туркменистана Розой Базаровой, а также армией многочисленных бывших министров, известных представителей науки и культуры данный клан являлся бесспорным лидером в своеобразном межклановом соревновании за занятие постов и проведение своей политики в рамках государства при Туркменбаши. Кизил-арватский клан длительное время занимал лидирующие позиции в политиче-

ской гонке, что было обеспечено сплоченностью членов клана и распространяющимся влиянием данного клана на другие, менее сильные кланы, как через процедуры частичного поглощения других кланов, так и путем вступления в брачные связи.

Марыйский клан – его название также обуславливает его местонахождение – Марыйскую область. Данный клан хорошо был представлен в государственном аппарате (включая правительство Туркменистана), Академии наук, культуре, медицинских заведениях.

На третьей позиции стоял так называемый балканский клан, во главе которого длительное время наблюдался бывший член Президентского совета, заместитель главы Кабинета нефти и газа Назар Союнов.

Четвертое место занимал чарджоуский клан. Этот клан выдвинулся на политическую арену Туркменистана как самостоятельная сила в годы правления Мухамметназара Гапурова, сыновья которого Бахтияр и Сердар владели крупными финансовыми средствами. В руководстве данного клана также находятся являвшийся до 1994 г. одним из вице-премьеров правительства Туркменистана и курировавший сельское хозяйство Джоракули Бабакулиев, и многочисленные представители интеллигенции и среднего чиновничества. Позиции этого клана усилились за счет того, что в недавнем прошлом пост председателя тогда еще КНБ занимал Мухаммет Назаров, выходец из Лебапского вelaya. Но после обвинений в попытке совершения государственного переворота и ареста Мухаммета Назарова (по некоторым данным), клан был вытеснен на четвертое место.

Ташаузский клан был представлен Реджепом Сатаровым (заместитель главы Кабинета министров), Худайберды Оразовым (председатель Центробанка), Сапаргельды Мотаевым (бывший губернатор Ташаузского вelaya), Язгельды Гундогдыевым (губернатор Ташаузского вelaya). На сегодня данный клан не является реальной политической силой, способной консолидировать вокруг себя многочисленных сторонников из числа интеллигенции и представителей руководящего состава республики. В связи с этим ташаузский клан не рассматривается другими силами как достойный противник, но в то же время с его представителями ведутся переговоры о возможной консолидации усилий в будущей политической борьбе за «место под солнцем».

В правительстве Ниязова влияние ахалского клана было значительное. Большинство министерств, прокуратура и суд

в последнее время контролировались ахалцами. Подобное представительство членов одного клана связано в первую очередь тем, что бывший президент Туркменистана Ниязов являлся ахалтекинцем, устраивал соплеменников на руководящие посты в министерствах и ведомствах. Принадлежность к ахалтекинскому клану являлась основанием для получения не только солидного поста, но и хорошего финансового содержания. Бывший президент Туркменистана не допускал длительного нахождения и закрепления на ключевых властных должностях представителей различных кланов. Подобная ротация кадров создавала некий хаос в кадровых перестановках, но снимала угрозу возможности появления на высоком уровне группы единомышленников, способных противостоять президенту [7]. Новый президент Гурбангулы Бердымухамедов (р. в 1957 г. в Ахальском велаяте) принадлежит к племени теке. При нем практически три четверти всех госчиновников (а силовики – на 9/10) – текинцы (преимущественно из Бахардена, Ахальского велаята). В современном Туркменистане именно принадлежность к ахалтекинскому племени чаще всего является основанием для получения какого-либо важного чиновничьего кресла [2].

Среди экспертов сразу после смерти Туркменбаши выдвигались три основных сценария развития ситуации.

1. Полный разрыв с эпохой Ниязова. Этот сценарий был во многом катастрофичен. Он предполагал народные волнения и даже гражданскую войну по сценариям «цветных революций». Этот сценарий пользовался поддержкой небольшого числа специалистов.

2. «Второе издание» Туркменбаши, с повторением наиболее одиозных характеристик режима ничем не ограниченной личной власти. Этот сценарий также поддерживало меньшинство экспертов.

3. Медленная и осторожная эволюция в пользу либерализации по аналогии с тем, что происходило в СССР после Сталина и в Китае после Мао. Этот сценарий наиболее распространен среди специалистов. Строились прогнозы о том, что режим станет более олигархическим и более ориентированным на внутриэлитные переговоры, где президент будет не сакрализированным правителем, а первым среди равных. Режим будет эволюционировать в институционализированный авторитаризм, хотя темпы этой эволюции могут быть и достаточно медленными [5].

Прошедшие годы показали условность данных прогнозов. Достаточно подробно эволюцию в коридорах власти после смерти Ниязова отследил чешский исследователь Славомир Горак, который отмечает, что правящая элита Туркменистана, которая сложилась на момент смерти Туркменбаши, начала меняться сразу же после выборов президента. В основном проявлялась все более сильная фактическая позиция Бердымухамедова, который начал отстаивать свой пост «туркмена № 1» не только на бумаге, но и реально. Несмотря на видимость сокращения полномочий президента, уже в первые дни после назначения на пост исполняющего обязанности, Гурбангулы Бердымухамедов повел себя достаточно уверенно и дал понять, что не будет сильно зависеть от своих патронов [3]. Один из известных специалистов по Средней Азии, Александр Собынин считает, что «Гурбангулы Бердымухамедов крепко держит власть, сильные политики выдвинуты из страны или находятся в тюрьме, сильные управленцы присягнули Бердымухамедову или отстранены от доходных постов» [8].

Получив свои президентские полномочия и став первым лицом Туркменистана, Бердымухамедов устремился скорее к режиму собственной власти, нежели к олигархическому или «тандемному» (с Реджеповым) управлению. В ситуации наличия множества элитных групп одного уровня без видимого лидера в политической среде Туркменистана могли возникнуть все условия для непредвиденного конфликта групп, претендующих на власть. Бердымухамедов это, кажется, понимал. Уже во время формирования нового правительства он показал, что знает, как строить кадровую политику в туркменских условиях. Новый президент окружает себя людьми, с которыми хорошо знаком и которые даже относительно недавно попали в немилость Туркменбаши, «хотя не до такой степени, чтобы быть арестованными (имеются в виду, в частности, Джемал Геокленова и Хыдыр Сапарлыев, которые соответственно занимали посты министра текстильной промышленности и ректора политехнического института, а позже министра образования)» [1]. Специалисты также отмечают, что Бердымухамедов минимизировал возможности перехода власти к другой силе. В частности, благодаря конституционному закону, был изменен порядок перехода власти в случае гибели президента. Президентские полномочия переходят не к спикеру, как это было раньше, а первому вице-премьеру. То есть вице-преьера в любой момент можно убрать, в отличие от спикера, который формально избирается парламентом и потенциально может стать самостоятельной фигурой.

Кроме этого, эксперт по Средней Азии Виталий Хлюпин также указывает, что советники из окружения туркменского президента играют значительную роль. «При каждом авторитарном правителе азиатско-африканского типа существуют группы иноплеменных помощников, которые выполняют важные функции. Первая – имиджевая (коммуникация с внешним миром), вторая – их можно использовать как литературных рабов (...) для написания идеологических болванок, как, например Каримов употреблял Вячеслава Голышева; третья, как в данном случае, для улаживания бизнес-дел шефа “в Европах”, “закапывания” и перепрыгивания капиталов. Так как эти люди именно иноплеменные, не встроены в местную клановую систему, то им можно доверить и самое святое – кошелек хана, и ряд других деликатных поручений. Повторюсь, это не феномен, это нормальная, обычная практика. Более того, в свою личную охрану наши лидеры тоже часто и охотно нанимают “инородцев”, по той же самой причине – вернее служат» [3].

Эксперты отмечают высокую значимость кланового фактора при принятии решений в стране. Многие описывают этот процесс как «ахализация». Основу политической и экономической элиты составляют родственные Бердымухамедову ахалтекинцы, они занимают до 3/4 ключевых позиций, включая правительство и регионы, даже «нетекинские», это способствует появлению в стране кланового и этнического недовольства [9]. Также ряд экспертов отмечает, что жители разных велайатов и представители разных племен практически не смешиваются между собой. Это еще больше усугубляет межклановые противоречия. В целом в своей клановой политике, по мнению региональных наблюдателей, Бердымухамедов идет по пути бывшего президента Киргизстана Курманбека Бакиева, что приводит ко все большей вовлеченности в дела клана и может способствовать развитию внутривластной ситуации по киргизстанскому сценарию [11].

Широкое распространение семейственных, клановых связей, доминирование патерналистских традиций в выстраивании взаимоотношений между слабыми и немногочисленными общественными структурами и государством сужают демократические начала, обеспечивают слабую социальную базу политической системы и политического режима Туркменистана, и представляют собой угрозу существованию данного режима в условиях нарастающих рисков распространения цветных революций в мире.

Литература

1. Горак С. Туркменистан после Туркменбаши. К вопросу о трансформации режимов личной власти / С. Горак // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 3. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/382/30>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 3.07.2012.)
2. Грозин А. Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: Общее, особенное и трудности модернизации / А. Грозин // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики фонда исторической перспективы. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/elity_turkmenistana_i_centrальноaziatskije_klany_obshheje_osobennoje_i_trudnosti_modernizacii_2010-12-21.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Инвестиционный потенциал Туркменистана. Анализ политических рынков // REGNUM: Информационное агентство. – Режим доступа: <http://common.regnum.ru/documents/2011/1405529.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Казанцев А. Туркмения: Прогноз будущего / А. Казанцев // GloboScope. – Режим доступа: <http://www.globoscope.ru/content/articles/948/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Нейтральный Туркменистан. – 15 сентября 1999 г. – С. 1.
6. Сапаров Н. Об особенностях «Туркменской модели демократии» / Н. Сапаров. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 13.08.2012.)
7. Сидоров О. Политическая элита Туркмении: Вчера и сегодня / О. Сидоров // GAZETA.KZ: медиа-портал. – Режим доступа: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=59230>, свободный. – Заглавие с экрана – Яз. рус. (Дата обращения: 06.05.2005.)
8. Собянин А. ЖЖ / А. Собянин. – Режим доступа: <http://sobiainnen.livejournal.com/30324.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.08.2012.)
9. Хроника Туркменистана: Издание Туркменской инициативы по Правам Человека. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org/?id=3007>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.08.2012.)
10. OSCE. Office for Democratic Institutions and Human Rights. GAL/55/99. – December 6, 1999. – Warsaw, Poland.
11. Turkmenistan's Clannish Leader // Institute for war & Peace reporting. – Available at: <http://iwpr.net/tk/node/49345> (Accessed: 7.08.2012.)

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2014 г., № 2 (39), с. 244–249.*

Н. Кулешова,

политолог

(ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Узбекистан, как и другие советские республики, после распада СССР пошел по пути экономического реформирования, начал политическое переустройство и сегодня выступает самостоятельным субъектом международной политики. Следует вспомнить, что в период существования СССР политические процессы в республиках во многом определялись Центром, однако именно этот период характеризуется интенсивным генезисом кланов в Узбекистане.

Взаимодействие между Центром и политической элитой Узбекистана в лице политических кланов строилось на основе взаимного обмена ресурсами и лояльностью со стороны узбекского населения, что способствовало стабильности в регионе и вполне устраивало Центр. Эксперты отмечают, что пик расцвета политических кланов республики пришелся на период «застоя». Для Узбекистана этого периода не характерно присутствие на политической арене сильных националистических настроений. Возникшие сепаратизм и антирусские настроения эффективно подавлялись силовыми ведомствами, так как руководству республики было выгодно сохранять баланс сил, который служил гарантией сохранения их собственной власти.

Выбранная республикой после обретения независимости модель индустриализации «нешоковой терапии» позволила уже к 2000 г. достичь уровня ВВП 1991 г. [1]. При этом политическая система республики трансформировалась из коммунистической в автократическую, власть сконцентрировалась в руках президента и политических кланов.

Современная узбекская политическая система во многом является продолжением советской. По Конституции 1992 г. Узбекистан представляет собой президентскую республику. Вся власть, политические и законодательные инициативы сосредоточены в руках президента. Президент наделен личным иммунитетом от любого судебного преследования. Ни одна государственная инстанция не может отменить данного иммунитета. После оконча-

ния срока президентских полномочий глава государства обретает статус пожизненного члена второй палаты парламента – сената.

Президент назначает и отзывает глав (хокимов) 12 регионов республики. Нижний уровень политической власти представлен фигурой раиса – председателя комитета махаллы, который обычно состоит из пяти-шести аксакалов. Характерная черта современной политической системы Узбекистана – это активное присутствие в политической жизни страны особых групп лояльностей, которые включают в себя отдельные семьи, роды, махали и соседские общины. Важно отметить, что кланы принимали самое активное участие в политическом переустройстве страны, результатом которого стал авторитарный режим. Сегодня в Узбекистане создана политическая система, которая отвечает всем характеристикам авторитарного режима (с определенной степенью подотчетности институтов). Несмотря на то что оказались переняты многие советские практики, одной из основных черт остается важность так называемого неформального сектора. Необходимо отметить некоторые особенности данного процесса: формирование государственных институтов, отвечающих интересам кланов и личности президента, концентрация экономических ресурсов, контроль над силовыми ведомствами, усиление роли главы государства и некая независимость от клановых отношений.

Таким образом, с самого начала своего правления Каримов был поставлен в определённую зависимость от кланов. Важным условием сохранения его власти является сохранение баланса между региональными кланами, не допуская преобладания какого-либо одного из них, укрепление их позиций и доступ к ресурсам. Ислам Каримов привел к власти представителей клановых элит. В период прихода Каримова к власти самыми значительными кланами, интересы которых должен был учесть президент, считались ферганский, джизакский, самаркандский, кашкадарьинский и хорезмский кланы. Президент был вынужден заполнять государственные посты выходцами из перечисленных кланов. В формировании и структуре госаппарата решающую роль играет соперничество региональных фракций, получающих тем самым доступ к ресурсам общества. Важно отметить, что, несмотря на то что сам Каримов принадлежал к самаркандскому клану, он ограничил власть представителям этого клана. Каримов восстановил в правах ферганский и хорезмский кланы. Влиятельным выходцем из последнего клана был Мухамад Салих (Салой Мадаминов) – глава оппозиционной партии «Эрк» («Свобода»), который был вынужден

покинуть республику, так как являлся непримиримым оппонентом действующего президента.

В настоящее время в окружение президента входят, в основном, представители ташкентской элиты. Таким образом, можно констатировать важную роль кланового фактора в современных политических процессах узбекского государства.

Сегодня президент республики выступает гарантом сбалансированных взаимоотношений между политическими кланами, группами и отдельными лидерами. Однако, в случае его ухода с политической арены, борьба за власть может в будущем иметь непредсказуемый характер. Таким образом, потенциальная политическая нестабильность в Узбекистане может привести к росту активности радикальных экстремистов, что в свою очередь создаст нестабильность и определенную угрозу и в Центрально-Азиатском регионе, и для России.

Конституция Республики (главы VII–X) гарантирует гражданам ряд демократических прав и свобод: слова, собраний, религиозных взглядов, владения собственностью, этническое и гендерное равенство. Конституция также гарантирует всем гражданам равенство избирательного права, свободы политических движений и объединений, при условии, что их деятельность не посягает на государственный строй республики, разжигание национальной, религиозной и другой розни и если она не направлена на дестабилизацию правопорядка в стране. Изменения в Конституцию Республики Узбекистан вносятся в порядке закона, принимаемого по итогам голосования, на котором за них должны проголосовать как минимум 2/3 от общего числа депутатов нижней и верхней палат парламента Олий Мажлис.

Принятые в 1996 г. Закон Республики Узбекистан «О политических партиях» и Закон 2004 г. «О финансировании политических партий» легитимизируют создание и действие добровольных объединений страны, они также направлены на совершенствование и повышение роли политических партий в жизни общества. Последний из указанных законов определил источники, основные принципы, доступность сведений о финансировании, целевое использование финансовых и иных средств; порядок государственного финансирования уставной деятельности и участия политических партий в выборах в Законодательную палату и другие представительные органы государственной власти, деятельности фракций в Олий Мажлисе и т.п.

В Республике Узбекистан в настоящее время юридически зарегистрированы и действуют пять политических партий – Народно-демократическая партия, Социал-демократическая партия «Адолат», Национально-демократическая партия «Миллий тикланиш», Национально-демократическая партия «Фидокорлар», Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана. Политические партии осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Узбекистан, Законом «О политических партиях» и другими законодательными актами. Представительство политических партий в Законодательной палате Олий Мажлиса, например, по итогам выборов в декабре 2004 г. – январе 2005 г., представлено следующим образом (см. табл.).

Таблица

Представительство партий

Партия	Число мест	Представительство (в %)
Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия	41	34,2
Народно-демократическая партия Узбекистана	28	23,3
Национально-демократическая партия «Фидокорлар»	18	15
Национально-демократическая партия «Миллий Тикланиш»	11	9,2
Социал-демократическая партия «Адолат»	10	8,3
Кандидаты, выдвинутые инициативными группами граждан	12	10

Ведущей партией Узбекистана (партией «власти») официально является Народно-демократическая партия Узбекистана (Halq Demokratik Partiyasi), которая была зарегистрирована в ноябре 1991 г., трансформировавшись из Коммунистической партии республики. Партия декларирует, что она поддерживает приверженность к рыночной экономике и многопартийной системе и полностью поддерживает политический курс президента Каримова. Сохранив во многом кадровую и организационную структуру компартии, НДП является достаточно массовой партией (членов партии около 600 тыс. человек). Президент Каримов в июне 1996 г. вышел из рядов партии и покинул пост ее председателя. Однако этот тактический ход не означает полного прекращения контроля

над ней, тем более что избранные от этой партии депутаты заняли более половины мест в министерствах. Преемник главы государства на посту председателя партии, А. Джалолов, принял участие в выборах 1999–2000 гг. в качестве соперника Каримова на пост президента, получив поддержку лишь 4,2% голосов избирателей; почти все члены НДП отдали голоса за Ислама Каримова, что подтверждает сохранение за партией имиджа президентской партии.

Национально-демократическая партия «Фидокорлар» («Самотверженные») существует с декабря 1998 г., создана в ответ на предложение Каримова создать новую партию «некоррупцированных, более молодых лидеров будущего». В результате выборов, состоявшихся в декабре 1999 г., партия получила 34 мандата в нижней палате Олий Мажлиса. Именно «Фидокорлар» сыграла решающую роль в расширении избирательской базы в поддержку президента на выборах президента в январе 2000 г. В апреле 2000 г. НДПФ и умеренно-консервативная партия «Прогресс Отечества» (*Vatan Taqqiyoiti*), основанная в 1992 г., официально объявили о слиянии, оставив имя «Фидокорлар». В июле 2000 г. был первый съезд объединенной НДПФ. Численность партии составляет свыше 45 тыс. человек (2004). Ее члены – это в основном предприниматели, представители интеллигенции и молодежь.

Социал-демократическая партия «Адолат» («Справедливость») была образована в 1990 г. В феврале 1995 г. партия заявила, что поддерживает курс президента и отказывается от членов партии – исламских интеллектуалов, которые навязывали ей радикализм. Партия насчитывает в своих рядах около 60 тыс. человек (2006).

Еще одной партией, пользующейся популярностью в среде узбекской интеллигенции и разделяющей курс президента Каримова, является созданная в 1995 г. Демократическая партия «Национальное возрождение» («*Milliy Tiklanish Partiasi*»). В качестве своей основной цели она объявила политическую работу в интересах «национального прогресса и национального сознания», руководствуясь либеральными принципами, с учетом узбекской специфики. Партия добилась некоторых успехов на выборах 1999 г., обретя десять мандатов в нижней палате Олий Мажлиса (парламент). Однако добиться значительных результатов на выборах 2004 г. она уже не сумела.

По инициативе властей в 2003 г. была создана Либерально-демократическая партия (УзЛиДеП), которая рассматривается как движение предпринимателей и деловых людей. Она зарекомендо-

вала себя как партия, защищающая интересы собственников, предпринимателей и частного капитала. Партия стала широко известна, когда в феврале 2005 г. ей удалось возглавить Демократический блок в составе «Фидокорлар» и «Адолат» в нижней палате парламента.

Рассматривая партийно-политическую систему Узбекистана, следует обратить внимание и на роль оппозиции. Однако действующее законодательство весьма существенно ограничивает поле деятельности оппонентов. В республике существуют и оппозиционные незарегистрированные или запрещенные партии и общественно-политические движения. По мнению экспертов, оппозиция президента и правительства условно могла быть разделена на три группы: 1 – национально-демократическая, которая выступает за создание демократического гражданского общества; 2 – клановая, основанная на межклановых противоречиях; 3 – исламская, которая ставит своей целью создание исламского государства. Обращает на себя внимание тот факт, что требования оппозиции включают и неперемное учитывание национальной специфики.

Анализируя реальность Узбекистана, трудно не заметить еще одну особенность узбекской модели – решающую роль государства в экономических и политических реформах, в современном узбекском обществе. Сегодня мы констатируем, что Узбекистан представляет собой одно из самых тоталитарных государств региона, в республике создан жесткий режим авторитарного типа. Рассматривать авторитарный режим в Узбекистане следует, однако, в строго историческом контексте: мы не можем отрицать, что созданная система управления после приобретения независимости позволила осуществить модернизационные процессы в республике. Изжил ли себя авторитарный режим, позволит ли современный этап развития Узбекистана перейти на другой – демократический путь развития, покажет время. Представляется, что дальнейшее, более «высокотехнологичное» развитие общества невозможно в условиях авторитаризма.

Процесс развития новых независимых государств Центрально-Азиатского региона показал, что демократия не является универсальной формой организации общества и не может быть привнесена извне. Очевидно, что с провозглашением курса демократии, и даже с внедрением институциональных основ демократии, ее структурные элементы не возникают сами по себе. Процесс демократизации – это всегда длительный по времени процесс, который в условиях традиционного общества принимает характер полити-

ческой модернизации. Разделяя точку зрения, что демократию нельзя «импортировать», она – всегда продукт самобытной культуры народа и его исторического и духовного развития, и как справедливо заметил президент Узбекистана И. Каримов, «демократия не внедряется силой, она прививается, иногда долго. Настоящую демократию не власть учреждает, люди сами ее создают – своей культурой, пониманием общественных нужд» [2].

Литература

1. 10 лет СНГ (1991–2001). С. 11.
2. Пресс-бюллетень Президента Республики Узбекистан. – Ташкент, 1992. – № 3. – С. 61.
3. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистан, 1998.
4. <http://uza.uz/ru/>
5. <http://russian.eurasianet.org/>

*«Казанская наука»,
Казань, 2014 г., № 3, с. 296–300.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С. Демиденко,

кандидат исторических наук

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В последние годы на региональном направлении внешней политики Иран сдал ряд позиций. Особенно ярко отступление Тегерана проявилось на фоне разрастания влияния основного оппонента Исламской Республики Иран – Саудовской Аравии, которая вследствие масштабного кризиса, получившего название «арабская весна», стала фактическим лидером всего арабского мира. Теперь под влиянием Эр-Рияда находится новое руководство Египта, получившее от него помощь в размере 5 млрд долл., Иордания, большую роль в экономике которой играют саудовские инвестиции, наиболее влиятельные семейства Йемена. Расширяется влияние Королевства в Ливии, Тунисе, Ливане.

Низкой внешнеполитической активностью Ирана была в Ираке, Ливане, Центральной Азии. Практически никаких активных действий не предпринимал Тегеран и на Кавказе. Подобное положение вещей связано в первую очередь с тем, что основные усилия иранской дипломатии после смены главы ИРИ летом 2013 г. были направлены на обеспечение прорыва на векторе глобальном, где основной задачей является полное снятие или значительное ослабление режима международных санкций, наносящего серьезнейший урон экономике Ирана (до 5 млрд долл. ежемесячно¹), не считая практически полного отсутствия инвестиций, из-за которого

¹ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 16 января 2012 г. 18:16.

осенью 2013 г. о банкротстве объявила Национальная иранская газовая компания¹.

Существенно подрывает региональные позиции Ирана ситуация в Сирии: главный союзник Тегерана на Ближнем Востоке в течение вот уже двух лет фактически находится на грани выживания. В этой связи сирийское направление остается на протяжении последних лет основным в иранской региональной политике.

Тегеран оказывает поддержку режиму Башара Асада по всем возможным направлениям – дипломатическому, военно-политическому, финансовому. Так, в мае 2013 г. иранские власти пытались сформировать проасадовский региональный блок, который стал бы альтернативой поддерживаемой Эр-Риядом и Дохой группе «Друзья Сирии». «Конференция друзей Сирии» стартовала в Тегеране 29 мая, однако серьезного международного резонанса не имела². Также Исламская Республика Иран предпринимала попытки не допустить усиления силового давления на Дамаск со стороны США и их союзников. В период сирийского кризиса в сентябре 2013 г. иранские власти организовали серию международных консультаций с целью довести до сведения мирового сообщества всю пагубность последствий ударов по Сирии для всего Ближнего Востока. Кроме того, высшие иранские руководители (Рахбар Али Хаменеи, президент Хасан Роухани, министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф) выступили с официальными заявлениями, в которых содержались аргументы в пользу того, что химическая атака в Восточной Гуте была провокацией оппозиционных официальному Дамаску сил³.

До весны 2013 г. Иран пытался убедить Дамаск начать переговоры с руководством Национальной коалиции революционных и оппозиционных сил Сирии (НКРОС), лидером которой тогда был склонный к диалогу с официальными властями Моаз аль-Хатыб⁴. Однако со сменой руководства НКРОС и приходом к власти в этой структуре просаудовски настроенного Ахмада Джарбы миротворческие усилия Ирана сошли на нет. Не исключено, что перестановки в руководстве НКРОС были связаны именно с усилением

¹ Iran State Gas Company Faces Collapse, Hit by Sanctions // The Wall Street Journal. 18 November 2013. URL: <http://www.online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303755504579206103448476892>

² ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 27 мая 2013 г. 22:25.

³ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 22 августа 2013 г. 9:49.

⁴ ИНТЕФАКС, лента «Международные новости». 13 февраля 2013 г. 13:50.

иранского влияния на деятельность этой организации, которая теперь отождествляется исключительно с политикой Эр-Рияда.

Военную помощь Дамаску Иран оказывает на регулярной основе, хотя официально это не подтверждает, заявляя, что у сирийских властей вполне достаточно собственных сил для борьбы с вооруженными мятежниками. США неоднократно выражали обеспокоенность расширением военной помощи режиму Башара Асада со стороны Тегерана, а из стана сирийских повстанцев поступали сведения об уничтожении в Сирии иранских самолетов с оружием, а также офицеров КСИР (гибель в Сирии одного из командиров КСИР, Хесам Хошнеvisa, была подтверждена в том числе иранскими властями¹). Организация внешней торговли объявила тендер на закупку продовольствия за счет кредита, предоставленного ей иранской стороной (150 тыс. т сахара, 50 тыс. т риса, 25 тыс. т муки и т.д.)².

В целом пока Иран со своей задачей по поддержке режима Башара Асада справляется. Однако не следует думать, что сирийское руководство держится у власти исключительно за счет помощи, оказываемой ему иранцами и ливанской «Хезболлой». В борьбе с оппозицией Дамаск во многом опирается на свои внутренние резервы, а стабильность режима поддерживается альянсом алавитской военной элиты и суннитской деловой общины.

Через призму сирийского конфликта нужно воспринимать отношения Ирана с ведущими государствами арабского мира – Саудовской Аравией и Катаром. Отношения Ирана и Саудовской Аравии находятся в состоянии обострения. Некоторые аналитики полагают, что между Тегераном и Эр-Риядом идет латентная война за контроль над всем субрегионом. Основой же противостояния является религиозный фактор (противостояние суннитов и шиитов). Помимо конфликта в Сирии, где Саудиты поддерживают оппозицию, рассматривая в том числе планы поставок ей новейших видов вооружений³ и препятствуя участию Ирана в мирной конференции в Монрё⁴, интересы иранских аятолл и саудовских ваххабитов

¹ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 14 февраля 2013 г. 21:59.

² Сирия закупит на тендере сахар, рис и муку за счет кредита, предоставленного Ираном // Зерно Он-Лайн. 13 декабря 2013. URL: <http://www.zol.ru/n/18B7A#>

³ Сирийская оппозиция делает ставку на саудовское оружие // Регнум. 8 июля 2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/east/1681100.html>

⁴ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 20 января 2014 г. 17:18.

пересеклись в Бахрейне. Правящая суннитская верхушка этого небольшого государства, более 70% населения которого составляют шииты, постоянно обвиняет Иран в поддержке местной оппозиции, объединяющейся вокруг организаций «Аль-Вифак» и «Хезболла-Бахрейн»¹. За последний год государства – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – организация, созданная и активно поддерживаемая Саудовской Аравией) несколько раз выступали с заявлениями о необходимости полного прекращения вмешательства Ирана в дела Бахрейна².

В Ливане Иран оказывает поддержку «Коалиции 8 марта», во главе которой стоит «Хезболла», а Эр-Рияд помогает «Движению 14 марта» (возглавляется просаудовским семейством Аль-Харири). Нынешний премьер-министр Ливана Таммам Салам избран на этот пост благодаря поддержке просаудовской коалиции. Иногда противостояние Саудовской Аравии и Ирана переходит в «горячую фазу», когда поддерживаемые Эр-Риядом суннитские боевики совершают диверсии против иранских дипломатических представителей. Один из знаковых терактов произошел 19 ноября 2013 г. в Бейруте, его жертвой стал атташе по культуре посольства ИРИ³.

Что касается Катара, то отношения Ирана с этой страной, также претендующей на статус региональной державы, не столь однозначны. С одной стороны, эмират, как и Саудовская Аравия, поддерживает антиасадовские силы⁴. С другой – у иранского руководства установились весьма позитивные контакты с умеренно исламистским правительством Египта во главе с теперь уже экс-президентом страны Мухаммедом Мурси (известно, что Мурси

¹ См., например: Исаев В.А., Филоник А.О. Королевство Бахрейн: Опыт развития в условиях ресурсной ориентации. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – С. 79.

² ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 25 декабря 2012 г., 5 марта 2013 г. 16:22.

³ Атташе посольства Ирана скончался из-за теракта у посольства Ирана в Бейруте // Интерфакс. 19 ноября 2013. URL: <http://www.interfax.ru/world/news/341838>

⁴ Между Тегераном и Дохой регулярно проводятся прямые консультации относительно ситуации в Сирии. Так, именно сирийская проблематика была в центре переговоров, проведенных 14 мая 2013 г. во время визита в Тегеран тогдашнего премьер-министра Катара Хамада Бен Джасема. См.: ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 14 мая 2013 г. 22:23.

и организация «Братья-мусульмане», которую он представлял на официальном уровне, получали помощь и поддержку от Катара). В начале февраля 2013 г. тогдашний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад посетил саммит Организации исламского сотрудничества, проходивший в Каире, что стало первым визитом иранского президента в Египет с 1979 г. (дипломатические отношения между двумя странами были разорваны после подписания Каиром мирного договора с Израилем). Ахмадинежад провел переговоры с Мурси, в ходе которых были подняты вопросы внутрисирийского урегулирования¹. Два государства планировали восстановить дипломатические отношения, однако этому помешал переворот в Египте 3 июля 2013 г., получивший резкое осуждение в Тегеране. Официальные представители ИРИ, высказываясь на тему смены власти в Египте, призывали армию уважать волю народа и всячески подчеркивали, что именно Мурси является законно избранным президентом страны².

Разница в подходах к осуществлению контактов с Ираном двух монархий обусловлена той государственной парадигмой, которая выбрана королевскими домами в Дохе и Эр-Рияде. Семейство Аль-Сауд относится к Тегерану как к идеологическому противнику, носителю шиитской ереси, распространение которой в регионе нужно остановить любым способом. Катар же придерживается более прагматичного подхода, основанного на экономической заинтересованности и политической целесообразности. Известно, что Катар в ближайшее время намеревается начать импортировать иранский природный газ, так как испытывает определенные трудности в связи с увеличением внутреннего спроса на этот энергоноситель. Кроме того, Иран остается одним из основных поставщиков в Катар продукции сельского хозяйства, пищевой, легкой и химической промышленности³. Не исключено, что Катар видит в Иране некий противовес усиливающейся Саудовской Аравии, которую Доха также считает одним из основных оппонентов в регионе.

Пока, несмотря на определенные подвижки, нельзя говорить о возможности перспективного сближения Тегерана и Дохи. Между

¹ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 5 и 6 февраля 2013 года, 16:50 и 18:34 соответственно.

² ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 2 июля 2013 г. 13:04.

³ Касаев Э.О. Катар в XXI веке: Современные тенденции и прогнозы экономического развития. – М.: Международные отношения, 2013. – С. 125.

двумя государствами еще много противоречий. Особенно ярко они проявляются не только в вопросах, связанных с сирийской проблематикой, но и в отношении Палестины. В последние годы Катар всячески пытается перехватить у Ирана контроль над палестинским национальным движением. Так, известно, что внутри ХАМАС действуют группы, ориентированные как на Доху, так и на Тегеран. К представителям первой относится глава политбюро ХАМАС Халед Машааль (с 2011 г. проживает в Дохе¹), вторую, по оценкам экспертов, возглавляет Исмаил Хания².

Что касается арабских стран – членов ССАГПЗ, то они в целом придерживаются в отношении Ирана курса, заданного еще в 1980-е годы Саудовской Аравией, в соответствии с которым ИРИ рассматривается как главная угроза стабильности в регионе Персидского залива. Исключение здесь составляют лишь ОАЭ. В начале текущего года эмир Дубая и премьер-министр ОАЭ шейх Мухаммед ибн-Рашид аль-Мактум высказался за облегчение режима санкций в отношении Ирана³. Как и в случае с Катаром, здесь играет свою роль экономический интерес – через эмират Дубай, где проживает много персов, Иран ведет торговлю с арабскими странами.

Представляется, что экономическая заинтересованность – это то, что поддерживает региональный статус ИРИ в условиях серьезного ослабления геополитических позиций Тегерана в целом. Так, Турция, которая остается одним из важнейших потребителей иранского газа и нефти, продолжала торгово-экономическое сотрудничество с ИРИ даже в условиях санкций (Иран поставляет Турции от 20 до 30% всего потребляемого республикой газа)⁴. В этой связи Иран также демонстрирует желание развивать контакты с Анкарой, в том числе и в области политической (даже несмотря на поддержку, оказываемую Турцией сирийским боевикам). Турция активно посредничала в налаживании контактов Ирана с «шестеркой» по ядерной проблеме (одна из встреч в начале 2013 г. произошла именно в Стамбуле⁵), а также выступала

¹ Россия будет прирастать Ближним Востоком // WordYou.Ru. 24 декабря 2013. URL: <http://www.wordyou.ru/v-mire/rossiya-budet-priostatat-blizhnim-vostokom.html>

² ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 9 января 2014 г. 19:11.

³ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 13 января 2014 г. 11:01.

⁴ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 26 декабря 2012 г. 22:11.

⁵ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 15 января 2013 г. 13:11.

в пользу участия Ирана в конференции по сирийскому урегулированию в Монтрё¹. В целом можно прогнозировать, что отношения Ирана и Турции сохранят в ближайшей перспективе позитивную динамику и будут основываться на обоюдной экономической заинтересованности.

Жестким региональным оппонентом ИРИ остается Израиль. Тегеран и Тель-Авив периодически обмениваются угрожающими заявлениями, однако Израиль, в отличие от Саудовской Аравии, никак не пытается повлиять на ситуацию в Сирии, что, в общем-то, соответствует региональным устремлениям Исламской Республики Иран. С приходом к власти в Иране нового руководства во главе с президентом Х. Роухани и главой МИД Д. Зарифом стало возможно говорить о некоторой корректировке риторики Тегерана в отношении еврейского государства. В сентябре 2013 г. глава МИД Ирана, а следом за ним и президент страны заявили, что Холокост был преступлением против человечности². В начале октября 2013 г. Администрация Президента ИРИ отменила антиизраильскую конференцию «Новый горизонт», ставшую традиционной при Ахмадинежаде³.

В целом подобное изменение позиции ИРИ необходимо увязывать с общим стремлением Ирана улучшить свой международный имидж в контексте усилий по размыванию режима санкций. В то же время данный факт как нельзя лучше свидетельствует о крайней слабости геополитических позиций Тегерана в настоящий момент.

Вследствие частичной утраты Исламской Республикой Иран своего регионального и глобального влияния вне поля зрения иранской политики в последний год оставался Афганистан. Усилия Тегерана здесь в 2013 г. были сосредоточены на попытках убедить Кабул не подписывать соглашение с США, предусматривающее сохранение в стране американского военного присутствия еще на пять лет. По всей видимости, Тегеран продолжает испытывать опасения, что натовский контингент в Афганистане может быть использован если не для атаки, то во всяком случае как серьезная мера воздействия на Иран с целью изменения его позиций по насущным вопросам международной политики.

¹ Правда, при условии присоединения Ирана к Женевскому коммюнике.

² ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости», 6 и 25 сентября 2013 г. 11:37 и 7:14 соответственно.

³ ИНТЕРФАКС, лента «Международные новости». 11 октября 2013 г. 15:08.

Сотрудничество Ирана с государствами Центральной Азии в целом находится на невысоком уровне. В центральноазиатских столицах настороженно относятся к Ирану, финансовые возможности которого в последнее время заметно ослабли. Определенное оживление наблюдается лишь на таджикском векторе. В эту страну Тегеран продолжает вкладывать деньги, так как считает местное шиитское меньшинство проводником своих национальных интересов. Из Таджикистана в Иран экспортируется электричество, и именно в эту отрасль экономики республики Тегеран инвестирует основные средства¹.

На Южном Кавказе влияние Ирана ограничено. Его региональной опорой считается Армения, тогда как плотно включенные в орбиту американских интересов Грузия и Азербайджан настороженно относятся к своему южному соседу. Официальный Баку серьезно опасается потенциального распространения в республике религиозного влияния иранских аятолл (более 80% населения Азербайджана составляют шииты), однако не может эффективно противостоять росту контактов между двумя странами по общественной линии (жители Ирана и Азербайджана связаны друг с другом множеством личных, семейных и деловых уз).

* * *

В целом можно констатировать, что региональные позиции Ирана ослаблены. Необходимость решать внутривосточные проблемы, связанные с общим экономическим застоем и режимом международных санкций, серьезно снизили возможности Тегерана влиять на ситуацию в регионе. Однако в случае заключения ядерной сделки с Западом можно прогнозировать активизацию региональной политики Исламской Республики Иран. Подобный дипломатический прорыв может способствовать укреплению статуса страны как региональной державы.

В этой связи России целесообразно поддерживать с Ираном высокий уровень контактов и развивать уже достигнутые договоренности. В целом российскую позицию по Ирану можно оценивать как взвешенную и прагматичную. На иранском направлении своей внешней политики Москва избежала резких движений, не

¹ Х. Роухани посетит Таджикистан для усиления экономического сотрудничества двух стран // Деловой Иран. 23 октября 2013. URL: http://www.delo-voiran.ru/news/show/32870/Hasan_Ruhani_posetit_Tadzhikistan_dlya_usileniya_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_dvuh_stran

испортив отношений с Западом попытками размыть режим санкций и сохранив хорошие отношения с Тегераном благодаря защите права Ирана на разработку мирного атома (а заодно и поддержке, оказываемой режиму Башара Асада).

В этой связи у Москвы очень неплохие шансы включиться в работу иранского нефтегазового рынка, который в ближайшем будущем начнет открываться для иностранных инвесторов. Сегодня многие западные энергетические концерны готовы прийти в Иран и начать разрабатывать там новые углеводородные месторождения. Не дремлет и Китай. России необходимо приложить максимум усилий, чтобы использовать сложившиеся хорошие отношения с Тегераном для заключения наиболее выгодных сделок. Интересен Иран и как перспективный рынок для российских товаров (в том числе и двойного назначения).

В силу исторических обстоятельств Иран на региональном уровне является союзником России в борьбе против распространения радикального ислама, который поддерживается различными влиятельными кругами Персидского залива. На этом направлении необходимо сосредоточить основные усилия национальной дипломатии, развивая контакты с аналогичными ведомствами Исламской Республики Иран. В то же время, выстраивая парадигму наших отношений с ИРИ, необходимо помнить, что Тегеран, как правило, действует прагматично. Позиция иранского руководства в отношении России может меняться в том случае, если со стороны Запада последуют лучшие предложения в политической или экономической области¹.

*«Современные российско-иранские отношения:
Вызовы и возможности»,
М., 2014 г., Рабочая тетрадь, № 4, с. 64–71.*

¹ Так, на прошедшем недавно Всемирном экономическом форуме в Давосе президент ИРИ Х. Роухани заявил о возможности возобновления дипломатических отношений между Тегераном и Вашингтоном. Нельзя также сбрасывать со счетов сотрудничество американцев и иранцев по Афганистану, Ираку, палестинско-израильской проблематике.

Г. Чуфрин,

член-корреспондент РАН (ИМЭМО РАН)

В. Гельбрас,

доктор исторических наук

(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова)

А. Володин,

доктор исторических наук (ИМЭМО РАН)

Н. Козырев,

Чрезвычайный и Полномочный посол

(ДА МИД РФ),

Д. Малышева,

доктор политических наук (ИМЭМО РАН)

ЗОНА АФПАК КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение

В начале текущего столетия произошло серьезное обострение международной обстановки в районе Центральной и Южной Азии, или, пользуясь западным определением этого региона, Большой Центральной Азии. Такое развитие событий было связано с активизацией в Афганистане радикальных исламистских сил, руководимых «Аль-Каидой» и опиравшихся на поддержку местного правящего режима «Талибан». На них была возложена ответственность за подготовку и проведение в различных странах мира ряда террористических актов, крупнейшими и наиболее известными из которых стали теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

В конце того же года была начата крупная международная операция по борьбе с афганскими исламистами, в которой принял участие целый ряд стран во главе с США. Одни, в число которых вошли члены НАТО, непосредственно приняли участие в формировании Международных сил содействия безопасности (МССБ) и направили в Афганистан свои воинские подразделения. Другие – включая некоторые бывшие советские центральноазиатские республики – предоставили США и их союзникам по международной коалиции возможность создания на своей территории военных баз. Третьи страны ограничились предоставлением права транзита через свою территорию военных и невоенных грузов, необходимых для нужд МССБ.

Результатом этой международной акции, беспрецедентной по масштабам солидарности, стали быстрое военное поражение режима «Талибана» и его свержение в Кабуле. Однако столь успешно начавшаяся контртеррористическая операция не обеспечила решительного разгрома исламистских сил.

После военного поражения в Афганистане радикальные исламистские группировки отступили на территорию сопредельного Пакистана, где они сумели перегруппироваться, создать многочисленные тренировочные базы и лагеря для подготовки боевиков и сменить тактику действий, перейдя к партизанской войне.

С течением времени они возобновили вооруженные вылазки на юге Афганистана, постепенно расширяя зону своих действий и восстановив к концу 2008 г. фактический контроль почти над половиной территории страны. Более того, исламисты перешли к активным действиям и в Пакистане. Как следствие, конфликт с эпицентром в зоне «Афганистан плюс Пакистан» (или АфПак) и угрозой дальнейшего его распространения на другие сопредельные страны принял по существу региональный характер.

Эту ситуацию не удалось кардинально изменить к лучшему и после увеличения в 2010 г. численности американского экспедиционного корпуса в Афганистане на треть – до 100 тыс. военнослужащих. Несмотря на свое несомненное превосходство в численности вооруженных сил и качестве вооружений над сторонниками «Аль-Каиды» и «Талибана», США и их союзникам по международной коалиции так и не удалось добиться военного решения конфликта.

Отсутствие убедительных достижений в военной области сопровождалось неудачами США и в переустройстве общественно-политического и социально-экономического развития Афганистана в соответствии с нормами и принципами западной демократии. Неоднократно предпринимавшиеся ими попытки в этом направлении оказались малорезультативными или вообще несостоятельными при решении важнейших вопросов обеспечения внутривнутриполитической стабильности и управляемости в стране, отношений между центром и провинциями, межэтнических отношений, создания боеспособных национальных вооруженных сил и эффективных сил безопасности. Правящий режим, опиравшийся на поддержку США, оказался поражен коррупцией. Социальные проблемы населения продолжали обостряться.

В этих условиях вероятность возврата к власти талибов и их союзников стала достаточно высокой, что может оказать глубокое

воздействие не только на характер дальнейшего внутривосточного и социально-экономического развития Афганистана, но и на его отношения с соседями, на общерегиональную ситуацию.

Положение в Афганистане и шире – в зоне АфПак – оказывает серьезное влияние также на уровень угроз международной безопасности, имеющих по существу глобальное значение. В частности, важной особенностью развития конфликта явилось то, что в ходе его заметно обострилась проблема прихода к власти радикальных исламистских сил в Пакистане. Стала также реально нарастать угроза обеспечения ядерной безопасности в регионе, в том числе угроза захвата исламистскими боевиками ядерного оружия либо радиационных материалов и их последующего использования для проведения масштабных террористических актов.

Отсюда задачи урегулирования конфликта состоят не только в снижении уровня напряженности и в достижении максимального уровня стабилизации положения в зоне АфПак, но и в предотвращении негативного воздействия этого конфликта на общественно-политическую ситуацию в сопредельных странах и их национальную безопасность. Необходимость достижения прогресса в урегулировании конфликта приобретает при этом дополнительную актуальность в связи с предстоящим выводом из Афганистана основной части вооруженных сил международной коалиции до конца 2014 г.

Перспективы урегулирования конфликта в зоне АфПак и позиции региональных стран

Спектр региональных стран, национальные интересы которых в той или иной степени затрагивают перспективы урегулирования конфликта в зоне АфПак, достаточно широк – от Пакистана и Индии до постсоветских стран Центральной Азии.

Пакистан–Индия

Пакистан официально выступает в пользу урегулирования конфликта и стабилизации региональной ситуации, но последовательному проведению в жизнь этой стратегии мешает нестабильная внутривосточная ситуация в самом Пакистане, которая характеризуется хаотизацией общественно-политической жизни, разрегулированностью административно-хозяйственной деятельности, неспособностью политических партий нормализовать

партийно-политическую деятельность в стране. Главная особенность современного Пакистана – практическая несформированность среднего класса (в его интеллектуально-духовном и материально-финансовом выражении) и, как следствие, неразвитость экономических, социальных и политических структур гражданского общества. А это, в свою очередь, способствует политизации доминирующей религии – ислама, – выраженной в крайних формах ваххабизма.

Кризисные явления во внутривнутриполитической жизни страны получили дополнительный импульс в связи с распространением афганского конфликта на территорию Пакистана. Как следствие, в стране наблюдался рост числа местных радикальных исламистских партий и движений, а также тесно связанных с ними террористических организаций. В их число входят:

- сектантские формирования, находящиеся во враждебных отношениях с другими группами и постулирующие свою исключительность на поле внутривнутрирелигиозных отношений, политической и террористической деятельности; среди них такие организации, как Суни Сипа-э-Сахаба, Лашкар-э-Джангви, а также Техрик-э-Джафрия (все эти формирования действуют исключительно на территории Пакистана);

- антииндийские группы, такие, как Лашкар-и-Таиба, Джайшш-э-Мухаммад и Харакат уль-Муджахеддин (одной из важных территорий их базирования выступает пакистанская часть Кашмира);

- афганский «Талибан», возглавляемый муллой Мухаммадом Умаром и имеющий штаб-квартиру в Кветте;

- «Аль-Каида» и аффилированные с ней структуры, располагающиеся в зоне проживания племен и имеющие дочерние организации, которые ведут террористическую деятельность в странах Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая;

- пакистанский «Талибан», руководимый Хакимуллой Мехсудом в Южном Вазиристане и стремящийся к контролю над территорией племени Мехсуд и родственных ему образований¹.

¹ Пакистанским Талибаном принято считать организацию «зонтичного» типа, объединяющую различные исламистские группы на северо-западе страны. Среди главных заявленных целей организации выделяются: подрыв основ пакистанского государства, введение в практику социальных и культурных отношений собственной интерпретации шариата, а также объединение против сил МССБ, воюющих в Афганистане.

В настоящее время у официальных пакистанских властей, как и у общества в целом, отсутствует ясное понимание стратегии и тактики борьбы с терроризмом в стране. Вместе с тем восстановление общественно-политической стабильности Пакистана будет в конечном счете зависеть от способности гражданского общества к самоорганизации, к выработке общей формулы согласия и консенсуса поверх национально-этнических и партийно-политических барьеров. Центральная роль в этом процессе принадлежит руководству Вооруженных сил, традиционно играющему роль арбитра во внутривнутриполитической жизни страны, лидерам политических партий и вождям племен Пакистана. Как представляется, правящие круги Пакистана в сложившихся экстраординарных условиях не имеют иной альтернативы, кроме проведения своей, пакистанской «кемалистской революции», т.е. преобразований, воспроизводящих «турецкий путь развития» 20–30-х годов XX в., под руководством наиболее современной и внутренне организованной силы – пакистанской армии, разумеется с коррекцией на международный и внутренний контекст положения Пакистана в текущем столетии.

Если же не удастся обеспечить стабилизацию внутривнутриполитической жизни Пакистана в обозримом будущем, существенно ограничив при этом активность радикально-исламистских сил и положив конец деятельности различных групп террористического профиля, религиозных либо просто сектантских, то это не только отрицательно скажется на экономических интересах страны, включая ее привлекательность для иностранных инвесторов, но и может побудить некоторых членов мирового сообщества провести гуманитарную интервенцию под предлогом «защиты от террористов» ядерного арсенала Пакистана. В своих отношениях с Пакистаном Россия, исходя из вышеизложенного, должна, как представляется, руководствоваться несколькими стратегическими принципами, важнейшими из которых должны стать, во-первых, стимулирование экономического роста и развития Пакистана как непременное условие его предсказуемого и стабильного развития; во-вторых, содействие доступными средствами развитию гражданского общества в этой стране, всячески поддерживая при этом рост тех политических партий и гражданских ассоциаций, которые противостоят радикально-экстремистским движениям и террористическим группам. Целесообразно также усилить контакты с пакистанской армией как ведущей социально-политической силой общества, способной удерживать Пакистан в состоянии единства и территориальной целостности. В этом смысле контакты с военными

не будут противоречить связям с гражданской властью Пакистана, но дополнять их.

Индия также стремится к урегулированию конфликта в зоне АфПак, в особенности в связи с вероятностью сохранения радикальными религиозными и экстремистскими силами своих позиций как в Афганистане, так и в Пакистане. Устранение угрозы международного терроризма рассматривается поэтому в Индии в качестве одного из важнейших условий урегулирования конфликта. Наряду с этим Индия продолжает преследовать стратегические цели в регионе, а именно: общее усиление своих позиций, в том числе за счет Пакистана. Изначально, т.е. со времени раздела в 1947 г. Индостанского полуострова на Индию и Пакистан, отношения между этими двумя государствами отличались высокой степенью напряженности. Враждебность между Индией и Пакистаном сохранялась, несмотря на наличие географической, историко-культурной и демографической общности, характерной для их совместного южноазиатского цивилизационного пространства. Мощная инерция взаимного недоверия у элит обоих государств сохраняется до сих пор.

Впрочем, в своей политической стратегии в отношении Пакистана нынешнее правительство Индии исходит из того, что под воздействием действующего глубокого системно-структурного кризиса пакистанское общество меняется. Глубокие изъяны в экономике и политической системе, несмотря на массивную помощь извне (со стороны США, Китая, Саудовской Аравии), приближают Пакистан, как полагают в Дели, к своеобразному «моменту истины», когда придется подвергнуть ревизии и четко определить основы социально-экономической политики и приоритетные направления внешнеполитических и внешнеэкономических связей на историческую перспективу¹. Время от времени в индийской печати появляются сообщения о трениях в пакистанской армии, в частности между пенджабцами и пуштунами, что, по мнению индийцев, подрывает ее роль как главной политической силы

¹ Преследуя свои цели в регионе, правящие круги Индии рассчитывают на: 1) нежизнеспособность пакистанской «модели» развития; 2) неспособность сформировать в исторической перспективе систему «двухпартийной» демократии и / или на неработоспособность представительной демократии в Пакистане вообще; 3) определенную «усталость» армии от вмешательства в хаотические экономические и гражданские процессы в стране.

Пакистана¹. Всё это, в конце концов, потребует, считают в Дели, кардинальных перемен государственного курса Пакистана, в частности «стратегического сдвига» в отношениях с Индией.

Это, впрочем, не меняет фундаментальных основ триединого подхода Индии к двусторонним отношениям, а именно: а) сохранение высокой боеготовности национальных вооруженных сил и поддержания на высоком уровне их «потенциала сдерживания»; б) вовлечение Пакистана на всех уровнях внешнеэкономических связей в совместные бизнес-проекты; в) готовность Дели к адекватному реагированию на изменение Исламабадом позиции по ключевым аспектам двусторонних отношений, включая так называемую кашмирскую проблему². Следует, однако, учитывать, что «коридор возможностей» компромиссной линии в отношении Исламабада у официального Дели, с учетом жесткой критики со стороны собственной оппозиции, весьма ограничен.

К тому же роль Пакистана в весьма чувствительном для Индии вопросе об урегулировании конфликта в зоне АфПак может заметно измениться вследствие начавшегося американо-саудовско-пакистанского сближения. Его целью является ограничение влияния Ирана на Большом Ближнем Востоке, для чего саудовцы, похоже, окончательно избрали Афганистан центром своих действий в этом регионе. При этом фактически речь идет о восстановлении саудовско-пакистанского альянса 1990-х годов³. И, таким образом, Индия, не имея общей границы с Афганистаном, не сможет, даже будучи крупнейшим (исключая Китай) региональ-

¹ Режим доступа: www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=953. Видимо, имеется в виду растущее влияние пуштунов, как полагает Стивен Козн из Института Брукинга, на офицерский корпус армии (от 15 до 22%, что превосходит долю пуштунов в населении Пакистана), а также на рядовой состав (20–25%), что создает определенные психологические неудобства для крупнейшего этноса страны – пенджабцев.

² Понимая внутривосточную сложность «кашмирской проблемы» для Исламабада, официальный Дели готов ждать, очевидно сознавая, что ситуация в южной части Центральной Евразии постепенно динамизируется и что статус-кво не может продолжаться долго.

³ Саудовско-пакистанский альянс в 1990-е годы, в частности, способствовал созданию Исламабадом ядерного оружия (точнее, саудовцы финансировали этот проект). В настоящее время на территории Саудовской Аравии находятся несколько тысяч пакистанских военнослужащих, выполняющих «оборонительные» функции. Также Саудовская Аравия оказывала массированную помощь Пакистану во время сильного наводнения 2010 г.

ным донором, играть в этих условиях значительную самостоятельную роль в афганском урегулировании.

Занимаемая Индией позиция в отношениях с Пакистаном и по урегулированию афганского конфликта открывает перед Россией определенные возможности по расширению поля противодействия распространению радикально-экстремистского ислама из зоны АфПак в жизненно важную для России Центральную Азию. Индия и Россия демонстрируют практически идентичные подходы к урегулированию афганского конфликта. Эти подходы строятся вокруг принципа полицентричности мирового устройства и теоретически создают неограниченные возможности для взаимодействия двух стран в различных мировых и региональных форматах. Однако в позициях обоих государств существуют определенные нюансы, учет которых позволит сделать кооперационные связи наших стран на пространстве мировой и региональной политики более результативными.

В частности, смысл деятельности Индии в конфликтной зоне АфПак состоит в стремлении Дели качественно усилить свои экономические, политические и, возможно, военно-силовые позиции в регионе, прежде всего за счет Пакистана. Вряд ли в этой деятельности решающую помощь Индии, в силу объективных причин и ограничений, могут оказать США, тогда как взаимодействие с Россией – и в Афганистане, и в Центральной Азии (к положению в которой индийцы всегда чувствительны) – может дать искомый результат, в частности если Индия с помощью Москвы получит, в том числе через механизмы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), активный доступ к создаваемому при финансовом участии Китая международному транспортному коридору Север–Юг, т.е. к кратчайшему и наиболее экономичному пути в Европу, Россию и Центральную Азию.

Иран. Среди региональных стран, национальные интересы которых в той или иной степени затрагивают перспективы урегулирования конфликта в зоне АфПак, Иран занимает одно из первых мест. Иран (до 1935 г. Персия) и Афганистан географически, исторически, экономически, а также с религиозной, этнокультурной и национальной точек зрения были и остаются настолько близкими друг другу, что события, происходящие в одной из этих стран, самым непосредственным образом отражаются на ситуации в другой. После талибанизации Афганистана во второй половине 1990-х годов вовлеченность Ирана в афганские дела заметно возросла. Разразившаяся война между движением «Талибан» и Се-

верным альянсом в первый период конфликта четко разграничила иностранных союзников той и другой стороны. Как известно, движение «Талибан», возникшее и окрепшее благодаря США и Пакистану, поначалу активно поддерживалось своими покровителями, тогда как Северный альянс получал помощь и поддержку со стороны России и Ирана. Последний рассматривал и продолжает сегодня рассматривать талибов как своих политических противников. При этом США, с учетом возможностей и влияния Тегерана в Афганистане, особенно в его западных провинциях, делали попытки использовать иранцев, их влияние в Афганистане в антиталибской кампании. Такие попытки предпринимались по аналогии с тем диалогом, который велся в свое время за закрытыми дверями между дипломатами (точнее, спецслужбами) США и Ирана по иракской проблематике. Этому, однако, сильно мешает ситуация вокруг самого Ирана в связи с его ядерной программой, а также с антиизраильским курсом иранского руководства, помощью исламистским группировкам типа «Хезболлы» и ХАМАС, а в последнее время и поставками оружия сирийскому руководству в его противостоянии вооруженной оппозиции, поддерживаемой Западом и консервативными арабскими режимами.

В этой связи «иранская карта» разыгрывается США двояким образом.

С одной стороны, исходя из своих национальных интересов и геополитических задач, американская администрация планирует использовать полученный плацдарм в Афганистане для нанесения возможного военного удара по Ирану, если до этого дойдет дело. Военное присутствие американцев на афганской территории, которое планируется сохранить и после 2014 г. по так называемому соглашению о стратегическом партнерстве между Вашингтоном и Кабулом, свидетельствует в пользу такого варианта. Одновременно сохранение военной угрозы для иранского режима с афганской территории вкупе с такими же угрозами со стороны Турции (члена НАТО), а также из региона Персидского залива, где дислоцированы американские военные корабли, должно, по расчетам США, заставить Иран быть более гибким и уступчивым в переговорах по решению его ядерной программы.

С другой стороны, США хотели бы привлечь Иран и использовать его влияние в Афганистане для решения вопроса об афганском урегулировании на условиях компромисса между талибами и нынешней властью. При этом американцы исходят из того, что иранцы должны быть заинтересованы в таком урегулировании,

результатом которого будет прекращение иностранного, прежде всего американского, военного присутствия в стране. Нельзя исключить в этой связи, что заявление вице-президента США Дж. Байдена на конференции в Мюнхене в феврале 2013 г. о том, что США готовы возобновить диалог с Ираном, предусматривает обмен мнениями с иранцами по широкому кругу проблем, в том числе по Афганистану.

Однако не только США пытаются использовать иранский фактор в своих интересах. Другие региональные и мировые игроки (государства Центральной Азии, Китай, Индия, Россия) также стремятся приобщить Иран к процессам, связанным с урегулированием афганского конфликта, с недопущением распространения с территории Афганистана терроризма и религиозного экстремизма, а также с усилиями по борьбе с наркотиками в Афганистане.

В основном помимо контактов на двустороннем уровне такие усилия предпринимаются в рамках ШОС и «душанбинской четверки» (Россия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан). Не следует забывать, что важным фактором, побудившим нынешних членов ШОС к объединению, явилась именно ситуация в Афганистане, и уже в первые годы существования этой организации были заложены нормативные рамки ее деятельности на афганском направлении и созданы институты, позволяющие эту деятельность осуществлять. В итоговой Декларации саммита ШОС в 2002 г. впервые подчеркивалось, что безопасность Центральной Азии неразрывно связана с перспективами мирного процесса в Афганистане, и было высказано твердое намерение наращивать сотрудничество в области содействия послевоенному политическому и экономическому восстановлению этой страны. И в дальнейшем афганская тема неизменно находила отражение в итоговых документах ежегодных встреч лидеров входящих в ШОС государств. Работа ШОС на афганском направлении важна тем, что к ней привлекаются и другие игроки, особенно регионального уровня. В частности, в институт наблюдателей ШОС, которые довольно активно участвуют в работе этой организации, помимо Индии, Пакистана, Монголии и Афганистана, входит также Иран. Последний не может быть принят в полноправные члены ШОС по причине наложенных на него санкций со стороны ООН, однако это не мешает ему участвовать в обсуждении широкого круга вопросов, стоящих в повестке дня организации, включая афганский.

Для России иранский фактор в афганском урегулировании имеет особо важное значение. Россия, как и Иран, не заинтересо-

вана в возвращении талибов к активному участию в афганских государственных структурах. В свое время Россия и Иран вместе поддерживали Северный Альянс в борьбе с талибами, и сегодня их интересы в афганском вопросе вновь во многом совпадают. Речь идет в первую очередь о том, что и Россию, и Иран устраивал бы мирный, дружественный Афганистан, откуда не исходила бы угроза терроризма и экстремизма. При этом и Россия, и Иран хотели бы возрождения Афганистана как независимого, нейтрального государства, территория которого была бы свободна от присутствия иностранных войск.

Все это дает основание говорить о том, что по афганскому вопросу имеются возможности российско-иранского взаимодействия и их необходимо использовать. В частности, Россия и Иран, видимо, должны делать все от них зависящее, чтобы воспрепятствовать односторонней договоренности США с талибами, по которой американцы, получив согласие на сохранение своего военного присутствия в Афганистане, закрыли бы глаза на верховенство талибов в структурах государственной власти ИРА, что грозило бы возвращением во внешнюю и внутреннюю политику страны исламского экстремизма.

Такое развитие событий не устроило бы не только Россию и Иран, но и страны Центральной Азии и Китая. Предотвратить это можно было бы путем совместного выдвижения идеи созыва Всеафганской международной конференции под эгидой ООН и с активным привлечением к ее организации ведущих мировых и региональных игроков. Причем делать это необходимо уже сегодня, не дожидаясь, пока попытки договориться с талибами со стороны различных сил, преследующих свои интересы, не приведут к нежелательным последствиям. Речь идет, как отмечалось выше, о возможности достижения компромисса между США и талибами, а также о том, что Х. Карзай выдвинул совместно с пакистанцами свой план урегулирования конфликта. Этот план, в частности, предусматривает мир с талибами до 2015 г. и изъятие афганских боевиков из «черного списка», чтобы дать им возможность легально вступить в переговоры с нынешней властью в Афганистане.

Как представляется, все эти планы, носящие сепаратный характер, лишь разъединяют международное сообщество и усиливают талибов. В этой связи выдвижение со стороны ШОС при поддержке его наблюдателей, в том числе Ирана, идеи созыва Всеафганской мирной конференции под эгидой ООН могло бы стать продуктивным шагом на пути ликвидации афганского кризиса

и уравнивать шансы соперничающих в этом процессе сторон при выработке взаимоприемлемых решений.

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что, как бы ни складывалась сегодня ситуация в Афганистане, иранский фактор продолжает оставаться ее важной составляющей, с которой вынуждены считаться все вовлеченные в афганское урегулирование стороны. В любом случае для России, равно как и для других членов ШОС и организации в целом, Иран может стать неплохим союзником в решении афганской проблемы. США также не могут игнорировать иранский фактор и, несмотря на все свои противоречия с иранским режимом, вынуждены искать его поддержки в антиталибской кампании по аналогии с тем, как это было в Ираке. Возможность использовать иранский фактор в выгодном для себя направлении получает, наконец, и нынешний афганский режим, который может рассчитывать на поддержку Ирана в противостоянии с талибами и освобождении страны от иностранной зависимости в перспективе. Для самого Ирана афганское направление его внешней политики остается одним из приоритетных. Возвратится ли Афганистан снова под контроль талибов, или там сохранится американское военное присутствие при коалиционных структурах новой власти – для Ирана далеко не безразлично. В любом случае изменения в афганской обстановке потребуют от него адекватной реакции с акцентом на защиту собственных политических интересов.

Страны Центральной Азии

Несомненную заинтересованность в урегулировании конфликта проявляют центральноазиатские страны. 2014 год станет рубежом для Центральной Азии в отношении вызовов и угроз, идущих из зоны АфПак. Для центральноазиатских государств, являющихся стратегическими партнерами России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ШОС и формирующемуся Евразийскому союзу, небезразлично, превратится ли Центральная Азия после вывода из Афганистана сил международной коалиции в регион бурь и потрясений или же здесь удастся и дальше поддерживать приемлемый уровень стабильности; каковы будут параметры военно-политического присутствия США / НАТО в постсоветской Центральной Азии, будут ли они свернуты или же, напротив, расширены; будет ли налажено в этом регионе взаимодействие военно-политических организаций Запада со

структурами безопасности, издавна утвердившимися в Центральной Азии под эгидой России; какими могут стать формы и механизмы участия России, а также других региональных стран (Индия, Иран, Пакистан) в энергетических, транспортных, военно-политических проектах, которые, связав Центральную Азию с Афганистаном и Южной Азией, способны будут содействовать стабилизации во всем этом обширном регионе.

Государствам Центральной Азии и России важно в этой связи принять во внимание различные сценарии развития ситуации в Афганистане после вывода оттуда войск США и Международных сил содействия безопасности, учесть возможные варианты дестабилизации зоны АфПак с такими сопутствующими явлениями, как трансграничная преступность, международный терроризм, религиозный экстремизм и рост наркотрафика. Эти внешние угрозы региональной политической стабильности в значительной степени усугубляются также эндогенными факторами – быстро накапливающейся в Центральной Азии критической массой внутренних проблем. В их числе:

- внутривнутриполитическая и социально-экономическая нестабильность, имеющая такие составляющие, как межэтническая и межклановая напряженность, противостояние внутри государств региональных элит и кланов, обнищание населения, углубляющийся разрыв в доходах населения, растущие социальные диспропорции, высокий уровень безработицы, коррупция, низкая эффективность государственных структур;

- радикальный исламизм, готовый поднять голову в случае любой политической дестабилизации и активно использующий социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов;

- рост влияния наркомафии и частично питающегося из этого источника религиозного экстремизма;

- проблема устойчивости легитимной власти и возможные последствия и процессы, которые могут быть спровоцированы слабостью этой власти.

Сохраняются и межгосударственные противоречия, усиливающие в Центральной Азии конфликтный потенциал.

Это, во-первых, «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов.

Во-вторых, неурегулированные пограничные споры, которые становятся в Центральной Азии серьезным вызовом безопасности. Споры эти затрагивают большинство республик региона, но осо-

бенно Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и, что еще более важно в условиях засушливого климата, водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску.

В-третьих, не завершенные в центральноазиатских государствах сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям или же притязания того или иного государства (что больше всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Иными словами, основные вызовы безопасности в Центральной Азии исходят от внутренних социально-экономических и политических проблем. В целом на ближайшую перспективу прямая и непосредственная связь безопасности центральноазиатских государств (за вычетом Таджикистана) с происходящими в Афганистане внутренними процессами – борьбой за власть, межэтническими, межрелигиозными конфликтами – не прослеживается. Трудно предположить также, что талибы, которые в массе своей являются пуштунскими националистами, станут распространять зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики, население которых этнически им чуждо и где они не могут рассчитывать на понимание и поддержку. И даже если талибы снова возвратятся в Афганистане к власти – что вполне вероятно, – то в их ближайшие планы вряд ли входит осуществление прорыва в Центральную Азию с целью захвата ее территорий или установления в этом регионе халифата.

Другое дело, что реальную угрозу безопасности стран Центральной Азии могут создать базирующиеся в Афганистане и Пакистане ячейки «Аль-Каиды» и других террористических организаций, включая скрывающееся под разными наименованиями Исламское движение Узбекистана. После ухода из Афганистана основных контингентов США и Международных сил содействия безопасности (МССБ) они вполне способны активизироваться и оказать на Центральную Азию деструктивное влияние.

Именно поэтому центральноазиатским государствам важно обезопасить себя от угроз с афганского направления, которые включают в себя и распространение радикальных религиозных течений, и террористическую активность, и рост наркотрафика.

Так, в Казахстане, долгое время считавшемся самой спокойной страной Центральной Азии, в последние годы произошло несколько инцидентов, связанных с активностью исламистских радикалов. В Киргизии, на традиционно исламизированном Юге страны, также оживили свою деятельность радикальные религиозные движения, в частности «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги джамаат», которые признаны экстремистскими и запрещены во многих странах, включая Россию. Есть признаки осложнения религиозно-политической ситуации и в Туркменистане, о внутренних проблемах которого вследствие закрытости информации известно очень мало. Тем не менее, по некоторым данным, в прикаспийских областях страны имеются поселения, где приобретают влияние исламистские группы, доходы которых формируются за счет наркотрафика¹. В Таджикистане не только возрос поток наркотиков, что повышает уровень преступности в республике, но и замечено активное проникновение исламистских групп из Афганистана на фоне усиления общих процессов исламизации местного общества.

Особенно опасными видятся в Центральной Азии сочетание потенциальных внешних вызовов (из зоны АфПак) с реально нарастающими внутривнутриполитическими рисками и возможное соединение социального и религиозного факторов, притом что «исламская революция» (по аналогии с событиями на Ближнем Востоке) вряд ли реально угрожает какой-либо республике региона, несмотря даже на то, что в Узбекистане и Таджикистане, например, роль политического ислама традиционно высока. Более вероятен вариант «афганизации» или же «киргизации», когда в рамках долгосрочной нестабильности и войны кланов исламисты, питающиеся от наркотрафика и внешней помощи своих «братьев по вере», становятся элементом всеобщего беспорядка.

Для противодействия такому варианту развития государствам региона нужны, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, стратегии ответа на внутренние и внешние вызовы и риски – как выработанные на коллективной основе, так и национальные. Следует обратить при этом внимание на то, что не до конца еще сформировавшаяся в Центральной Азии архитектура обеспечения безопасности отличается сложный многоуровневый характер.

¹ Шустов А. «Арабская весна» в Центральной Азии? 26.11.2011 (www.stoletie.ru/geopolitika/arabskaja_vesna_v_centralnoj_azii_2011-10-26.htm).

Региональный срез безопасности обеспечивается такими организациями, как ОДКБ, куда из числа центральноазиатских государств входят Казахстан, Киргизия и Таджикистан, и ШОС, членом которой помимо вышеперечисленных центральноазиатских стран является также Узбекистан. ОДКБ в ряду проблем, связанных с коллективным реагированием на чрезвычайные ситуации в зоне своей ответственности, особо выделяет обстановку в Афганистане, которая характеризуется как «нестабильная и слабо прогнозируемая» на среднесрочную перспективу. Учитывая, что в Афганистане «террористическая деятельность со стороны непримиримой вооруженной оппозиции не ослабевает, а в некоторых районах страны даже активизируется», что «практически нет результатов борьбы с наркопроизводством, очень высок уровень коррупции, национальные вооруженные силы и правоохранительные органы пока полностью не готовы обеспечивать безопасность страны», Совет коллективной безопасности ОДКБ на своей сессии 19 декабря 2012 г. в Москве утвердил ряд решений по противодействию возрастающим угрозам из Афганистана. Предусмотрены, в частности, меры, направленные «на снижение негативного влияния на ситуацию в государствах – членах ОДКБ со стороны Исламской Республики Афганистан после вывода в 2014 г. основной части контингента Международных сил содействия безопасности»¹.

В ОДКБ намерены также более активно привлекать к выполнению поставленных задач свои специализированные структуры. Таковыми являются Коллективные силы быстрого развертывания, созданные в мае 2001 г. по решению четырех государств – участников ОДКБ – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана². Будучи важным элементом деятельности ОДКБ, они предназначаются для выполнения боевых задач исключительно в Центральной Азии.

На образованные в феврале 2009 г. Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) в составе Армении, Белоруссии, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана возложены более

¹ См.: Об итогах сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 19 декабря 2012 года (odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=1536).

² Они включают в свой состав российскую военную базу в Таджикистане (бывшая 201-я мотострелковая дивизия), российскую авиационную группировку в городе Кант (Киргизия), а также два батальона от Казахстана и по одному от Таджикистана и Киргизии.

сложные задачи: КСОР предполагается использовать для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. При этом военная компонента КСОР формируется из соединений и частей постоянной боевой готовности, которые будут способны к мобильной переброске в любую точку зоны ответственности ОДКБ. В то же время войска КСОР, выступающие под флагами СНГ и ОДКБ, подчиняются национальным командованиям своих стран.

ШОС, хотя и не является военной организацией или площадкой, на которой регулярно обсуждаются проблемы безопасности, включает в число своих приоритетов борьбу с терроризмом, сепаратизмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком. Вместе с Россией и КНР в ШОС представлены все центральноазиатские государства (за вычетом Туркменистана), страны-наблюдатели (Афганистан, Индия, Иран, Монголия и Пакистан) и партнеры по диалогу (Белоруссия, Турция, Шри-Ланка). Такой потенциал ШОС позволяет ей стать мощным механизмом решения сложных вопросов региональной безопасности, включая и те, что относятся к ситуации в зоне АфПак.

Элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств Центральной Азии в ООН и ОБСЕ, со взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации. Таким образом, в рамках своей многовекторной внешней политики центральноазиатские государства принимают военные гарантии безопасности, предоставляемые им не только Россией и ОДКБ, но и НАТО, притом что последняя часто конкурирует и соперничает в Центральной Азии с ОДКБ и ШОС. В связи с близящимся завершением афганской кампании для США и НАТО открылись новые возможности для расширения военного сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Оно включает в себя предоставление права пролета авиации воюющих в Афганистане коалиционных сил над территорией центральноазиатских государств и передачу некоторыми из них в аренду своих военных объектов странам МССБ. В их числе функционирующая с 2001 г. в киргизском аэропорту Манас американская военная авиабаза, переименованная в 2009 г. в Центр транзитных перевозок; развернутые в Душанбе (Таджикистан) подразделения французских войск; военный аэродром в городе Термез (Узбекистан), используемый Германией; аэропорт в городе Чимкент, предостав-

ленный Казахстаном в январе 2013 г. в аренду Франции для вывода войск и имущества из Афганистана. Национальные стратегии безопасности центральноазиатских государств и, соответственно, их подходы к решению афганской проблемы заметно различаются.

Таджикистан, Киргизия и Казахстан, наряду с элементами военно-политического сотрудничества с США / НАТО, в основном связывают свою политику в сфере безопасности в целом и по афганскому вопросу в частности с участием в ОДКБ и укреплением союзнических связей с Россией.

Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности остается **Таджикистан**, имеющий с Афганистаном самую протяженную и во многом незащищенную границу, частично проходящую по сложному горному рельефу, что и является причиной трудностей в ее охране. В эту республику после 2014 г. станет возможным приток беженцев из числа живущих в Афганистане этнических узбеков и таджиков, которых может погнать за пределы страны гражданская война. Таджикистан, кроме того, более других рискует подвергнуться нападению радикальных религиозных организаций типа Исламского движения Узбекистана и «Аль-Каиды». Дабы предотвратить негативный ход событий, обусловленных таким беспокойным соседством, власти Таджикистана попытались в последние годы укрепить свои военно-политические позиции с помощью внерегиональных сил. В частности, помощи в защите своей внешней границы с Афганистаном они искали у Евросоюза в рамках его «Программы содействия управлению границами в Центральной Азии». Однако в силу того, что основное внимание европейских стран сосредоточено с 2011 г. на борьбе с собственным экономическим и финансовым кризисом, исход которого далеко не ясен для самого ЕС и будущего еврозоны, широкомасштабной поддержки со стороны ЕС Таджикистан так и не получил.

Определенную помощь в укреплении обороноспособности Таджикистану оказали США и НАТО. Ими был создан Национальный центр боевой подготовки, проложены новые системы связи, построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе. Такое внимание американо-натовских политиков и военных к Таджикистану было обусловлено, впрочем, не только задачей защитить Таджикистан от проникновения боевиков со стороны Афганистана, но главным образом открывающейся, как виделось в США, возможностью для создания в Таджикистане своей разветвленной военной инфра-

структуры. Одновременно на руководство Таджикистана оказывался массированный нажим с целью побудить его отказаться от военного сотрудничества с Россией и от предлагаемой ею модели обеспечения национальной безопасности. В ответ Душанбе, не отказываясь от материальной помощи Запада, заключил новые военные соглашения с Москвой во время официального визита Президента РФ В. Путина в Таджикистан (5–6 октября 2012 г.). Согласно подписанным документам, расположенная в республике 201-я российская военная база сохранится до 2042 г. с возможностью продления дальнейшего ее пребывания в стране. Кроме того, военнослужащие базы и члены их семей были приравнены по своему статусу к административному персоналу посольства – подобным статусом пользуется персонал натовского Центра транзитных перевозок (ЦТП) «Манас» в Киргизстане.

Немаловажную роль в избранном Таджикистаном в качестве приоритета российском направлении своей стратегии сыграли два обстоятельства.

Во-первых, высокая заинтересованность республики в сохранении денежных поступлений от своих трудовых мигрантов, большая часть которых (1,3 млн человек) работают в России. В 2011 г. их денежные переводы составили, по данным Всемирного банка, 47% ВВП Таджикистана¹.

Во-вторых, Таджикистан надеется пополнить собственную, весьма ограниченную ресурсную базу: военную, экономическую, финансовую – именно с помощью России. Идя навстречу этим пожеланиям, последняя в 2012 г. взяла на себя обязательство перевооружить вооруженные силы республики, обеспечить подготовку кадров для таджикской армии, выделить средства для борьбы с наркотрафиком, беспопынно снабжать внутренний таджикский рынок российским газом.

Для **Киргизии** с ее перманентной внутривнутриполитической нестабильностью и нерешенными проблемами на Юге страны любые потрясения извне, откуда бы они ни исходили, способны стать детонатором нового политического или межэтнического конфликта. Возможная активизация в регионе экстремистских и террористических движений также рассматривается в Киргизии как серьезный вызов безопасности. Отсюда – заинтересованность республики в помощи извне для отражения таких угроз и вызовов. Соответственно в рамках присущей всем центральноазиатским

¹ Режим доступа: www.ca-news.org/news:1052206

государствам многовекторной политики Киргизия стремится поддерживать высокий уровень сотрудничества как с США / НАТО, так и с Россией / ОДКБ. Хотя США и намереваются свернуть уже в 2013 г. бóльшую часть военных операций в Афганистане, они не отказываются от идеи сохранить за собой ЦТП «Манас» и после 2014 г. О продлении истекающего срока его аренды, в частности, шла речь на переговорах, которые провел в Бишкеке в январе 2013 г. в ходе своего центральноазиатского турне помощник госсекретаря США по странам Южной и Центральной Азии Р. Блейк. Впрочем, в планах киргизского правительства – превращение этого военного объекта в гражданский аэропорт, а не в военно-воздушную базу какой-либо страны. Наметившийся у руководства Киргизии с осени 2012 г. сдвиг в сторону углубленного сотрудничества с Россией позволяет предположить и возможность создания на базе «Манас» совместного российско-киргизского логистического центра. Как надеется официальный Бишкек, столичный аэропорт сможет стать крупным транспортным узлом, который позволит значительно сократить время перелета между странами Западной Европы и Юго-Восточной Азии.

Планы Киргизии по преобразованию американского ЦТП могут свидетельствовать также и о переориентации республики на российские проекты в сфере безопасности. Подтверждение тому – итоги прошедших в Бишкеке в сентябре 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне, когда были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь, в частности, идет о «Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики», которое начнет действовать с 2017 г. Объединенная российская военная база включит в себя четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте. Списание многомиллионного долга, выделение не менее крупной суммы денег на поддержание киргизского бюджета, приход российских компаний в энергетическую отрасль республики в качестве крупнейшего инвестора также являются свидетельством того, что Россия активизировала свою внешнеполитическую работу в Киргизии.

Для **Казахстана** в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков, проистекающих из возможного возникновения в Афганистане гражданской войны, заметно

ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и Международных сил содействия безопасности могут негативным образом сказаться и на Казахстане, Юг которого тесно связан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном центральноазиатских государствах может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны Афганистана, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму российского участия по защите Казахстана для отражения этой угрозы.

Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытывает в последнее время проблемы в сфере безопасности. В мае 2011 г. впервые за новейшую историю республики произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты были зафиксированы в таких крупных городах, как Астана, Атырау, Алматы, Тараз. Ответственность за террористические акты взяла на себя неизвестная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата», имевшая связи с «Аль-Каидой» и занимавшаяся подготовкой боевиков для этой международной террористической организации. Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы оттуда активно направляют боевиков – как правило, этнических казахов – в Казахстан с целью вербовки новых членов и давления на власти. Обращает на себя внимание, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Казахстана. Участились и ужесточились нападения с участием исламистов также после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз, стал строить с Москвой единое евразийское пространство.

Власти Казахстана не исключают возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе и с помощью организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах Казахстана, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена здесь спецслужбами и деятельность «Хизб ут-Тахрир». Так что многое, включая появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием, говорит о том, что Казахстану не удастся

остаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе в росте религиозного экстремизма, причем опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства населения страны.

Казахстан до недавних пор занимал приоритетное место в центральноазиатской стратегии США. Однако с началом функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, участниками которых вместе с Казахстаном являются Россия и Белоруссия, это центральноазиатское государство стало интересовать США / НАТО в основном как экспортер энерго-сырья. Такая ситуация может сохраниться на переходный период (до 2014 г.), что не исключает в дальнейшем попыток оказать давление на руководство Казахстана, в том числе через местную прозападно настроенную элиту, с целью переориентации республики с евразийских интеграционных проектов в направлении программ, финансируемых и лоббируемых Западом.

В отличие от Казахстана, Киргизии и Таджикистана во внешней политике крупного центральноазиатского государства – **Узбекистана** просматривается тенденция к изоляционизму и опоре в основном на собственные ресурсы в сфере обеспечения безопасности. В последние годы, однако, этот курс сочетается с некоторым расширением военного сотрудничества с США и рядом стран НАТО. Немаловажное значение здесь сыграл тот факт, что Узбекистану была отведена главная роль в «Северной распределительной сети», задействованной для транзита американонатовских грузов из Афганистана. Предваряя это решение, Конгресс США снял в сентябре 2011 г. введенные в 2004 г. против Узбекистана ограничения на предоставление ему военной помощи. Территория республики рассматривается в Соединенных Штатах и как наиболее привлекательная для создания крупных транспортных центров, имеющих региональное значение, а также военных объектов, которые могут функционировать на постоянной либо временной основе.

Неслучайным видится решение Узбекистана в июне 2012 г. приостановить свое членство в ОДКБ, которое было обусловлено надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также тем, что именно Узбекистану была обещана большая часть техники и вооружений, вывозимых войсками коалиции из Афганистана. Военную составляющую ОДКБ этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит, поскольку тот практически не участвовал

в военном сотрудничестве в формате Организации, а в 2009 г. президент И. Каримов отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Но вот борьбу с наркотрафиком данное решение Узбекистана, который граничит не только с Афганистаном, но и с четырьмя другими центральноазиатскими республиками, может осложнить.

Принятием в августе 2012 г. парламентом Узбекистана закона, запрещающего размещение на территории республики иностранных военных баз и объектов, вопрос об иностранном военном присутствии в стране был снят с повестки дня, что говорит о попытках Ташкента проводить сбалансированную политику, заключающуюся в максимальном отдалении от конкурирующих в Центральной Азии глобальных и региональных игроков. Можно предположить также, что сокращение масштабов и изменение формата присутствия американо-натовских войск в Афганистане после 2014 г. скорее всего не скажутся на внутривнутриполитической обстановке в Узбекистане, а элиты республики достигнут консенсуса в вопросе преемственности власти. Тем самым Узбекистану удастся избежать в будущем серьезных политических потрясений. Но до 2014 г. руководство республики намерено активно развивать военно-политическое сотрудничество с США, хотя бы для того, чтобы купировать силовым путем внутренние угрозы и блокировать возможные усилия по дестабилизации извне внутривнутриполитической ситуации.

Наконец, еще одна центральноазиатская страна, **Туркменистан**, рассчитывает избежать негативного влияния ситуации в Афганистане на свое внутривнутриполитическое положение, сохранив нейтралитет в региональных отношениях. Эта республика, закрытая в информационном отношении от внешнего мира, как и в течение двух последних десятилетий, когда она дистанцировалась по сравнению со своими соседями от внутриафганских распри, вполне вероятно, сумеет сохранить стабильный уровень отношений с Афганистаном вне зависимости от того, кто будет там у власти. Таким отношениям Туркменистана с Афганистаном будут способствовать усилия по строительству газопровода для транспортировки туркменского газа и среднеазиатских энергетических ресурсов в Пакистан через территорию Афганистана. Туркменистан останется, видимо, одним из важнейших маршрутов транзита афганских торговых грузов на внешние рынки. Афганистан же будет еще долго зависеть от туркменского бензина, сжиженного газа и электричества, которыми в настоящее время снаб-

жаются несколько провинций страны. Сам Туркменистан интересуется ведущих глобальных игроков в основном своим богатейшим газовым потенциалом, а также в связи с инициированными туркменской стороной важными проектами в энергетической и транспортной сферах. В их числе – проект ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), который в случае его реализации приведет к крупным геополитическим сдвигам в Центральной и Южной Азии. Очевидно также, что вопросы демократии и ситуация с правами человека в Туркменистане не станут на ближайшую перспективу предметом особой озабоченности западных стран.

В целом приходится признать, что «раздвоение» сферы безопасности в Центральной Азии из-за присутствия здесь вне-региональных сил и структур препятствует согласованности действий центральноазиатских государств по противостоянию внешним вызовам и угрозам, плохо помогает им в решении проблем, порождаемых усложненными геополитическими условиями. Страны Центральной Азии, судя по всему, не спешат окончательно и бесповоротно связывать проблему обеспечения региональной безопасности с ОДКБ и ее структурами, а также с ШОС. Это обусловлено, во-первых, принятием на вооружение центральноазиатскими участниками этих организаций концепции «многовекторности», которая на практике во многих случаях сводится к откровенному внешнеполитическому лавированию между различными мировыми и региональными центрами. Во-вторых, это может быть объяснено неизжитыми фобиями части политических элит региона, муссирующих – осознанно либо под воздействием западной пропаганды – тезис о якобы существующих имперских устремлениях России. В-третьих, достаточно пассивным отношением Китая (в рамках ШОС) к потенциальным военным угрозам региону, стремлением официального Пекина ограничивать свою деятельность в Центральной Азии преимущественно сферами экономики и торговли.

Однако центральноазиатские государства, втягивающиеся в новый раунд геополитической игры, движимы желанием уравновесить присутствие США влиянием Китая, а некоторые из них – возможно, и России. Но при этом, похоже, не просчитываются все последствия подобного балансирования. Серьезное ограничение суверенитета, а то и фактическая утрата его лишь одни из таких возможных последствий.

Процессы, разворачивающиеся в Центральной Азии на заключительном этапе «афганской игры», значительно усложняют

задачи России, официально обозначившей пространство Содружества Независимых Государств, а значит, и его центральноазиатский сегмент как «ключевое направление» своей внешней политики¹.

Предстоящий вывод боевых частей Международных сил содействия безопасности из Афганистана и передача ответственности за обеспечение безопасности в стране правительству в Кабуле ставят перед серьезными вызовами как саму Россию, так и патронируемые ею структуры безопасности – ОДКБ и ШОС. Им в будущем предстоит играть более значимую роль в деле афганской стабилизации, которая станет предметом не только обсуждения, но и практической деятельности их специализированных структур. Важным фактором, который позволит снизить напряженность в Афганистане и предотвратить возможность расползания отсюда нестабильности на соседние страны и регионы, может стать передача больших полномочий (равно как и иностранной помощи) местным властям. Поможет поддержанию региональной безопасности вовлечение во внутриафганское урегулирование, наряду со структурами ООН, стран Южной и Центральной Азии, их региональных организаций, нацеленных на политико-экономическое, а не военное взаимодействие с Афганистаном. В этой связи большие возможности открываются перед теми экономическими, энергетическими, дорожно-транспортными проектами, в которых могут принять участие вместе с Афганистаном центральноазиатские государства, Россия, Китай, Пакистан, Индия, Иран – т.е. страны, так или иначе участвующие в ШОС, БРИКС, «большой двадцатке». Искусственное выведение США / Западом по идеологическим и геополитическим соображениям некоторых из них (России, Ирана либо Китая) за пределы таких проектов (ТАПИ, например) не позволит им заработать в полную силу и не будет способствовать нормализации обстановки в регионе.

Центральноазиатские государства вместе с Россией, Индией и Ираном могли бы стать союзниками непугнутских групп Афганистана, помогая им добиваться своего представительства во властных структурах республики и сдерживая возможную экспансию талибов в регион Центральной Азии. Свое участие в решении афганской проблемы центральноазиатские государства могут усилить, активизировав региональное сотрудничество в борьбе

¹ О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. 07.05.2012 (news.kremlin.ru/acts/15256).

с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков.

Если в Центральной Азии произойдет расширение американского присутствия, как военного (базы), так и экономического, на основе преобразования ныне функционирующей «Северной сети» в трансконтинентальную сеть, которая полностью покроет территорию бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целями подобного военно-стратегического контроля станут сдерживание Китая, контролирование Афганистана, подрыв экономических позиций России в регионе и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские. Но, как показывает опыт других стран и регионов, натовские структуры заинтересованы не столько в поддержании стабильности – внутригосударственной или межгосударственной, сколько (пользуясь термином А. Богатурова) в «принуждении к партнерству» стран пребывания, во включении их в качестве сателлитов в орбиту западного влияния. Американские военные объекты там, где они уже имеются (Киргизия), и там, где они могут появиться (Таджикистан), возможно, придадут некоторую уверенность правительствам этих стран. Но американцы едва ли будут готовы принять на себя риски в случае обострения внутривосточной ситуации в этих странах или же возьмут на себя обязательства предоставить длительные гарантии безопасности своим старым-новым стратегическим партнерам. Иллюзией может оказаться и бытующее ныне в Центральной Азии представление о том, что западные военные структуры окажутся эффективнее в плане защиты от внешних и внутренних угроз, нежели ОДКБ. Есть также и пределы использования России как фактора, позволяющего оказывать давление на американских партнеров: такая «многовекторная» политика грозит со временем обернуться против тех, кто взял ее на вооружение.

Очевидно, что стратегию ответа на внешние вызовы и риски центральноазиатским государствам трудно будет выработать без внешней помощи. Таковую помощь реально может предоставить Россия, которая осознает степень своей ответственности и пытается действовать в Центральной Азии на опережение, используя различные инструменты – структуры ОДКБ либо экономические интеграционные проекты (Таможенный союз, Единое экономическое пространство).

Перспективы урегулирования конфликта в зоне АфПак и позиции глобальных игроков

Китай. Игроком глобального уровня в ситуации, складывающейся в зоне АфПак, выступает Китай, роль которого явно усиливается в последнее время. Анализ дальнейших намерений Китая свидетельствует о том, что он стремится обеспечить свою ведущую роль в развитии политических, экономических и культурных процессов в этом регионе в связи с предстоящим в 2014 г. выводом войск МССБ из Афганистана и действует в этом направлении в соответствии с долгосрочными планами, которые включают установление «отношений стратегического взаимодействия и партнерства» с региональными странами, включая Афганистан и Пакистан, расширение сотрудничества с ними в освоении природных ресурсов, инфраструктурном строительстве, энергетике, подготовке кадров, участие в восстановлении разрушенной войной экономики Афганистана.

Одним из важнейших пунктов плана действий Китая является формирование Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в качестве экономического бастиона и центральной политической площадки, ориентированной на сопредельные страны. Об этом заявил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступив с докладом «Восстановление величия Великого шёлкового пути» в сентябре 2012 г. на открытии ярмарки ЭКСПО «Китай – Евразия» в городе Урумчи (административный центр СУАР) и подчеркнув, что «Синьцзян станет *форпостом* (выделено мной. – *Ред.*) развития взаимовыгодного сотрудничества Китая со всеми странами Азии и Европы, особенно с соседними странами». СУАР уже в течение длительного времени последовательно превращается в крупный промышленный и сельскохозяйственный центр региона. Благодаря богатым полезным ископаемым и природным ресурсам район имеет надежную базу для экономического развития. Здесь развернуто экономическое строительство солидных масштабов, ориентированное на значительное расширение хозяйственных связей с соседними странами.

В соответствии со специальным решением ЦК КПК к развитию СУАР подключены центральные ведомства и другие провинции страны. Как следствие, ежегодно заметно возрастают размеры инвестиций в данный район, причем в 2011 и 2012 гг. масштабы их

прироста превзошли аналогичные показатели по стране в целом¹. В результате валовой региональный продукт СУАР на протяжении 2008–2011 гг. увеличивался более высокими темпами, нежели ВВП страны. Рост ВВП в 2010 г. составил 10,4%, а в 2011 г. – 9,3%, тогда как ВРП СУАР – соответственно 10,6 и 12%².

Строительство транспортной инфраструктуры. Формирование современного «шёлкового пути» является важной составной частью плана действий Китая, связанных с расширением торгово-экономических связей в Евразии и подготовкой к изменению ситуации в Афганистане и вокруг него после 2014 г. Серьезным вкладом в реализацию китайского плана стало строительство в СУАР новых железных дорог и более 2500 км скоростных шоссейных трасс³. Правительство Китая активно поддерживает также деятельность программы Регионального экономического сотрудничества Центральной Азии (РЭСЦА), участниками которой являются десять стран (Китай, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Афганистан, Монголия, Туркменистан и Пакистан), и намерено начать практическую реализацию проекта строительства железной дороги Китай–Киргизия–Узбекистан. Эта магистраль призвана соединить китайские железные дороги через Киргизию с Узбекистаном и далее через Афганистан, Иран и Турцию с европейской сетью железных дорог. Планируемая протяженность китайского участка составляет 165 км, киргизского – 268,4 км.

Вопрос о создании этой транспортной артерии обсуждается уже 15 лет и постепенно подходит к своему логическому завершению. В конце октября 2012 г. в городе Ухань (провинция Хубэй, Китай) состоялась 11-я министерская конференция в рамках программы РЭСЦА⁴, на которой был принят так называемый Уханьский план действий. В нем была поставлена задача ускорения реализации стратегии РЭСЦА-2020, основу которой составляет

¹ См.: Zhongguo tongji nianjian, 2012 (Статистический ежегодник Китая, 2012). Tab. 5–3 (электронный вариант).

² См.: Zhongguo tongji nianjian, 2012 (Статистический ежегодник Китая, 2012). Tab. 2–1,2–14 (электронный вариант).

³ Режим доступа: russian.news.cn/economic/2012-12/28/c_132069347.htm

⁴ Создание механизма РЭСЦА было инициировано в 1997 г. Азиатским банком развития (АБР). В 2002 г. РЭСЦА повысил свой статус до министерского уровня. В качестве партнеров в сотрудничестве с РЭСЦА участвуют АБР, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Программа развития ООН, Европейский банк реконструкции и развития и Исламский банк развития.

сотрудничество стран в таких областях, как транспорт, торговля и энергетика.

Согласно этой стратегии, планируется проложить в Центральной Азии до 2020 г. транспортный экономический коридор и осуществить такие стратегические цели, как «торговая экспансия и повышение конкурентоспособности». Министр финансов КНР Се Сяньчэн заявил на конференции РЭСЦА в связи с принятием Уханьского плана действий, что китайская сторона готова в полной мере использовать свои ресурсы для активизации сотрудничества с другими странами-участницами в целях интенсивного претворения в жизнь этого плана¹.

Территория Киргизии представляет узловой участок будущей трансасиатской железнодорожной трассы. В то же время ее участие в строительстве тормозится размерами государственного долга, который столь велик, что Киргизия не может рассчитывать на получение международных кредитов. Вэн Цзябао специально приезжал в Киргизию, чтобы одновременно с решением ряда других экономических вопросов «продвинуть строительство» этой трассы. В настоящее время обсуждается вопрос о создании совместного предприятия или концессии с участием китайских инвесторов либо международных финансовых организаций.

Президент Киргизии А. Атамбаев решительно поддержал строительство этой железной дороги. Он убежден, что она будет играть важную роль в развитии республики, в национальном и экономическом объединении всех ее районов. В отличие от сложной ситуации в Киргизии, в Узбекистане вопрос о строительстве трассы на политическом уровне решен, и правительство республики поддерживает проект строительства железной дороги Китай–Киргизия–Узбекистан². Строительство магистрали поддержали и правительства Таджикистана и Ирана.

Вместе с тем неясно, позволят ли после 2014 г. строить эту дорогу силы, оппозиционные правительству Афганистана. В этой связи будет важна позиция США в отношении этой трансасиатской железной дороги. В случае положительного отношения к ее строительству Соединенные Штаты, пользуясь договором с прави-

¹ Экономическое обозрение: Китай и соседние страны Центральной Азии собираются проложить «экономический коридор» (russian.china.org.cn/china/txt/2012-10/31/content_26959442.htm).

² «Узбекистан поддерживает строительство железной дороги Китай–Киргизия–Узбекистан» (uzdaaily.uz/articls-id-13383.htm).

тельством Афганистана, смогут предпринять соответствующие меры поддержки. Однако в США не могут не понимать, что эта магистраль будет материальной базой для резкого увеличения престижа и экономических позиций Китая на огромной территории Азии. То есть произойдет процесс, который в США длительное время считали совершенно нежелательным.

Экономическая политика Китая в Афганистане и Пакистане. Одним из важнейших пунктов китайского плана действий, ориентированных на перспективу, является заблаговременное укрепление своих экономических позиций в Афганистане и Пакистане. В Пекине учитывают, что строительство и функционирование железнодорожной магистрали, а также промышленные и другие объекты, которые Китай строит в Афганистане, принесут последнему немалые доходы, создадут рабочие места и вызовут повышение благосостояния населения. По прогнозам, значительную часть бюджета Афганистана могут формировать средства, поступающие от проектов с китайским капиталом. Тем самым делается расчет на создание прочного фундамента для китайско-афганского сотрудничества и ослабления сил экстремизма, терроризма и сепаратизма и в Афганистане, и в Китае. Кроме того, Китаю требуются значительные природные ресурсы, необходимые для собственной растущей экономики, которыми обладает Афганистан, в частности месторождения хрома, железной руды, тантала, ниобия, бериллия, угля, драгоценных и полудрагоценных камней.

В 2008 г. китайская корпорация Jiangxi Copper Co. совместно с металлургической корпорацией Metallurgical Group Corp. выиграли торги на приобретение 100% прав на крупнейшее в мире меднорудное месторождение «Айнак» в афганской провинции Логар. Было объявлено об инвестировании в разработку этого месторождения до 3,5 млрд долл. США. Кроме того, 500 млн долл. китайцы решили направить на строительство электростанции. Половина вырабатываемой электроэнергии должна пойти на снабжение местного населения. Предусмотрено также строительство железной дороги и комбината по переработке руды производственной мощностью до 220 тыс. т меди в год¹. Планируется, что с 2014 г. месторождение начнет работать на полную мощность, обеспечивая работой 10 тыс. афганцев.

¹ Китай в Афганистане (aftershoksu/?q=node/18797).

Обладание этим месторождением целесообразно рассматривать одновременно с вложением Китаем значительных средств в стратегически важный порт Гвадар в провинции Белуджистан в Пакистане. В связи с этим возникли планы постройки железной дороги, соединяющей «Айнак» с портом, и строительства еще одной железной дороги для соединения Гвадара с китайской железной дорогой в Синьцзяне. Этот порт расположен в 400 км к востоку от Ормузского пролива, через который проходит 60% импортируемой Китаем нефти¹.

Китайская нефтегазовая национальная корпорация (CNPC) стала в декабре 2011 г. победителем торгов, получив право на разработку трех нефтеносных участков (Замарудсай, Базархами и Кашкари), находящихся в бассейне реки Амударья. По подсчетам Министерства экономики Афганистана, доходы от добычи нефти составят до 9,75 млрд евро в год. Для бюджета Афганистана это огромная сумма. Ее достаточно для создания высокого уровня самообеспечения и сокращения зависимости от иностранной помощи.

В конце декабря 2011 г. в Кабуле было подписано афганокитайское соглашение о двухстороннем технико-экономическом сотрудничестве. По сообщению китайских информационных агентств, соглашение является частью помощи китайского правительства Афганистану и предусматривает восстановление кабульской больницы Джамхуриат, Парванского оросительно-обводнительного канала, научно-технического центра при Министерстве образования и др., а также открытие факультета китайского языка в Кабульском университете. Предусмотрено также представление афганскому Министерству здравоохранения 100 машин «скорой помощи».

В 2012 г. в Афганистане насчитывалось также 30 предприятий КНР, работающих в области сельского хозяйства, добычи и переработки полезных ископаемых. Хотя Китай подчеркнуто демонстрирует намерение использовать преимущественно экономические средства для обеспечения своих интересов в зоне АфПак, он отнюдь не намерен отказываться и от сугубо силовых методов в целях поддержания безопасности в этой зоне, в том числе на границах с Афганистаном и Пакистаном, протяженность которых составляет, соответственно, 76 и 523 км. В 2012 г. китайское пра-

¹ Дракон в Гиндукуше. Интересы Китая в Афганистане (www.centrasia.ru/newsA.php?st=1241294520).

вительство приняло меры по укреплению границ с Афганистаном и Пакистаном. Среди них – ужесточение паспортно-визового режима, блокирование границ с Афганистаном и Пакистаном, отселение населения Ташкурганского и некоторых других районов на границе с Афганистаном и ввод в них воинских частей, частей вооруженной полиции, усиление режима безопасности на объектах повышенной опасности и др. Помимо этого в СУАР задачи борьбы с экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом возложены на Производственно-строительный корпус (ПСК) китайской армии, в состав которого в 2011 г. входили 14 дивизий и других воинских частей, а общая численность составляла 1,1 млн человек¹.

По сообщениям тайваньской и гонконгской прессы², происходит укрепление Синьцзянского и Ланьчжоуского военных округов. К границам перебрасываются несколько пехотных дивизий. В расположение Синьцзянского военного округа выдвинуты 4-я полевая армия НОАК и другие воинские части: артиллерийская бригада, дивизия истребительной авиации, средства радиоэлектронной разведки и обнаружения, а также радиоэлектронной борьбы. Командный пункт этого округа переведен в городе Хашэ на юге Синьцзяна. Штаб Ланьчжоуского военного округа и авиационной дивизии передислоцирован в Урумчи.

Китай установил тесные отношения с правительствами Афганистана и Пакистана в области безопасности. Им налажены поставки этим странам военной техники. С 2013 г. в КНР начнется подготовка афганских полицейских. Правительство Афганистана, в свою очередь, взяло на себя обязательство охранять китайский персонал и объекты, расположенные в стране.

В июне 2012 г. состоялось подписание «Совместной декларации Китайской Народной Республики и Исламской Республики Афганистан об установлении отношений стратегического партнерства и сотрудничества». В декларации содержится обязательство Китая и Афганистана не допускать на своей территории деятельности, направленной против другой стороны, оказывать твердую поддержку друг другу в вопросах, касающихся обеспечения суверенитета, единства и территориальной целостности, и сообща про-

¹ 2012 Xinjiang shengchan jianshe bingtuan tongji nianjian (Статистический ежегодник Синьцзянского производственно-строительного корпуса, 2012). Tab. 1–3. Zhuiiao nianfeng guomin jingji zhuiiao zhipiao (электронный вариант).

² Регентов Д. Китай и силовая операция в Афганистане (abrus.ru/content/564.623.11310.html).

тивостоять таким трансграничным угрозам, как терроризм, нелегальная иммиграция и нелегальный оборот оружия и наркотиков, укреплять пограничный контроль.

Соединенные Штаты Америки. Из внешних игроков глобального уровня центральная роль в достижении урегулирования конфликта в зоне АфПак и формировании его основных параметров, несомненно, принадлежит Соединенным Штатам Америки. С самого начала конфликта в Афганистане правящими кругами США на первое место ставились геополитические задачи (получение плацдарма в Афганистане с последующим его использованием для продвижения американских интересов в отношении Ирана, стран Центральной Азии, на Индостанском полуострове и, конечно же, в отношении Китая). В последующем в число важнейших выдвинулась также задача обеспечения ядерной безопасности в зоне АфПак.

И в современных условиях США продолжают рассматривать Афганистан и АфПак как зону своих жизненно важных интересов, которые они намерены отстаивать различными политическими, экономическими и силовыми методами.

В последнее время, однако, в связи с кризисом модели однополярного управления мировыми и региональными политическими процессами США утратили возможность самостоятельно, в одностороннем порядке, не считаясь с интересами других стран, определять условия урегулирования конфликта в Афганистане / зоне АфПак. Важным условием эффективности такого урегулирования становится признание Соединенными Штатами взаимозависимости всех участников процесса урегулирования и их фактического равенства. В свою очередь признание этого обстоятельства определяет параметры («коридор возможностей») сложного и многовариантного процесса урегулирования. Немаловажным обстоятельством, оказывающим возрастающее давление на администрацию США, стали накопившееся в американском обществе разочарование результатами затянувшегося участия страны в самом продолжительном в ее истории зарубежном конфликте и связанное с этим недовольство как высокими боевыми потерями, так и огромными материальными расходами, при том что происходит нарастание собственных финансовых трудностей.

Что же касается союзников США по НАТО и Международных сил содействия безопасности, то и среди них – в значительной степени в ответ на существенное снижение общественной поддержки участия в международной операции в Афганистане, в осо-

бенности в идущих там боевых действиях, – крепнут настроения в пользу скорейшего вывода своих войск из этой страны.

С учетом упомянутых внутренних и внешних факторов заметные изменения в стратегию США по афганской проблеме были внесены президентом США Б. Обамой в январе 2013 г. в ходе его переговоров с президентом Афганистана Х. Карзаем. Так, Обама сообщил о решимости ускорить поэтапный вывод американских войск из Афганистана в 2013–2014 гг. и уже в ближайшее время максимально сократить их непосредственное участие в боевых действиях. Одновременно было заявлено о намерении США передать полную ответственность за обеспечение безопасности Афганистана его Национальным вооруженным силам¹. Важным итогом переговоров Обамы и Карзая стало также согласие США на признание движения «Талибан» в качестве легальной силы на переговорах между Кабулом и вооруженной оппозицией по поиску взаимоприемлемого политического решения конфликта. В интересах активизации этих переговоров американцы дали согласие и на учреждение в Дохе, столице Катара, официального представительства «Талибана».

Одновременно Б. Обама подтвердил намерение США оставить в Афганистане ограниченный воинский контингент (от 6 до 10 тыс. военнослужащих) формально для обучения и подготовки афганских сил безопасности и координации контртеррористических операций. В случае достижения договоренности по этому вопросу с правительством Афганистана Соединенные Штаты постараются обеспечить выполнение, хотя и ограниченными средствами, не только этих, но и своих первоначально поставленных и более широких стратегических геополитических задач.

Несмотря, однако, на очевидное стремление Вашингтона к нахождению компромиссной формулы урегулирования конфликта, непримиримая афганская оппозиция отнюдь не стремится к встречным уступкам. Более того, в ответ на итоги переговоров между Б. Обамой и Х. Карзаем в Вашингтоне движение «Талибан» обнародовало в январе 2013 г. заявление, в котором недвусмысленно было заявлено об отказе признать эти договоренности и сформулировано требование «немедленного вывода всех иностранных войск из Афганистана». В столь же категорической форме были отвергнуты планы США оставить в Афганистане

¹ Obama Accelerates Transition of Security to Afghans // New York Times. 2013, January 11.

ограниченный воинский контингент. «Американское правительство и Карзай должны понять, что их соглашение о сохранении военного присутствия (США в Афганистане. – *Ред.*) всего лишь личная сделка между ними, которая категорически отвергается нашим народом и юридически несостоятельна. Исламский эмират (Афганистан) продолжит свой священный джихад против этого присутствия, как он это делал на протяжении последних 11 лет»¹, – говорится в заявлении.

США, по всей видимости, будут стремиться тем не менее сохранить свое политическое и военное присутствие в Афганистане и регионе после 2014 г. За последние полтора десятилетия ими были потрачены огромные политические, военные и экономические усилия для того, чтобы закрепиться в этом стратегически важном регионе, и просто так уходить отсюда американцы не намерены. Поэтому, даже если в случае прихода к власти в Афганистане талибов и их союзников США все же будут вытеснены из этой страны, они предпримут все меры, чтобы компенсировать свои потери за счет получения или расширения позиций в других странах региона (в частности, в странах Центральной Азии, о чем шла речь выше).

США предстоит также определиться и по поводу дальнейшего характера взаимодействия с другими странами, имеющими собственные национальные интересы в этом районе азиатского континента.

Далеко не в последнюю очередь это касается будущего американо-российских отношений, которые на всем протяжении афганского конфликта складывались достаточно конструктивно при всех расхождениях и противоречиях, зачастую весьма острых, по другим вопросам. В конце первого десятилетия текущего столетия эти отношения достигли стадии активного сотрудничества по одной из наиболее сложных и болезненных проблем для США и их союзников, а именно по обеспечению безопасного транзита через территорию России грузов для нужд в Афганистане.

В апреле 2008 г. между США и Россией было достигнуто предварительное соглашение по этому вопросу. И хотя отношения между ними после грузино-югоосетинского конфликта в августе того же года заметно охладели, с приходом Б. Обамы в Белый дом диалог между сторонами возобновился. Результатом смягчения

¹ The Islamic Emirate of Afghanistan «Regarding So-Called Security Pact Between Karzai and America». January 2013.

отношений стал возврат к выполнению ранее достигнутых договоренностей, а одним из конкретных проявлений этой «оттепели» явилось начало транзита в марте 2009 г. невоенных грузов через территорию России для нужд МССБ в Афганистане. Очередным шагом в укреплении американо-российского сотрудничества по Афганистану стало подписание в ходе визита в Москву в июле 2009 г. президентом США Б. Обамой дополнительного соглашения, предусматривающего воздушный транзит военных грузов и личного состава Вооруженных сил США через территорию России. Наконец, в апреле 2012 г. Россия и США достигли еще более масштабного соглашения о транзите из Афганистана и обратно грузов для снабжения группировки Международных сил содействия безопасности, а также для последующего вывода из этой страны войск, техники и снаряжения. Со второй половины того же года правительство России разрешило мультимодальный, или комбинированный, транзит через Ульяновск в Европу и США не только воздушным, но также автомобильным и железнодорожным транспортом.

Следует подчеркнуть, что последнее соглашение было поддержано в России далеко не всеми политическими силами и движениями и подверглось резкой критике многими левыми и левопатриотическими организациями. Тем не менее российское руководство пошло на этот шаг, руководствуясь необходимостью проведения в жизнь реального сотрудничества с США и их союзниками в борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом.

Сказанное не означает, впрочем, что после завершения международной антитеррористической операции в Афганистане ныне действующие соглашения о транзите через российскую территорию грузов для войск США / НАТО, планирующих остаться в этой стране, будут сохранены автоматически. Более того, в России считают нецелесообразным сохранение для этих нужд ныне действующих центров транзитных перевозок либо перевалочных пунктов США / НАТО и тем более создание новых на территориях своих союзников в Центральной Азии.

В то же время Россия могла бы скорректировать свою позицию по вопросу о транзите при условии достижения договоренности с США о налаживании эффективного взаимодействия по борьбе с наркоугрозой, исходящей с территории Афганистана.

Объясняется это тем, что одним из самых негативных итогов афганского конфликта стало превращение Афганистана в круп-

нейший центр в мире по производству наркотиков. Общеизвестно, что за годы, прошедшие с начала активной фазы конфликта в Афганистане, общая площадь посевов опиумного мака в этой стране достигла 150 тыс. га, а производство наркотиков увеличилось более чем в 40 раз¹. Основная часть этих наркотиков вывозится на север, в страны Центральной Азии, откуда они попадают в Россию. Россия превратилась в результате в крупнейшего потребителя афганского героина, причем размеры потребления наркотиков в стране за последнее десятилетие возросли в девять раз, а число наркоманов, по состоянию на начало 2011 г., достигло, по некоторым оценкам, 2,5 млн человек.

Иными словами, потребление наркотиков стало серьезной проблемой национальной безопасности России, и ее разрешение, несомненно, относится к числу важнейших национальных приоритетов. В этой связи осуществление сотрудничества с Соединенными Штатами по противодействию наркотической угрозе и борьбе с наркотрафиком из Афганистана могло бы стать важным направлением взаимодействия Москвы и Вашингтона.

«Глобальная перестройка», М., 2014 г., с. 417–450.

М. Эрол*

УЧАСТИЕ ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Изучая историю межгосударственных отношений, можно прийти к выводу о том, что сила и мощь государства проверяются на прочность именно в кризисных ситуациях. Как мы знаем, каждое государство стремится выжить и упрочить свое положение на мировой арене, защищая интересы и безопасность страны¹. В современном мире защита национальных интересов и безопасности страны в основном реализуется посредством «мягкой силы» во внешней политике, но, наблюдая за происходящими событиями в современном мире, мы являемся свидетелями того, что кризис все больше становится неотъемлемой частью современных между-

¹ Режим доступа: www.fskn.gov.ru/fskn/index/news/htm?id=10296779@cms
Article

* Эрол, Мехмет Сейфеттин, доктор наук, глава USGAM (Центра исследований по международной стратегии и безопасности), доцент кафедры международных отношений Университета Гази, Анкара (Турция).

народных отношений, особенно когда мировой порядок обретает новую форму².

Теория МО и сирийский кризис

Сирийский кризис надо рассматривать именно в ракурсе меняющегося мирового порядка, в котором западные страны, утрачивая былое влияние, хотят хотя бы на какое-то время сохранить статус влиятельной силы. Напротив, страны, стоящие за сирийским президентом Башаром Асадом, хотят ослабления позиций Запада (т.е. НАТО) в международных отношениях. На сирийской «шахматной доске» ведется ожесточенная игра в контексте установления нового мирового порядка, т.е. если западные страны одержат победу, то они сохранят и продлят свое влияние на мировой арене. В противном случае «новый мировой порядок во главе с США» должен будет измениться в пользу учета интересов и безопасности стран, которые придерживаются негативного мнения по поводу однополярного мирового порядка.

Самым очевидным фактом, созданным этой кризисной ситуацией, является то, что в свете событий, имевших место после 11 сентября 2001 г., баланс сил в Ближневосточном регионе в высшей степени неустойчив и может измениться очень быстро. Приняв во внимание это обстоятельство, события, происходящие на Ближнем Востоке, можно исследовать на двух уровнях. Первый уровень исходит из общего баланса сил в региональной подсистеме, в которую включены глобальные акторы. Примечательно, что в процессе «арабской весны» и в случае с Сирией этот механизм претерпел серьезные изменения и возникла неопределенность относительно того, как будет формироваться новая расстановка сил. В этом случае становится важной позиция, которой будут придерживаться в данном процессе влиятельные основные акторы. И это выводит нас на второй уровень анализа, предполагающий изучение позиций отдельных акторов. Другими словами, имеет важное значение, какими целями будут руководствоваться, какой позиции будут придерживаться, какие действия будут предпринимать и какую роль будут играть акторы в ходе кризиса.

После 11 сентября 2001 г. и американской оккупации Афганистана и Ирака на Ближнем Востоке начала складываться определенная иерархическая структура. Однако произошедшие события показали, что построение такого рода подсистемы на Ближнем Востоке является очень сложным и даже невозможным³. Таким

образом, на Ближнем Востоке сохраняется структура, в которой на передний план выходит политика баланса сил. Согласно неореалистическому подходу в данной политике баланса сил («равновесия»), государства, противопоставляя себя более сильным странам или восходящей державе, стараются уравновесить их влияние и тем самым уменьшать риски. Что касается Ближнего Востока, то восхождение / доминирование США в регионе обеспокоило некоторые государства, и на передний план вышли действия по созданию «уравновешивающего» блока против США. Возглавляет эти усилия Иран. И до «арабской весны» он пытался сформировать союз вместе с Сирией, «Хезболлой» и ХАМАС. Однако этот исламский союз, шиитский по своей сути, стал беспокоить некоторые страны региона, в первую очередь Саудовскую Аравию. В этом контексте можно рассматривать интенсивное наращивание вооружений Саудовской Аравией в последнее время. «Арабская весна» серьезно раскачала сложившийся ранее на Ближнем Востоке баланс сил. То, что кризис все еще продолжается, создает неопределенность в плане формирования нового баланса сил. Однако очевидно, что в этом новом балансе сил мотивы и цели государств будут играть важную роль.

Неореалистический подход учитывает только структуру системы / подсистемы и распределение мощи. Однако, как уже упоминалось выше, мотивы, которыми руководствуются государства, являются очень важным фактором⁴. В свою очередь подход, известный как «оборонительный реализм», исходит из значимости интересов государств и предполагает, что государства применяют политику баланса не против силы, а против угрозы. Иными словами, государства не проводят одинаковую политику по отношению к двум или более государствам, обладающим одинаковой мощью. Например, США не проводят одинаковую политику в отношении близких по мощности Саудовской Аравии и Ирана. При создании альянсов государства региона принимают во внимание вероятность угрозы, а не распределение силы. Но даже если этот подход обеспечивает приближение ко второму уровню анализа, т.е. анализу политики отдельных государств, он не является удовлетворительным. Потому что при этом подходе хотя и принимаются во внимание угрозы и отношение к ним государств, игнорируются внутренние факторы, которыми руководствуется то или иное государство.

Неореалистический подход предполагает анализ не только на уровне системы, но и на уровне отдельного актора. Согласно

этому подходу, различные государства могут по-разному отреагировать на внешние вызовы, исходя из сочетания внутренних факторов⁵. При этом учитывается то, как лидеры и лица, принимающие решения, оценивают кризисы, как они воспринимают угрозу и как интерпретируют сложившуюся ситуацию⁶. События, имевшие место в процессе «арабской весны», показали значимость внутренних факторов. В конце концов, нынешний кризис вырос из противодействия народов существовавшим режимам. Следовательно, именно на внутренние факторы следует обратить внимание государствам региона при принятии внешнеполитических решений. Другими словами, «арабская весна» отдалила от власти диктаторов, которые могли действовать во многом независимо от внутривнутриполитического расклада сил. Таким образом, произошли важные изменения в характере региональной политики на Ближнем Востоке.

Если посмотреть на проблему с точки зрения региональной подсистемы, то Ближний Восток переживает состояние, когда достигнуто неустойчивое равновесие, а механизм баланса сил все еще не сформировался. В данный момент решающее значение приобретает позиция, которой будут придерживаться наиболее влиятельные региональные силы. В этом плане необходимо правильно понимать, какую роль будут играть государства в новой игре на Ближнем Востоке.

Участников сирийского кризиса можно разделить на четыре группы: государства, «определяющие игру», и «игроки» (объекты), «разыгрывающиеся» (субъекты) и «пешки». Кроме того, по правилам игры существуют еще два вида государств, которые могут быть определены как «противоборствующие игроки» и «игроки-гости». По мнению министра иностранных дел Турции⁷, его страна в этом кризисе является актором, «определяющим игру»⁸, т.е. активным действующим лицом.

Государства, определяющие игру в сирийском кризисе

Несомненно, отличительная особенность государств, «определяющих правила игры», состоит в том, что они определяют или даже создают условия, в которых развивается ситуация⁹. Вместе с тем еще одна особенность этих государств заключается в том, что они способны придерживаться логической последовательности в разрешении кризисной ситуации. Следовательно, государство,

«определяющее правила игры», не переживает каких-либо внутренних кризисов, а в основном занято созданием в своих собственных целях контролируемых кризисных ситуаций в других государствах¹⁰.

Чтобы понять позицию Турции в качестве государства, «определяющего правила игры», нужно принять во внимание характер действий страны в таких кризисных ситуациях, как ситуация вокруг «Мави Мармара», вокруг подписания протокола с Арменией и отношений Турции с Азербайджаном, ситуация вокруг Ливии и НАТО, ситуация в Восточном Средиземноморье и вокруг Газы, ситуация вокруг РПК, ситуация вокруг Сирии и президента Асада и т.д. Если не знать позицию Турции по вышеперечисленным вопросам, то трудно понять истоки убежденности министра иностранных дел Турции по поводу того, что Турция входит в число государств, «определяющих правила игры». Что же касается сирийского кризиса, то здесь возникает ситуация «кризиса внутри кризиса», т.е. Анкара стала задумываться о том, что ведется и «игра внутри игры».

Последние события, связанные с сирийским кризисом, его углубление и расширение говорят о том, что после 11 сентября 2001 г. скорость изменений в международной политической системе повысилась, региональные и глобальные силы стали более агрессивны, мир уже не тот, что был раньше, и стремление продемонстрировать, что Турция в сложившейся ситуации может справиться один на один с кризисом, весьма рискованно.

С другой стороны, сирийский кризис, в который оказались втянутыми региональные и глобальные игроки, может привести к обострению религиозных противоречий между шиитами и суннитами, и соответственно Иран и Россия могут оказаться причастны к его разрешению. Для Турции это является большой головной болью, избавиться от которой страну самостоятельно турецкое руководство не в силах. Поэтому Турция старается избегать каких-либо громких высказываний в отношении России и Ирана и не переходить «красную линию», учитывая заинтересованность России в развитии отношений с Ираном.

Неопределенность в высказываниях – неопределенность в мыслях

Один из главных результатов кризиса – это ситуация, которая сложилась после глобальной дезинформационной работы¹¹.

В этой связи турецкое общество разделилось во мнении, кто друг, а кто враг. После действий Асада на севере Сирии турецкое общественное мнение не могло ответить на вопрос, «что представляет собой сирийская оппозиция».

Перед турецким обществом встала дилемма: с одной стороны – оппозиция, борющаяся за демократию и требующая низложения режима Асада, а с другой – религиозные течения и профессиональные оппозиционеры в лице этих же борцов за свободу. Особенно осложняют ситуацию те самые «профессиональные оппозиционеры», в рядах которых можно заметить представителей «Аль-Каиды».

Несомненно, что суть вопроса заключается в том, что Турция оказалась втянута в кризисы «арабской весны», но не поставила об этом в известность общество и народ. Если ранее власти неоднократно убеждали народ, что политика «ноль проблем с соседями» является главной целью внешней политики страны, то впоследствии не менее активные оправдания по поводу отступления от этой же политики в глазах граждан оказались обманом.

После этого общественное мнение стало сомневаться в последовательности и в целом в правильности внешней политики страны. Например, турецкое общество по-прежнему не понимает, каковы истоки партнерских братских отношений между Турцией и США. Общественное мнение не поддерживает последние изменения во внешней политике Турции, которая действует на благо турецко-американских отношений. Соответственно, наблюдается несовпадение воли народа и политиков. Это объясняет, что некоторые изменения во внешней политике не поддержаны обществом. Еще одна сложность состоит в том, что на протяжении десятилетий Турция избегала стратегического партнерства со странами-соседями, что привело к неожиданным сложностям в отношениях с некоторыми региональными акторами.

Идет ли игра внутри игры в Сирии?

Без всяких сомнений, ближневосточная и североафриканская «арабская весна» является частью проекта «Большого Ближнего Востока», который имеет целью преобразовать Евразийский континент посредством различных «цветных революций». «Арабская весна» также повлияла на ближнее зарубежье Турции, каковым является Сирия, и уже продолжающийся 17 месяцев кризис вокруг

этой страны глубоким образом влияет на внешнеполитическое решение Анкары.

Именно сирийский кризис открывает для Турции положительные и отрицательные возможности через вступление в войну или через разные дипломатические альянсы показать свою независимость и силу. Другими словами, идет игра внутри геополитической игры в отношении Сирии, которую Турция, в случае проведения разумной политики, может использовать в своих интересах или же, втягиваясь в сирийское «болото», утонуть и потерять имидж сильного государства. В связи с этим от внешнеполитической стратегии Турции в сирийском кризисе будут зависеть дальнейший авторитет и величие страны в мировой политике. Надо также отметить, что сирийский кризис может открыть новую страницу в турецко-американских отношениях в плане формирования зависимого или, напротив, самостоятельного статуса страны во внешнеполитической сфере.

Анализ действий Турции за последние месяцы сирийского кризиса¹² вполне достаточен для того, чтобы сделать определенный прогноз в плане его влияния на внешнеполитические интересы Турции. Начнем со сбитого истребителя ВВС Турции F-4 «Фантом». В этом инциденте стало ясно, что военное вмешательство Турции в сирийский кризис имеет свои пределы. Инцидент также показал, насколько слаба турецкая военная разведка в кризисных ситуациях и насколько дорого стране обходится альянс с НАТО.

После истории с турецким истребителем кризис вошел в более жесткую конфликтную стадию. К примеру, на Женевских переговорах дипломатическими методами пытались надавить на Россию, Китай и Иран¹³, но Россия и Иран жестко отреагировали на попытку давления. Переговоры премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана с президентом России В.В. Путиным, а также высказывания премьера по поводу ШОС¹⁴; кризис вокруг Северной Сирии и последовавшая поездка и переговоры министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в Эрбиле по «курдскому вопросу»¹⁵; визит турецких дипломатов в Иран и переговоры с тегеранскими властями; показ в открытых источниках фотографий переговоров Р.Т. Эрдогана и президента США Б. Обамы как «бейсбольной дипломатии» – все это еще раз свидетельствует о том, насколько повлиял сирийский кризис на турецко-американские отношения и доказал, что при необходимости Турция может принимать независимые внешнеполитические решения без указки извне.

Кризис под названием «Северная Сирия» отождествляется с именем Башара Асада. Именно этот кризис может в обозримом будущем отрицательно повлиять на союзнические отношения Турции с внешними игроками. Иными словами, Турция в результате кризиса в Северной Сирии может полномасштабно изменить свою внешнеполитическую стратегию, которой придерживалась до сегодняшнего дня. К примеру, в момент, когда Северная Сирия вышла на политическую арену, а также когда М. Барзани отправил в регион военный контингент, между Анкарой и Эрбиле встал вопрос о том, насколько они доверяют друг другу в плане безопасности¹⁶. К тому же взаимоотношения М. Барзани со странами Запада и отведенная ему новая роль в проекте «Большого Ближнего Востока» отрицательно повлияли на внешнеполитические взгляды Турции¹⁷. Анкара начала подозревать, что «арабская весна» может превратиться в «курдскую весну»¹⁸, в связи с чем Турция стала опасаться реализации проекта «Большого Курдистана» и предприняла попытку воспрепятствовать этому.

В Турции кризис в Северной Сирии воспринимается как часть проекта «Большого Курдистана», который простирается до границ Средиземного моря. Этот проект опасен для Турции тем, что его реализация автоматически ограничивает влияние Турции на исламские и тюркоязычные страны ближнего зарубежья. Если проанализировать этот проект еще глубже, то можно сказать, что он имеет двоякую цель. Первая – ограничить влияние Турции на Ближнем Востоке; вторая – ограничить влияние Турции на тюркоязычные страны. Тем самым созданная в рамках проекта «Большого Курдистана» страна-марионетка поможет в будущем воспрепятствовать включению Турции в Евразийский союз.

Таким образом, США, реализуя проект «Большого Курдистана», создают страну-марионетку, которая будет ограничивать амбиции Турции, а также тормозить ее включение в азиатские альянсы. Чтобы удержать и контролировать быстро развивающуюся Турцию, США нуждаются в «Большом Курдистане». Нельзя не упомянуть о том, что создание «Большого Курдистана», который будет контролировать коммуникации между четырьмя морями (Черное, Средиземное, Каспийские и Персидский залив), озвучивалось ранее М. Барзани.

Как мы видим, «Ближний Восток Черчилля» переживает кризис после распада Османской империи и краха биполярной структуры международных отношений, но США руками Дж. Буша-младшего и Б. Обамы стремятся преобразовать регион

в своих интересах. Нельзя исключать того, что преобразование Ближнего Востока в интересах США будет иметь отрицательный эффект для Турции и всего региона. Поэтому начавшийся процесс преобразования региона с помощью «арабской весны» полностью служит интересам США и будет долго дестабилизировать регион в целом. Это доказывает тот факт, что США активными дипломатическими и военными усилиями стремятся создать в регионе новую марионеточную страну с 40-миллионным населением.

Заключение

«Арабская весна» столкнулась с серьезными проблемами в ходе сирийского кризиса, который, затягиваясь все больше, обретает глобальный характер. Проблему можно решить через «Второй или Новый Ялтинский переговорный» процесс, который приобретает важность для всего мира¹⁹.

Также надо признать, что «Второй или Новый Ялтинский переговорный» процесс в любом случае изменит региональный статус-кво и создаст новый баланс сил, в котором будут победители и побежденные. Этот процесс будет также способствовать изменению мирового порядка, интеграционных группировок и баланса сил в мировом масштабе. В ходе «Второго или Нового Ялтинского переговорного» процесса роль Турции – страны, балансирующей между Западом и Востоком, – также может измениться²⁰. Поставив перед собой историческую миссию, но время от времени нерационально используя политические и стратегические ресурсы страны, Турция может стать сильной региональной державой или распасться. Другими словами, в геополитическом плане Турцию принуждают играть в русскую рулетку.

Примерно два столетия назад ту же самую игру навязывали правителям Османской империи, но на данном этапе речь идет именно об Анкаре. Те, кто хочет навязать эту игру Анкаре, стремятся ослабить страну. Цель атлантических стран и их игра ясны. Они хотят иметь такую Турцию, которая бы беспрекословно проводила их линию или являлась «тройным конем» в их геополитическом проекте. Сильная и независимая Турция им не нужна, потому что в таком случае Анкара может положить конец их геополитическим стремлениям²¹. Поэтому Турция стоит перед альтернативой: или она пойдет по пути реализации Севрского мирного договора (территориального расчленения)²², или она, проводя разумную внешнюю политику, станет мировой державой, преодо-

левая все препятствия, которые навязываются извне. Третьего Турции не дано.

Примечания

- 1 Tayyar Ari. Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika. – Bursa, 2008. – S. 479–480.
- 2 Abdullah Bozgeyik. Krizlerden Yükselerek Çıkin. – İstanbul, 2008. – S. 26–27.
- 3 Waltz K. Theory of International Relations. Reading, Addison Wesley Publishing, 1979. P. 126.
- 4 Walt St. Origins of Alliances. – Ithaca, 1987.
- 5 Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton, 2006. – P. 6.
- 6 Mowle T.S. Worldviews in Foreign Policy: Realism, Liberalism, and External Conflict. – Political Psychology. Cilt 24, Sayı 3, 2003. P. 561–592.
- 7 Ahmet Davutoğlu. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslar arası Konumu. İstanbul, 2001.
- 8 «Dünyayı 'G-Sifir' yönetiyor Türkiye büyük oyun kurucu». – Milliyet Gazetesi: <http://ekonomi.milliyet.com.tr/dunyayi-g-sifir-yonetiyo-r-turkiye-buyuk-oyunkurucu/ekonomi/ekonomidetay/30.04.2012/1534343/default.htm>; Отрицательное мнение см.: Ömer Taşpınar'ın yazısına bakılabilir, «Suriye, Kriz Yönetimi ve ABD». – Sabah Gazetesi: <http://www.sabah.com.tr/Yazarlar/taspinar/2012/10/15/suriye-kriz-yonetimi-ve-abd>
- 9 Mehmet Ali Birand'. «Türkiye, Oyun Kurucu Bir Ülke Depil». – Hürriyet Gazetesi: <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/22028490.asp>; Ayrıca bkz. Taşpınar, a.g.e.
- 10 Mehmet Seyfettin Erol. «Arap Bahan Sürecinde Devletler Oyunu ve Türkiye». – Turkish Forum: <http://www.turkishnews.com/tr/content/2012/08/06/arak-bahari-surecinde-devletler-oyu-nu-ve-turkiye>
- 11 Mehmet Seyfettin Erol ve Emre Ozan, «Uluslararası Krizler ve Medya: Dış Politika Kriz Yönetiminde Medyanın Rolü Üzerine Bir Deneme», Krizler ve Kriz Yönetimi: Temel Yaklaşımlar, Aktörler, Örnek Olaylar, Mehmet Seyfettin Erol ve Ertan Efeğil, (der.), 123–144, Baş Kitap. – Ankara, 2012. – S. 123–144.
- 12 «Türk Uçağını Suriye Düşürdü». – Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/turk-ucagini-suriye-dusurdu-/siyaset/siyasetdetay/23.06.2012/1557511/default.htm>; Fikret Bİla, «Suriye'nin F-4'le İlgili İddiaları Cöktü», Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/suriye-nin-f-4-le-iligili-iddialari-coktu/siyaset/siyaset-yazardetay/20.09.2012/1598996/default.htm>; «Düşürülen F-4 Keşif Uçağıyla İlgili Sorular». – Avrupa Gazete: <http://www.avrupagazete.com/konuk-yazarlar/5523-dusurulen-f4-kesif-ucagiyla-ilgili-sorular.html>
- 13 Haber Türk: <http://www.haberturk.com/dunya/haber/759959-suriye-icin-cenevre-mutabakati>; «Cenevre'deki Suriye zirvesinde karar açıklandı», En Son Haber; <http://www.ensonhaber.com/cenevredeki-suriye-zirvesi-sona-erdi-2012-06-30.html>
- 14 «Erdoğan 'latife' dedi ama ciddiye alındı: 'Türkiye'nin dönüşü tamamen doğal'». – Turk Rus: <http://www.turk-rus.com/haber-hatti/56852/erdogan-> <http://siyaset.milliyet.com.tr/bizi-de-sangay-beslisi-ne-alin-/siyaset/siyasetdetay/26.07.2012/1571936/default.htm>; «Bizi de Şangay Beşlisi'ne Alın». – Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/bizi-de-sangay-beslisine-alin-/siyaset/siyasetdetay/26.07.2012/1571>

936/default.htm; «Erdoğan'dan Putin'e: Bizi Şanghay'a alin, AB'den vazgeçelim». – Haberrus: <http://haberrus.com/politics/2012/07/25/erdogandan-putine-bizi-sanghay-alin-abden-vazgecelim.html>; Erdoğan'ın Latifesi ve Gerçek». – Ulusal Kanal: <http://www.ulusalkanal.com.tr/erdoganin-%E2%80%9Clatifesi%E2%80%9D-ve-gercek-makale,367.html>

¹⁵ «Davutoğlu Erbil'de». – Anadolu Ajansı: <http://www.aa.com.tr/tr/rss/69606-davutoglu-erbilde>

¹⁶ «Peşmerge Gözünü Suriye'ye Dikti». – Milliyet Gazetesi: <http://gundem.milliyet.com.tr/pesmerge-gozunu-suriye-ye-dikti/gundem/gundemdetay/23.07.2012/1570453/default.htm>

¹⁷ «Yeni Ortadoğu'nun Sahibi Biziz». – Vatan Gazetesi: <http://haber.gazetevatan.com/yeni-ortadogunun-sahibi-biziz/446394/1/Haber>; Ayrıca bkz., Dışişleri Bakanı Sayın Ahmet Davutoğlu'nun «Arap Uyanışı ve Ortadoğu'da Barış: Müslüman ve Hristiyan Perspektifler» Konferansı Kapsamında Yaptıkları Konuşma, 7 Eylül 2012, İstanbul, T.C. Dışişleri Bakanlığı Sitesi; http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun_arap-bahari-ve-yeni-ortadogu_da-baris_musulman-ve-hritiyan-perspektifler-konferans.tr.mfa

¹⁸ Bu husustaki tartışmalardan bazıları için bkz., «BDP'li Üçer: Bugünden sonra artık Kürt bahan». – Radikal Gazetesi: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalDetayV3&ArticleID=1095442&CategoryID=78>; Jerusalem Post: «Türkiye Kürt Bahan'yla Karşı Karşıya». – Güncel Meydan: <http://www.guncelmeydan.com/pano/jerusalem-post-turkiye-kurt-bahari-yla-karsi-karsiya-banu-avar-t32365.html>; The Economist: «Erdoğan Hükümeti Kürt Bahan'ni Yaşayabilir», NTVMSNBC: <http://www.ntvmsnbc.com/id/25281990/1>. Tayyar Ari, Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika, Bursa, MKM yayıncılık, 2008. S. 479–480.

¹⁹ Kofi Annan İstifa Etti. – Radikal Gazetesi: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalDetayV3&ArticleID=1096028&CategoryID=81>

²⁰ Ahmet Davutoğlu, a.g.e.

²¹ Sevr Antlaşması. – Türk Tarih Kurumu: <http://www.ttk.org.tr/templates/resimler/File/ktpbelge/antlasmalar/sevr.pdf>

²² Mehmet Seyfettin Erol. Yeni Yalta Süreci'ne Doğru.. – Milli Gazete, 2 Ocak 2012. S. 7.

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 400–408.

Д. Жёлов,

аспирант кафедры востоковедения

(Уральский федеральный университет)

УЙГУРСКИЙ СЕПАРАТИЗМ

И «ПИРАМИДА МАСЛОУ»

На протяжении более 40 лет Китай развивался очень успешно, превратившись фактически из страны Третьего мира в одну из

ведущих мировых держав. Однако на пути «мирного возвышения» [1] Китая существует множество проблем, которые руководству КНР необходимо вовремя распознать и эффективно решить, в противном случае многие из них могут стать катастрофой для Китая. Одной из таких проблем, бесспорно, является проблема уйгурско-го сепаратизма.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе, расположенном на северо-западе КНР, сосредоточены огромные запасы природного газа и угля, месторождения урана, золота, редкоземельных металлов [см.: 1]. Синьцзян еще более важен для Китая стратегически, поскольку открывает путь в Центральную Евразию, являясь ключевым регионом в реализации проекта «Нового Великого шелкового пути» [см.: 2]. Только через Синьцзян возможны коммуникации с важнейшим союзником КНР – Пакистаном [см.: 3; 4;]. Иными словами, Китай с Синьцзяном может быть мировой державой, а без него – только региональной тихоокеанской.

Проблема уйгурского сепаратизма в Синьцзяне универсального решения не имеет, поскольку порождена самыми различными факторами. Очевидно, что даже если некоторые из них перестанут действовать, останутся другие, проблема может стать менее острой, но не исчезнет совсем. Так, абсолютно неразрешимыми являются культурные противоречия между тюркоязычными мусульманами-уйгурами и ханьцами. Между ними можно найти мало общего: очень различаются религия, язык и даже внешность. Мировоззрение уйгуров и ханьцев стоит на принципиально различных основах, то, что одним кажется обычным, у других вызывает в лучшем случае удивление.

В 1990-е годы ситуация в Синьцзяне резко обострилась. На то были внешние причины, такие как распад СССР и ситуация в Афганистане, а также целый ряд внутренних, из которых центральное правительство Китая обратило внимание прежде всего на тяжелое материальное положение местного населения и экономическую неразвитость региона. Синьцзян, как и другие регионы Западного Китая, в то время сильно уступал по экономическим показателям восточным прибрежным провинциям, получившим огромные экономические преимущества в ходе «политики реформ и открытости» [5].

На вооружение была взята политика жесткого силового подавления сепаратизма с отказом от любых уступок и одновременно неуклонного повышения уровня жизни в регионе. Огромные дотации из центрального бюджета, грандиозные инфраструктур-

ные проекты, помощь малообеспеченным слоям населения дали определенный эффект. Улучшение экономических условий жизни в Синьцзяне для внешнего наблюдателя и, что особенно важно, для самих уйгуров наглядно видно в сравнении с тяжело переживающими распад СССР государствами Центральной Азии.

При виде очевидных успехов экономического строительства в СУАР и очевидного затухания сепаратистских настроений в середине 2000-х годов у многих экспертов сложилось мнение, что проблема уйгурского сепаратизма в КНР решена [см.: 6]. Насколько они были неправы, показали события 5 июля 2009 г. в Урумчи. По сути, это была первая из «твиттерных революций», антиправительственные выступления координировались через социальные сети и мессенджер QQ, а китайская система «безопасного Интернета» «Золотой щит» показала свою полную неэффективность. Результатом этих событий стало свержение местного правительства, был снят с должности секретарь парткома города Урумчи, а затем и «непотопляемый» секретарь парткома СУАР Ван Лэцзоань, руководивший Синьцзяном почти 16 лет и имевший, казалось бы, прочнейшие позиции в Пекине [см.: 7]. Из высших руководителей Синьцзяна свое место сохранил только глава народного правительства СУАР уйгур Нур Бекри, но он всегда был лишь ширмой для китайской политики в регионе.

Новым партсекретарем, а фактически и новым руководителем СУАР стал бывший министр транспорта КНР Чжан Чуньсянь [см.: 8]. Вскоре после его назначения стали ясны выводы, которые руководство КНР сделало из событий 5 июля.

Во-первых, политика форсированного экономического развития СУАР с упором на инфраструктуру будет продолжаться. Это особенно наглядно стало видно после решения о создании в городе Кашгар свободной экономической зоны [9]. Это решение означает попытку превращения очага уйгурского сепаратизма, которым всегда был Кашгар – неофициальная столица сепаратистского «Уйгуристана», в бастион китайского влияния и экономического процветания. События 5 июля показали, что полагаться в этом качестве только на Урумчи рискованно.

Во-вторых, был несколько смягчен режим контроля над информацией. Разумеется, во время массовых беспорядков, сопровождавших события 5 июля и последовавших за ними, Интернет и международная телефонная связь в Синьцзяне были полностью заблокированы [10]. Однако уже в 2010 г. в Синьцзяне был доступен даже Facebook.

И наконец, в-третьих, было усилено давление на уйгурский язык и культуру. Особенно это проявилось в создании в Синьцзяне системы так называемого «двухязычного обучения» [11]. Эта система очень напоминает меры по унификации китайского языка, применяемые в районах с сильным диалектным влиянием, например в провинции Гуандун. Детей дошкольного возраста, особенно из сельских семей, в директивном порядке отправляют обучаться в интернаты, где образование практически исключительно ведется на китайском языке. Это означает, что если высшее образование на уйгурском языке и так фактически отсутствует, то среднее и начальное уйгуроязычное образование, которое в 1980-е годы вполне устоялось, может ждать та же судьба.

Настораживает и проводимая властями реконструкция Кашгара, когда уйгурский старый город полностью ликвидируется, а уйгурские жители переселяются в новые районы. И это в сочетании с массовым переселением в Кашгар ханьцев, привлеченных возможностями, открывающимися в свободной экономической зоне. Многие уйгуры видят в этом очередное покушение на национальную культуру и продолжение политики ассимиляции [12].

Вышесказанное подтверждает то, что урок событий 5 июля не до конца усвоен властями Китая. Маркетологи уже давно поняли то, что неочевидно политикам: человеческие потребности имеют иерархическую природу. Упрощенно модель этой иерархии изображается в виде «пирамиды Маслоу», в основании которой лежат физиологические потребности человека, а выше последовательно – потребности в безопасности, любви, уважении и самовыражении. То есть чем более материальный характер носят потребности человека, тем ниже они в пирамиде, а по мере удовлетворения потребностей, лежащих ниже, актуализируются потребности, лежащие выше.

Если люди материально обеспечены, это еще далеко не значит, что они всем довольны. Это всего лишь значит, что для них актуальны другие потребности. Старшее поколение уйгуров помнит времена лишений и до определенной степени благодарно правительству за улучшение условий жизни, поэтому оно согласно терпеть некоторое ущемление национальной культуры. Новое поколение, выросшее в относительном достатке, не будет поступать так же, ему уже необходимы признание, уважение, самовыражение не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. А любая попытка ассимиляции встретит жесткий и немедленный ответ.

Сейчас как никогда для Китая актуальны вопросы развития именно уйгурской культуры, интеграции уйгуров в «единую семью китайских народов», поиска *modus vivendi* с уйгурами в Синьцзяне. Нужно создавать систему образования, в том числе высшего, на уйгурском языке, создавать уйгурские предприятия, работая на которых, уйгуры не чувствовали бы себя ущемленными. Уйгуры в Синьцзяне должны чувствовать себя хозяевами собственной земли, а не людьми второго сорта в чужой стране. Это непростая задача, но именно от понимания ее и от ее решения зависит будущее Синьцзяна.

Библиографические ссылки

1. Xinjiang's Natural Resources. URL: <http://ww.china.org.cn/english/MATERIAL/139230.htm> (Mode of access: 25.03.2013.)
2. Верхотуров Д. Китай создает Новый Шёлковый путь. URL: <http://exper-tonline.kz/a6375/> (Дата обращения: 28.11.2012.)
3. Ahmad Khan R. The Pakistan-China strategic partnership. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2011-05/20/content_22605398_2.htm (Mode of access: 20.05.2011.)
4. Chaudhuri D. China-Pakistan Railway Project. URL: <http://www.vifindia.org/China-Pakistan-Railway-Project> (Mode of access: 20.02.2013.)
5. Ван Шаохуэй. Особенности экономического развития Северо-Западного Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 68–79.
6. Лузянин С.Г. Пятеро против одного. URL: http://www.ng.ru/politics/2004-09-28/2_priorities.html (Дата обращения: 01.03.2013.)
7. China replaces top Communist boss in Xinjiang region. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8641443.stm> (Mode of access: 25.03.2013.)
8. Zhang Chunxian appointed Party chief of Xinjiang. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-04/24/content_9771066.htm (Mode of access: 26.03.2013.)
9. Kashgar: Ancient city regains vitality. URL: <http://english.cntv.cn/program/china24/20100707/100546.shtml> (Mode of access: 25.03.2013.)
10. Xinjiang plugs back into the online world. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-05/15/content_9852791.htm (Mode of access: 27.03.2013.)
11. Cui J. Bilingual education in Xinjiang bridging gaps. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-12/17/content_9191406.htm (Mode of access: 28.03.2013.)
12. Save Kashgar. URL: <http://www.savekashgar.com/about/> (Mode of access: 26.03.1013.)

«Глобальная и региональная безопасность в XXI веке», Екатеринбург, 2014 г., с. 162–167.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Ловяго,

ПОЛИТОЛОГ

РОЛЬ ТНК В ФОРМИРОВАНИИ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ КАРТЫ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Проблематика ТНК – транснациональных корпораций – носит многосторонний характер: политический, экономический и исторический. Однако до настоящего времени нет аналитической работы, охватывающей комплексно природу ТНК, законы развития ТНК, стадии развития ТНК, законы влияния ТНК на изменение границ государств и дающей представление о том, насколько от их деятельности зависит формирование новой геостратегической карты.

Тема ТНК долгое время рассматривалась как предмет исследования экономической науки. Поэтому геополитики и политики не принимали во внимание ТНК как элемент звена цепи «ТНК – экономико-политические задачи ТНК – влияние на социум и экономику – геостратегическое влияние ТНК – реализация геополитической задачи материнской страны ТНК – практические задачи – инструменты влияния ТНК».

Историки откопали прообраз ТНК еще в 1118 г., считая Орден тамплиеров, основанный тогда, первым транснациональным финансовым учреждением, который в 1135 г. начал заниматься банковским делом. Первая транснациональная компания – Британская Ост-Индская – появилась в 1600 г., Голландская Ост-Индская – двумя годами позже, она была первой акционерной компанией и самой крупной из ранних международных, своего рода мегакорпорацией, обладавшей квазигосударственными полномочиями, в том числе правом вести войну, участвовать в политических спорах, чеканить монету, а также создавать колонии¹.

Определение ТНК было дано советской наукой, оно отождествлялось с понятием «международные монополии»: крупные капиталистические объединения единоличных и акционерных предприятий, контролирующие одну или ряд отраслей мирового капиталистического хозяйства с целью получения максимальных прибылей. Эти монополии, согласно прежней трактовке, выступают в форме национальных трестов или концернов, имеющих капиталовложения за границей².

Транснациональные корпорации (ТНК) – как правило, крупные хозяйственные комплексы с международной сферой деятельности³ – представляют жесткую иерархическую структуру с вертикальным подчинением и полным контролем нижестоящих подразделений со стороны центра. К ТНК относятся компании, международный бизнес которых является весомым. Их зарубежные активы составляют около 25–30% от общего объема, их филиалы находятся в двух и более странах. При этом страна базирования – та, в которой находится штаб-квартира ТНК, а принимающие страны – те, в которых размещена собственность ТНК⁴. Ряд экономистов определяют ТНК как компанию (корпорацию), владеющую производственными подразделениями в нескольких странах⁵.

Существование ТНК признано международными организациями, в том числе ООН. В Декларации, принятой на XI сессии ЮНКТАД в Сан-Паулу (Бразилия) 13–18 июня 2004 г., отмечено, что частные компании являются важными субъектами развития во всем мире. В соответствующей сфере деятельности корпоративные субъекты, в особенности транснациональные корпорации (ТНК), содействуют передаче технологии, развитию связей с поставщиками и предоставлению доступа развивающимся странам к экспортным рынкам. Концепция корпоративной ответственности была признана на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге. Согласно этой концепции корпоративные субъекты должны играть положительную роль в стимулировании экономического развития принимающих стран, содействия их социальному развитию, улучшению состояния окружающей среды и повышению конкурентоспособности местных предприятий. Существующие различные международные инструменты, регулирующие экономические, социальные и экологические проблемы, следовало бы усовершенствовать для увеличения вклада корпоративных субъектов, в особенности ТНК, в достижение целей развития⁶.

Следует подчеркнуть, что отсутствие общепризнанной формулировки ТНК позволяет им маневрировать в осуществлении экономической деятельности в «принимающей стране» и прикрываться так называемым «мягким правом» soft law.

Выдающиеся современные западные либеральные экономисты – преподаватели Сорбонны П. Жюайр и Д. Карро в своей работе «Международное экономическое право», посвященной разработке основных принципов свободного рынка ГАТТ-ВТО и правил функционирования ВТО, анализировали процессы, связанные с разделением труда и специализацией, не прибегая к понятию «ТНК». Однако их взгляды на сущность ТНК несомненно совпадают:

Вот некоторые выводы экономистов.

1. Международный экономический порядок в широком смысле – это согласованная совокупность юридических норм, ориентированных на конечные цели всей системы, международные компании лежат в плоскости международного экономического понятия.

2. В основании международного экономического порядка лежит базовый постулат – отказ от автаркии, предполагающий политику самообеспечения той или иной страны, в данном экономическом пространстве полностью исключает любые торговые обмены⁷; автаркия (от греч. autarkeia – самоудовлетворение) – это политика экономического обособления, проводимая страной, регионом. Автаркия направлена на создание замкнутой, независимой экономики, способной обеспечить себя всем необходимым самостоятельно. Автаркия сродни натуральному хозяйству⁸.

3. Международный порядок связан с международным разделением труда между государствами, т.е. «МРТ — это продукт свободной игры рыночных сил»⁹.

Вывод идеологов ВТО: «Развивающаяся в настоящее время глобализация экономики – это более чем очевидное проявление триумфа именно такой модели организации экономики. Задуманный экономический порядок после падения режимов с плановой экономикой и перегруппировкой почти всех развивающихся стран превратился в единственную модель»¹⁰.

Автор теории конкурентоспособности Майкл Портер, профессор Гарвардского университета, в своей работе «Теория конкурентоспособности» (1983) анализирует источники, факторы конкурентоспособности с использованием анализа в основном ТНК, среди которых ИВМ. Таким образом, ТНК как основной инстру-

мент МРТ базируется на международном экономическом порядке и отказе государства от протекционизма национальной экономики. «Будучи странами демократическими и либеральными, коль таковыми они являются, США и Великобритания стали проецировать свой внутренний экономический порядок на международную сферу»¹¹.

Международный экономический порядок стал распространяться на экономику Российской Федерации и стран СНГ, а также Ближнего Востока. Влияние ТНК на исследуемые регионы рассмотрим в рамках крупной коммерческой российской компании, являющейся партнером нескольких ТНК (США, Европейского союза):

- неготовность российского среднего и зачастую крупного неса к работе с ТНК;

- недостаточное предметное внимание к ТНК со стороны российских чиновников;

- отсутствие целостной картины влияния ТНК, а также последствий влияния на структуру экономических и социокультурных связей в регионе;

- отсутствие общего подхода экономистов к понятию «ТНК», материнским странам ТНК, правовому статусу дочерних компаний;

- неоднозначный императивный постулат о том, что «транснациональность является показателем достаточно высокой степени надежности фирмы»¹²;

- отсутствие таргетально ориентированной комплексной политики Российского правительства по созданию российских ТНК в ведущих отраслевых сегментах, в том числе в отрасли информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ);

- отсутствие интерфейса между академическими и бизнес-структурами в отношении обмена информацией по статусу, объему и охвату деятельности ТНК в обсуждаемых регионах и в РФ.

Отрасль ИКТ является одной из ведущих по показателям роста и инвестиционного интереса, если не включать в список углеводородную и сопредельные с ней отрасли. Для анализа влияния ТНК на регион Ближний Восток – Северная Африка (MENA) и СНГ в ИКТ можно выделить три основные группы:

- телекоммуникационные операторы связи, предоставляющие услуги связи, каналы передачи данных, доступа в Интернет;

- контент-провайдеры, предоставляющие услуги: а) видеосервисов, например, YouTube, Rutube; «Кинотеатр в Одно-

классниках», RuTube, б) электронной почты, например, gmail.com (GOOGLE), mail.ru, yandex.ru; в) размещения оборудования и баз данных клиентов на площадях исполнителей, т.е. на дата-центрах (например, Equinix (материнская компания в США с дочерними в Европе в нескольких странах, в Англии);

– вендоры – производители оборудования (HW) для телекоммуникационных (WAN) и компьютерных сетей (LAN) и программного обеспечения (ПО/SW), например, «Сименс», «Нокиа».

В регионе MENA, Передняя Азия, СНГ действуют несколько десятков ТНК в отрасли ИКТ, как наиболее быстрорастущей отрасли и являющейся основным инструментом современной информационной войны. Для характеристики и выявления типичных черт ТНК и влияния ТНК на регион MENA рассмотрим крупнейших представителей в сегменте «Телекоммуникационные операторы связи – ТНК» (см. табл. 1):

– Vodafone Group Plc. (Великобритания – GB);

– Merged with Cables and Wireless (GB);

– Orange S.A. (Orange/Mobistar) (Евросоюз, Франция, EU/France);

– AT&T Inc. (США – USA).

Таким образом, выявлены черты ТНК-операторов в регионе:

1) преобладают американские и английские компании;

2) каждая из ТНК охватывает существенные территории в планетарных масштабах, осуществляя контроль не только странового, но и регионально-материкового масштаба;

3) ТНК-операторы являются универсальными провайдерами услуг, так как в продуктовую линейку ТНК-операторов входят разнообразные услуги: фиксированная мобильная связь, доступ в Интернет по различным технологиям, контент, расширяются собственные дата-центры;

4) телекоммуникационные компании осуществляют полный контроль над каналами передачи данных, телефонным трафиком, что позволяет полностью контролировать работу органов безопасности, осуществлять вмешательство в передачу данных и, следовательно, подрывать работу как военных ведомств, так и правительственных организаций; в последнее время имел место ряд скандалов с несанкционированным прослушиванием телефонной связи первых лиц европейских государств;

Краткая информация о некоторых ТНК – операторах связи

Название компании / год основания / тип / ключевые лица	Штаб-квартира / кол-во сотрудников	Выставляется	Услуги	Чистая прибыль / Активы	Оборот (Revenue) Операционная прибыль (operating)
AT&T American Telephone & Telegraph 1883, public, Randal Stephenson (CEO&Chairman) ¹³	Dallas, Texas, USA, 241 810 человек (2012)	NYSE:T Dow Jones Industrial, Average Component, S&P500 Component	Мобильная телефония, фиксир. телефония, Интернет, контент. Цифровое ТВ, услуги дата-центров	\$7,3 млрд (2012) \$272,315 млрд (2012)	US \$127 434 млрд (2012) USD \$12 997 млрд (2012)
Vodafone ¹⁴ (Vodafone Group Plc.) / 1983 / открытая публичная компания с ограниченной ответственностью sir John Bond (Chairman of the Board of Directors, председатель Совета директоров) Cable & Wireless /1860 (circa) behalf of Cable & Wireless Worldwide Plc (2010) / публичная компания / merged with Vodafone 2012, currently Vodafone Group Plc. ¹⁵	NewBerry, Berkshire, UK Bracknell, Berkshire, UK	LSE:VOD NYSE: VOD	Мобильная сеть, каналы передачи данных, доступ в Интернет. Каналы передачи данных (оптические, спутниковые по всему миру), телефония, доступ в Интернет, услуги дата-центров	209 млн фунтов стерлингов (2011)	35 478 млрд фунтов стерлингов (2008 фин. год) 10,047 млрд фунтов стерлингов (2008) 2,257 млн фунтов стерлингов (2011) / 170 млн фунтов стерлингов (2011)
Orange S.A. ¹⁶ (1994) частная компания. Материнская компания France Telecom, 1794 публичная компания	Париж, Франция	NYSE Euronext: ORA	Каналы передачи данных (оптические, спутниковые в Африке, Ближнем Востоке, Азии), телефония, доступ в Интернет, мобильная связь, услуги дата-центров	9,783 млн евро (1.09.2011) / 3,748 млрд евро	10,162 млрд евро (3Q 2013)

5) интенсивная экспансия англо-американских ТНК-операторов связи в регионы «политического интереса», что позволяет мягкими средствами осуществить полный контроль над государством, представляя деятельность компаний перед мировой общественностью и населением стран в качестве «посланников, несущих благо, культуру и цивилизацию» в развивающиеся страны, страны Юга от имени материнской компании;

б) операторы ТНК пропагандируют ценности своего этноса, формируют необходимый имидж страны материнской компании, осуществляя информационную экспансию через контент, размещенный на их сетях. Например, Orange, предоставляющая услуги по всей территории Африки практически монопольно, присутствует более чем в 32 странах мира;

7) ради осуществления своих экономических интересов ТНК подталкивают правительства развивающихся государств к нарушению интересов государства, что в итоге приводит к созданию оппозиционных групп внутри страны, а в дальнейшем, как известно, и к хаосу; без связи невозможен контроль над углеводородами, поэтому цели ТНК ИКТ и углеводородных ТНК одновекторны, что наблюдается в регионе MENA;

8) развитие ИКТ инфраструктуры готовит почву для фактической экспансии территории, предоставляет возможность подготовить военную операцию по захвату территории;

9) операторы связи, «осуществляя информационную войну» в нужном регионе, помогают дестабилизации в нем ситуации: в ход идут сюжеты с низким нравственным содержанием, искажающие действительность и формирующие чуждые идеалы.

Однако все ТНК с западным капиталом полностью прозрачны, акции компаний размещены на ведущих мировых биржах в Лондоне, Нью-Йорке, штаб-квартира находится по месту регистрации ТНК, что позволяет им быть конкурентоспособными и привлекать инвестиции, в том числе из района их интереса. Определим некоторые черты ТНК ИКТ с российскими корнями и влияние ТНК на геополитические изменения в MENA. Можно выделить не более двух-трех ТНК, работающих в регионе MENA, Западная Азия (см. табл. 2).

Таким образом, выявлены черты операторов ТНК с российскими корнями в регионе:

- 1) ТНК охватывают немногочисленные страны;
- 2) ТНК охватывают узкий коридор, или площадной сегмент, в странах, по которым проходит оптическое волокно;

Краткая информация ТНК-ИКТ с российскими корнями

Название компании / год основания / тип / ключевые лица	Штаб-квартира / кол-во сотрудников	Выставляется	Услуги	Чистая прибыль / Активы	Оборот (Revenue) / Операционная прибыль (operating)
Ростелеком ¹⁷ / публичная компания / открытое акционерное общество / Сергей Калугин (CEO), Вадим Семенов (Связьинвест) 12.12.2013 приобретены активы шведской компании Tele 2, предоставляющей услуги мобильной связи в России Октябрь 2013 – анонсирован транзитный проект EPEG «Европа–Персия»: Москва–Азербайджан–Иран–Оман (Маскат)	Москва, Россия	MMBB: RTKM MMBB: RTKM B LYSE: RKMB FWB, Frankfurt: RTL	Мобильная телефония, фиксир. телефония, Интернет, контент. Цифровое ТВ, услуги дата-центров	24,2 млрд руб. / 45,8 млрд руб.	
Вымпелком ¹⁸ (торговая марка в России BeeLine). 1992 / открытое акционерное общество / ОАО Генеральный директор Михаил Слободин, присутствует в 15 странах	VimpelCom Ltd., штаб-квартира – Амстердам, Нидерланды	NASDAQ NYSE: VIP	Мобильная телефония, фиксир. телефония, Интернет, контент. Цифровое ТВ, услуги дата-центров		\$10,12 млрд (2008), US GAAP \$524,3 млн (2008) US GAAP
Яндекс ¹⁹ , торговая марка Yandex / 1997 / Аркадий Волож	Зарегистрирована в Гааге, Нидерланды, Yandex N.V. – голландская публичная компания с ограниченной ответственностью ²⁰	NASDAQ: YNDX Представительства в 4 странах: Казахстан, Белоруссия, Украина, Турция	Контент-провайдер (почта, видеосервисы, хранение данных), SEO	8,22 млрд руб. (2012) GAAP	28,8 млрд руб. (2012) GAAP / 9,45 млрд руб.

3) ТНК долгое время не были представлены на мировых биржах;

4) ТНК непрозрачны, многочисленные скандалы акционеров в силу не должным образом оформленных документов не позволяют, в том числе российским гражданам, вкладывать инвестиции в акции компании;

5) среди так называемых российских ТНК присутствуют не-установленные лица, как физические, так и юридические, зарегистрированные в странах из черного списка ФАТФ;

6) многие ТНК, располагая штаб-квартирами в Москве, не обладают юрисдикцией Российской Федерации, например, Yandex: страна происхождения – Россия, официальное место регистрации – Нидерланды;

Yandex – один из успешных ИКТ business case контент-провайдера. Только после обращения внимания правительства на факт контроля существенного сегмента ИКТ-рынка почты офшорной компанией с неустановленными учредителями, компания раскрыла информацию об акционерах, провела перерегистрацию, однако зарегистрировав компанию не в России²⁰. Среди ТНК-вендоров можно отметить только ТНК с нероссийскими корнями. На рынке присутствуют американские ТНК, в меньшей степени – европейские ТНК.

ТНК-вендорам из США, работающим в регионе MENA, Западная Азия, нет равных, как, впрочем, и в других регионах, включая Российскую Федерацию. ТНК-вендоров с российскими корнями нет, наблюдается единичное присутствие отдельных компаний, зарегистрированных в Российской Федерации, отдельных странах Ближнего Востока, СНГ, занимающих мизерный процент на рынке и не имеющих представительств, работающих через партнеров и осуществляющих финансовые сделки через офшоры или аффилированные компании, не относящиеся к юрисдикции РФ.

Продукты российских компаний-вендоров, прежде всего программного обеспечения, являются конкурентными, но существуют барьеры вхождения на рынок стран Ближнего Востока, барьеры, которые выделял в своих работах М. Портер в 1983 и в 2011 г.²⁷ Для российских ТНК характерны прежде всего экономия на масштабе, финансах (для проведения НИОКР, организации производственных мощностей, формирования оборотных средств) и стоимостные препятствия, не связанные с масштабом (обладание патентованной продукцией, государственные субсидии).

Краткая информация о ТНК-вендорах

Название компании / штаб-квартира / года образования, количество сотрудников	Оборудование, дополнительная информация	Листинг на биржах	Оборот / Чистая прибыль
CISCO ²¹ Systems / Сан-Хосе, Калифорния, США / 66 639	Сети глобальные, корпоративные (WAN, LAN), для IP-технологий, ПО и «железо». Альянсы с 20 ИКТ-компаниями США, многие из которых – ТНК ИКТ и консалтинговые, учебные центры (Accenture, IBM)	NYSE / стоимость акции 18\$ – 19,55\$ за 1 шт. в период 1.09 по 15.10. 2013	46,061 млрд долл. / 8,041 млрд долл. 2012 фин. г.
HP ²³ / Пало-Альто, Калифорния, США / 434,246	Сервера, ПО. Альянсы с 20 ИКТ-компаниями США, многие из которых – ТНК (HP, IBM)	NYSE / стоимость акции 17\$–26,5–25,1\$ за 1 шт. в период 01.11 по 15.11.2013	\$126,0 млрд / \$8,8 млрд 2010 фин. г.
IBM ²⁴ / Армонк, Нью-Йорк, США / 434,246		NYSE / стоимость акции 173\$-183\$ за 1 шт. в период 01.11 по 15.11. 2013 ²⁵	\$104,5 billion / \$16,6 billion Активы: \$119,2 billion

Итак, российские ТНК-вендоры отсутствуют на карте региона MENA / Азия.

ТНК – закрытая для посторонних экосистема. Жестко регламентируется конфиденциальность для сотрудников ТНК, поэтому не всегда возможно сразу оценить влияние ТНК, зная регламенты и процедуры в компании. Для примера можно рассмотреть принятую в СНГ, России, Ближнем Востоке партнерскую схему компании CISCO. CISCO поставляет, устанавливает оборудование и осуществляет сервисную поддержку с привлечением партнеров и дистрибьюторов, партнеры имеют три статуса: золотой, серебряный и статус-премьер. Звание платинового партнера не имеет

ни одна российская компания. Статусы имеют жесткие критерии (наличие лабораторий, инвестиции в обучение, общий объем продаж, объем продаж определенной технологии, абсолютная лояльность только к продуктам CISCO). CISCO дает разрешение на работу в определенном регионе с определенной линейкой продукции. Нарушение правил – лишение партнерства, что является, с первого взгляда, только сильным ударом по бизнесу конкретной компании. Однако в итоге CISCO определила региональным центром по работе со странами СНГ (Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан) – Турцию.

Российские компании, принося прибыль CISCO и, следовательно, экономике США, не могут работать на Ближнем Востоке.

Схема навязываемого партнерского взаимодействия ведет к потере социокультурных и языковых отношений с близкими соседями и соотечественниками, ориентированию на турецкий регион. Как следствие – уменьшение оборота с РФ, уменьшение пассажиропотока и грузопотока с РФ; реже приезжают в Москву, в другие российские города сотрудники компаний-клиентов для обучения, сотрудники обучаются в ОАЭ, Турции. На территориях указанных государств организуются учебные центры и предприятия ТНК, в которых работают преподаватели из Турции, ОАЭ, Индии, но только не из России. Для составления программы учебного курса необходимо знание всей инфраструктуры предприятия. Таким образом, в руках у ТНК есть полная информация о предприятиях, бизнесе, выпускаемой продукции, структуре, оборудовании, количестве сотрудников, уровне квалификации сотрудников, т.е. информация, необходимая в случае аннексии территории, проведения дестабилизационных мер на территории государств Ближнего Востока, СНГ.

По партнерской схеме действует НР, имея региональную штаб-квартиру для Туркмении, например, в ОАЭ.

ТНК заинтересованы в создании образа порядочного бизнеса для общественности и населения принимающих стран. Так, НР 10.12.2013 анонсировала проект НР Earth Insights, об участии НР в экологических проектах по сохранению популяции редких видов фауны с применением серверов, работающих по технологии сбережения Green-technology²⁶. Фактически ТНК готовят почву для проведения последующих мероприятий материнским государством или его союзником / союзниками.

ТНК выполняют миссию транспортной строительной компании, прокладывающей дороги, по которым постепенно пойдут

грузопотоки, незаметно изменяя регион с помощью экономической «аннексии».

ТНК-операторы и ТНК-вендоры создают плацдарм «мягкой аннексии» региона. Побеждает тот, кто владеет информацией. ТНК-операторы и ТНК-вендоры – ключ к ларцу с информацией. ТНК не останавливает нестабильность в регионе, важно полностью взять контроль над территорией. Например, 28.11.2013 г. появился анонс компании British Telecom о новом проекте стоимостью в 32 млрд долл. по прокладке оптического волокна в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Турции и Ближневосточно-Тихоокеанском регионе. Между тем данный регион опутан оптическими кабелями этой компании²⁷.

Если у ТНК срывается план «мирного захвата», то на смену приходят более жесткие действия, вплоть до военных. Таким образом, ТНК выполняют геополитические задачи государства – захват территорий мирным путем и выполнение задач глобализма, так и мондиализма (политического глобализма и социогражданского глобализма), направленного на установление англосаксонским миром гражданской глобализации.

ТНК имеет инструменты контроля над национальной экономикой и превращения государств в периферийные²⁸, обслуживающие кучку государств – хозяев жизни, последние события в регионе MENA, СНГ яркие тому доказательства. Формат статьи не позволяет детально рассмотреть представленные ТНК в ИКТ-сегменте. Однако позволяет согласиться с выводом Д. Карро и П. Жюайра: «Будучи странами демократическими и либеральными, коль таковыми они являются, США и Великобритания стали проецировать свой внутренний экономический порядок на международную сферу»²⁹.

ТНК – это социо-политико-экономическое понятие, связанное с глобализацией и мондиализацией. Они активно влияют на формирование мировой геостратегической карты и прежде всего в ключевых районах – Ближнего Востока, Северной Африки и СНГ. ТНК в сфере быстроразвивающейся отрасли является эффективным средством в борьбе за углеводороды, контроль над транспортными узлами и за мировое господство.

В заключение хотелось бы предложить рассмотреть меры по повышению роли ТНК с российской материнской компанией:

– необходимость создания при Президенте РФ группы / консультативного совета по полному анализу деятельности ТНК на

территории РФ, независимо от отраслевой и страновой принадлежности ТНК;

– к формированию группы / консультативного совета необходимо привлечь специалистов: регионоведов, экономистов-международников и представителей РЖД, нефтегазовой отрасли, представителей ИКТ-отрасли, работающих прежде всего с ТНК, юристов-международников;

– необходимость формирования программы по расширению деятельности российских ТНК в ИКТ-отрасли;

– к формированию программы необходимо привлечь не только специалистов ИКТ-отрасли, но и регионоведов, экономистов-международников, представителей РЖД и нефтегазовой отрасли, юристов-международников;

– контроль государства на уровне Совбеза РФ над деятельностью ТНК и частных компаний, которая осуществляется на региональном уровне (например, транзитная опτικο-волоконная связь Европа – Азия через РФ).

Примечания

- ¹ Кагарлицкий Б.Ю., Сергеев В.Н. История России. Миросистемный анализ. – М.: URSS, 2013. – С. 99.
- ² Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1988. – С. 235, 431.
- ³ Толмачев П.И. Современная архитектура международного бизнеса. – С. 24 [www.tolmachev.ru].
- ⁴ Михайлушкин А.И., Шымко П. Д. Экономика транснациональной компании. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 24.
- ⁵ Калинин Д.С., Калинин Д.С. Теоретические основы транснационализации страны и предприятия. Минск: БГУ, 2003 [www.bsu.by/Cache/pdf/402003.pdf].
- ⁶ Официальный сайт ООН, Сан-Паульский консенсус, принят на XI сессии ЮНКТАД, Сан-Паулу, Бразилия, 13–18 июня 2004 года, Глава II. Нарращивание производственного потенциала и повышение международной конкурентоспособности // www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/sao_paulo_consensus_ch2.shtml
- ⁷ Карро Д., Жюайр П. Международное экономическое право. 4-е изд. / Под ред. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 31.
- ⁸ Интернет-портал «Академик» 2000–2013 // academic.ru/dic.nsf/econ_dict/2430.
- ⁹ Карро Д., Жюайр П. Международное экономическое право. 4-е изд. / Под ред. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 31.
- ¹⁰ Карро Д., Жюайр П. Международное экономическое право. 4-е изд. / Под ред. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 32.
- ¹¹ Карро Д., Жюайр П. Международное экономическое право. 4-е изд. / Под ред. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 32.
- ¹² Толмачев П.И.

- 13 Официальный сайт AT&T // www.at&t.com
- 14 Официальный сайт Vodafone, Vodafone/Cable&Wireless Worldwide Acquisition // enterprise.vodafone.co.uk/welcome-to-vodafone [10.12.2013.]
- 15 Официальный сайт Orange S.A. // orange.com/en/about [10.12.2013.]
- 16 Право.
- 17 Официальный сайт «Ростелеком» // www.rostelecom.ru [10.12.2013.]
- 18 Официальный сайт «Вымпелком» // www.vimpelcom.com [10.12.2013.]
- 19 Информация о Яндекс // en.wikipedia.org/wiki/Yandex
- 20 Официальный сайт NASDAQ // www.nasdaq.com/symbol/yndx
- 21 Официальный сайт CISCO // www.cisco.com [10.12.2013.]
- 22 См.: investor.cisco.com/stockquote.cfm [20.10.2013.]
- 23 Официальный сайт HP.
- 24 Официальный сайт IBM.
- 25 См.: www.ibm.com/ibm/us/en/?lnk=fai-maib-usen [20.10.2013.]
- 26 Официальный сайт Nokia.
- 27 Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. 4-е изд. – М.: Альпина, 2011.
- 28 Revolutionary Big Data Environmental Analysis Indicates Declining Animal Populations in Studied Tropical Forests // www8.hp.com/us/en/hp-news/press-release.html?id=1536855#.UqztiPRdWNY.
- 29 BT has announced a new phase of investment in Asia-Pacific, Turkey, the Middle East and Africa // www.capacitymagazine.com/Article/3284153/News/BT-announces-new-investments-in-high-growth-markets.html?LS=EMS932695

*«Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале XXI века»,
М., 2014 г., с. 95–108.*

С. Абашин,

доктор исторических наук

(Европейский университет, г. Санкт-Петербург)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Б. ПЕТРИКА

«МЫ СЪЕЛИ НАШИХ ОВЕЦ. КИРГИЗСТАН, ОТ ПАСТУХА К БИЗНЕСМЕНУ»

«Мы съели наших овец» – такое несколько неожиданное название дал своей книге французский антрополог Борис Петрик*. Вторая часть заглавия («Киргизстан, от пастуха к бизнесмену») уточняет, что речь идет не об этнографии питания, а о трансформации киргизского общества, которая заменила фигуру киргиза-

* Boris Petric. On a mange nos moutons. Le Kirghizstan du berger au businessman. Belin: Maison des Sciences de l'Homme, 2013. – 207 p.

кочевника, пасущего в горах овечьи стада, на фигуру бизнесмена, торгующего всем, чем только можно торговать, в том числе и образцами того самого пастуха в юрте, которые охотно покупаются иностранными туристами. Собственно говоря, именно современный результат этой трансформации, ее последний, постсоветский этап стал главным предметом интереса и внимания исследователя. Такая перестановка научных акцентов, как признается сам Петрик, была неожиданной и для него самого. Он пишет: «Я наивно ожидал увидеть бескрайние горы и чабанов, живущих на крыше мира, вдали от влияний современности» [р. 8]. Отказ от этих романтических клише в итоге предопределил главный замысел работы: изучить, описать и проанализировать современные, уже периода независимости, изменения в киргизском обществе, связанные с глобализацией, с проникновением в Киргизстан новых экономических и политических игроков и с превращением местного общества в международную лабораторию «надлежащего управления».

Рецензируемая работа – не первое исследование Бориса Петрика о Центральной Азии. Предыдущая его книга «Власть, дар и сети в постсоветском Узбекистане», которая вышла в 2002 г., была посвящена анализу политического и социального устройства узбекского общества с подробным анализом его институтов и механизмов (Pétric, 2002). Новый текст о Киргизстане заметно отличается по своему замыслу, концептуальной основе и манере воплощения. В отличие от предыдущей книги здесь исследователь рассматривает политическую борьбу не столько как проекцию культурных норм и социальных разделений, которые существуют внутри изучаемого общества, сколько как процесс взаимодействия этих местных норм с привнесенными извне идеологиями и ресурсами. Это внешнее влияние, которое становится теперь едва ли не основным предметом изучения, акцентируется с помощью упомянутого слова «лаборатория», которое автор активно использует в тексте.

В своей более ранней статье 2005 г. на ту же тему ключевым словом, которое Борис Петрик употреблял для описания Киргизстана, было «глобализированный протекторат». Он разъяснял его таким образом: «Я предлагаю описывать этим выражением новую форму политического пространства. Особенностью Киргизстана является то, что это – независимое государство, в котором многие государственные прерогативы обеспечиваются иностранными игроками. Эта ситуация отличается от постколониальной модели, которую мы можем наблюдать во многих других странах (Зимбабве,

Кот-д'Ивуар), где сохраняется мощное влияние бывшей метрополии. В Киргизстане действует множество игроков (разные государства, международные и неправительственные организации), причем Россия не играет доминирующую роль» (Pétric, 2005: 331, прим. 31).

В рецензируемой книге слово «протекторат» – возможно, из-за своей резкости – отсутствует, но смысл анализа остается приблизительно тем же. «Киргизская лаборатория символизирует собой, – пишет Борис Петрик, – возникновение в мире нового типа политического пространства. Оно характеризуется коллапсом производящей экономики и установлением постоянного, мощного, многообразного и сложно организованного иностранного присутствия. Такие страны, как Босния и Черногория в Европе, Гондурас в Латинской Америке, Таджикистан в Центральной Азии, а также некоторые африканские (Руанда, Бенин) или азиатские (Восточный Тимор, Лаос, Камбоджа) страны также подвержены распространению глобальной политики на их территории. Все эти страны, в которых, в соответствии с представлениями международного сообщества, происходят постконфликтные или постсоциалистические трансформации, отличается то, что они попали в новую зависимость, зависимость от глобальной политики» [р. 194]. Тому, как эти политические пространства создаются и существуют в Киргизстане, какие локальные и глобальные акторы в этом процессе участвуют, и посвящено само исследование.

Книга состоит из семи глав. В первой, озаглавленной «Куда делись наши овцы?», французский антрополог рассказывает о разрушении советской экономики в Киргизстане, беря в качестве примера аул Тоголок Молдо (бывший колхоз «1 Мая»). Его интересует, в частности, каким образом расформирование колхоза и приватизация имущества изменили отношение к власти в этом локальном сообществе, добавив к фигурам бывшего председателя колхоза и главы местной администрации фигуры бизнесмена, исламского священнослужителя и руководителя неправительственной организации (НПО) с новыми, происходящими извне страны связями и капиталами.

Во второй главе «Лаборатория надлежашего управления» Борис Петрик перекидывает мостик от локальной ситуации к общему состоянию дел в Киргизстане. Он, в частности, показывает масштаб и характер присутствия в стране различных международных организаций, описывает практики и представления, связанные с идеями «гражданского общества». В третьей главе «Выборы и

«продвижение демократии» антрополог, развивая тему, делает заметки о практиках выборов 2004 г. в ауле Тоголок Молдо, о том, какие средства местные лидеры использовали для мобилизации своих сторонников, реинтерпретируя и прилаживая внешние требования и понятия к местным интересам и отношениям.

В четвертой главе «Крах общего дома» и в пятой «Базар: символ общества трафика» Борис Петрик добавляет к своему рассказу о циркуляции идей описание трансграничных циркулирующих людей и товаров. Речь идет о массовой трудовой миграции населения Киргизстана за рубеж, прежде всего в Россию, о мотивации людей, которые вступают на этот путь, появлении нового опыта миграционной жизни, о переконфигурации социальных сетей, о встречаемых трудностях и ксенофобии. Речь также идет о превращении Киргизстана в огромную перевалочную базу китайских товаров, символом которой является рынок Дордой в Бишкеке, переориентации на эту деятельность экономики и людей, о создании целой иерархии отношений зависимости и поддержки, в том числе и в политической сфере. Борису Петрику удалось, в частности, взять интервью у владельца рынка Дордой Аскара Салимбакова и рассмотреть его биографию, «капиталы» во всех смыслах этого слова и заявленные амбиции.

В шестой главе «Гражданское общество и наблюдатели на выборах» исследователь рассказывает о выборах в марте 2005 г., на которых он присутствовал лично в роли иностранного наблюдателя от ОБСЕ. Официальная позиция дала любопытный шанс антропологически посмотреть на то, каким образом работают международные институты в Киргизстане в условиях разворачивающейся и обостряющейся политической борьбы, кто состоит в них и как распределяются роли, какие практики «наблюдения» и участия при этом осуществляются. Выборы привели в результате к «тюльпановой революции» и свержению президента Аскара Акаева, при этом участие НПО и использование международного языка «демократии» стали ключевыми факторами этих событий. В последней, седьмой главе «Транснационализация политики» рассматриваются последствия этих событий, которые привели не столько к построению демократии, сколько к усилению противостояния разных групп и увеличению коррупции, а в конце концов – к новой «революции» и этническим столкновениям 2010 г.

Наблюдая, как Борис Петрик в своей книге расследует деятельность международных организаций в Киргизстане в 2005 г., читатель может подумать, что автор придерживается своеобразной

«теории заговора», согласно которой крупные державы специально организовали смену строя в Киргизстане с целью поставить страну под свой более плотный контроль. Однако сам антрополог отвергает такое объяснение как упрощенное. В послесловии, озаглавленном «Киргизская лаборатория и глобальная политика», он разъясняет свою позицию: «Реформы, инициированные “международным сообществом”, отражают существенные подвижки в организации политического порядка, как в отношении понимания государственного суверенитета и легитимности, так и в процедуре выборов политического корпуса и способе организации власти» [р. 190]. Киргизское общество оказалось втянутым в самые разнообразные транснациональные связи во всех сферах своей жизни, превратилось в «страну трафика», которая оказалась в сильной зависимости от внешней помощи и влияния, причем часто не одного, а нескольких конкурирующих между собой государств и международных объединений. Все это не могло не создать множества разнообразных, на разных уровнях, акторов внутри социального и политического поля в самой стране и трений между ними. Эта транснационализация наиболее ярко проявила себя, по мнению Бориса Петрика, в периоды выборов 2004 и 2005 гг.

Отличие своей позиции от точки зрения «конспирологов» французский исследователь видит в том, что местные акторы не являются марионетками внешних сил. Напротив, в глобальном политическом пространстве нет безусловного доминирования развитых стран, а существует более сложная композиция, в которой маленькие страны могут использовать в своих интересах, например, противоречия больших держав. Маленькие и слабые страны наподобие Киргизстана – их элиты и разные группы населения – не только и не столько маргинализуются в новом глобальном порядке, сколько оказываются вполне хорошо вписаны в различные логики глобализации. Местные акторы освоили предложенные им внешние ресурсы и стали активно пользоваться ими в своих целях и в своей собственной внутренней конкуренции. Такой ракурс позволяет включить в анализ киргизской современности антропологический взгляд, увидеть не только собственно международные организации и внешние державы, но и местные, локальные особенности, представления, противоречия. Именно такую попытку соединения политического анализа с этнографическим изучением предпринял Борис Петрик.

Конечно, читая книгу, я ловил себя на желании узнать о чем-то еще большем, меня не покидало ощущение, что какие-то

сюжеты раскрыты недостаточно детально, какие-то требуют уточнений. Явный акцент на деятельности европейских и американских организаций вытеснил, как мне представляется, на задний план, например, деятельность многообразных мусульманских и вообще религиозных сетей, о которых Борис Петрик только упоминает в книге. Оказались вне поля зрения русскоязычная и узбекская общины. Внимание к горным аулам и рынкам снизило интерес к городу как таковому, особенно Бишкеку, с его сложным и очень специфическим пространством и устройством, не говоря о других городах. Этнографическое внимание к одному аулу в Нарынской области скрыло особенности других регионов, которые важны для понимания политических дебатов и противостояний 2005–2010 гг. Все эти лакуны оставляют вопросы, каким образом предложенная автором концепция «лаборатории / протектората», «транснационализации» и «глобальной политики» применима ко всем случаям, какова специфика каждого из последних и как вообще эта специфичность создает особую гетерогенность политического и социального пространства. Впрочем, пожелание увеличить объем книги и дополнить ее новыми деталями и сюжетами – это обычная придирка рецензента, на которую любой автор обычно отвечает тягостным вздохом.

Литература

1. Pétric 2002 – Petric B.-M. Pouvoir, don et réseaux en Ouzbékistan post-soviétique. – P.: Presses Universitaires de France, 2002.
2. Petric 2005 – Pétric B.-M. Post-Soviet Kyrgyzstan or the birth of a globalized Protectorate // Central Asian Survey. 2005. № 24 (3). P. 319–332.

*«Этнографическое обозрение»,
М., 2014 г., с. 174–176.*

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2014 г. № 1 (259) – 12 (270)**

№ 1 (259)

Ю. Матвеевко. Модернизационные процессы в эпоху глобализации: Выбор стратегии для современной России; *М. Яхьяев.* Причины радикализации ислама в современном мире; *З. Хабибуллина.* Дорога в Мекку: Восстановление и развитие паломничества мусульман в постсоветской России; *Г. Гузельбаева.* Исламская идентичность молодых татар в Республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.); *Д. Лауриненко.* Этнополитические основания экстремизма на Северном Кавказе; *И. Бешта.* Конфессиональное измерение идентичности народов Автономной Республики Крым; *Д. Малышева.* Вызовы безопасности в Центральной Азии; *Е. Ионова.* Стратегический союз Казахстана и Узбекистана в геополитике Центральной Азии; *И. Иванова.* Региональные и внешние акторы. Турция; *Л. Раванди-Фадаи.* Особенности национальной политики в современном Иране; *Н. Горбунова.* Ливанский кризис: Трансформация общества и государства; *Д. Нечитайло.* «Нигерийский Талибан» и его последователи; *Р. Хисамов.* Институциональные изменения в странах Арабского Востока; *В. Амелин, К. Моргунов.* Этнополитические и религиозные конфликты в современном мире.

№ 2 (260)

О. Гаман-Голутвина. Российские элиты в современной номадической цивилизации; *И. Добаев, Н. Анисимова, Р. Гаджибеков.* Этапы и перспективы радикализации ислама в Российской Федерации; *М. Аствацатурова.* Межэтнические противоречия и конфликты в Ставропольском крае; *А. Баранов.* Проблема репатриации сирийских черкесов на Российской Кавказ: Политико-конфликтологический аспект; *А. Степкина.* Каспийский регион в процессах глобализации; *Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов.* «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Казахстан; *Е. Ионова.* Активизация России в Центральной Азии и российско-киргизские отношения; *Х. Хушкадамова.* Ген-

дерные аспекты рынка труда в Таджикистане; *С. Олимова, М. Олимов*. Проблема 2014 года: Взгляд из Центральной Азии; *Г. Исаев*. Россия и Египет: Политические элиты в «революционных процессах»; *И. Иванова*. Региональные и внешние акторы. Турция. (Окончание); *А. Борисов*. Внешняя политика Катара; *Р. Лиожье*. Миф об исламизации. Европа как лаборатория модернизации ислама; *Г. Сеидова*. Ислам и глобализация: За и против; *С. Кимпаев, С. Измайлова*. Прозелитизм в исламе.

№ 3 (261)

В. Римский. Справедливость в современной России: Мечты и использование в социальных практиках; *В. Комаровский*. Российские «новые правые» как политический актор; *В. Авксентьев*. Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы; *А. Михалева*. Ислам в Архангельской области; *М. Алигаджиева*. Национально-политическая элита Дагестана: Специфика формирования и функционирования; *В. Гадаев*. Институт кавказской семьи: Некоторые особенности его трансформации; *О. Червинский*. Казахстан между Москвой и Пекином; *Д. Александров, И. Инполитов, Д. Попов*. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение); *Д. Малышева*. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор; *В. Иваненко*. Иран. Итоги правления М. Ахмадинежада и проблемы для нового президента; *П. Малышев*. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в сирийском конфликте: Интересы и цели, роль, степень участия; *Е. Красникова*. О некоторых особенностях формирования ислама в Королевстве Испания: От древности к современности; *Д. Кошлаков*. Место интернет-среды в событиях «арабской весны»; *Г. Боверинг*. Представления о времени в исламе.

№ 4 (262)

Владимир Путин. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай»; *Б. Аксюмов*. Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России; *Е. Арутюнова, А. Бравин, Р. Валиахметов и коллектив авторов*. Татарстан. Процесс реисламизации и современные тренды развития мусульманской идентичности; *И. Бабич*. «Мягкая

исламская революция» в современной Адыгее; *И. Добаев, А. Понеделков, Р. Гаджибеков*. Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе; *Марта Брилл Олкотт*. Государства Центральной Азии идут своим путем (Могут ли внешние силы повлиять на развитие событий в Центральной Азии и насколько они в этом заинтересованы?); *Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов*. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии: Таджикистан; *Н. Кулешова*. Водно-энергетические противоречия в ЦА и их влияние на стабильность в регионе; *Н. Мамедова*. Иран: Интересы в ЦА и возможности влияния; *Е. Дорошенко*. Смерть Муаммара Каддафи: Уроки истории; *О. Бибикина*. Ислам в Австрии; *Д. Нечитайло*. Идеология салафизма в США; Конфликты на Ближнем Востоке в XXI в.; *А. Суворова*. Столкновение цивилизаций или их примирение? Бхутто против Хантингтона; *М. Байрақдар*. Философия и наука в исламе. Перспективы; *Т. Муслимов*. Фундаментальные причины религиозных расколов и прецеденты их преодоления.

№ 5 (263)

С. Караганов, Ф. Лукьянов. Россия в мире силы XXI века; *Л. Тимофеева*. Контрэлита современной России: Кто она и чего хочет?; Башкирия. Этничность и религиозное возрождение: Возможности и риски для социальной интеграции: Исламский путь; *М. Гаджиев*. Политическая элита Дагестана; *С. Жемчураева*. Религия и этничность как значимые компоненты идентичности чеченцев (по материалам социологического исследования); *И. Добаев, А. Понеделков*. Тенденции в эволюции терроризма на Северном Кавказе; *М. Джанталева*. Российско-казахстанские отношения как один из факторов стабильности в Прикаспийском регионе; *Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов*. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Туркмения; *Б. Эргашев*. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии; *А. Умнов*. Афганистан: Что дальше; *Д. Нечитайло*. «Аль-Каида» в Китае; *А. Зубкова*. Реализация стратегии «мягкой силы» во внешней политике Турции; *Н. Мамедова, Е. Дунаева, И. Федорова*. Иран после президентских выборов; *Р. Ланда*. Трагический финал «арабской политической весны»; *В. Наумкин, В. Кузнецов*. Исламский мир и исламские организации в современной миро-

политической системе; *Г. Старченков*. Европа: Куда ведет этно-религиозная трансформация?

№ 6 (264)

Е. Примаков. Образы России и мира вне идеологии; *В. Наумкин*. Цивилизации и кризис наций-государств. (О чем спорят в России и не только); *Ш. Кашаф, Д. Мухетдинов*. Признание идентичности: Дискурсивные диспозиции символической элиты и политического класса мусульманского сообщества России; *Р. Сулейманов*. Арабские проповедники в Татарстане в конце XX – начале XXI в.: Пути проникновения, деятельность, последствия; *А. Адиев, Р. Абакаров*. Этнополитические и конфессиональные процессы в современном Дагестане; *Ж. Сыздыкова*. Центральная Азия после 2014 года: Вызовы и угрозы; *С. Акимбеков*. Ненужная спешка. Еще раз к вопросу о евразийской интеграции. (Взгляд из Казахстана); *Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов*. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. (Окончание); *Н. Харитонова*. Рынок смертников в Центральной Азии; *Э. Касаев*. Арабские нефть и газ: Выводы для России; *Д. Нечитайло*. Иностранные моджахеды в сирийском конфликте; *Р. Шарипова*. Иранская семья: История и современность; *Н. Краснова*. Социально-экономические причины динамики демографических показателей в монархиях Персидского залива; *А. Ананьев*. Исламский фактор на Балканах: Современные тенденции и векторы развития; *Х. Аятollahи*. Возможность, смысл и значение сравнения между исламской и западной философиями; *Ю. Бочаров*. Ближневосточная ментальность. (Пособие для бизнесмена).

№ 7 (265)

Э. Султанов. Энергетические шахматы: Партия России; *Б. Ахмедханов*. Театр террористических действий; *Ш. Кашаф, Д. Мухетдинов*. Признание идентичности: Дискурсивные диспозиции символической элиты и политического класса мусульманского сообщества России. (Продолжение); *Г. Матишов*. Юг России в условиях неравномерного развития и роста напряженности; *А. Бардаков, А. Поломошнов, Э. Гурбанов*. Ислам – политический и социально-культурный фактор развития Северного Кавказа;

Т. Гятов. Основные этапы трансформации религиозных групп Северо-Кавказского региона: От умеренно-радикальных до экстремистских (на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии); *А. Ниязи.* Центральная Азия и Кавказ: Социально-экологические угрозы евразийской интеграции; *Л. Хопёрская.* Евразийский интеграционный проект: Позиция центральноазиатских элит; *Х. Хушкадамова.* Таджикистан. Влияние трансформационных процессов на семейно-брачные отношения в Центральной Азии; *А. Артыкбаев.* Ферганский кластер: История и современность; *Д. Попов.* Участие стран Центральной Азии в снабжении американских войск в Афганистане; *К. Труевцев.* Сирийский урок; *Л. Исаев.* Генералы ушли, генералы вернулись: Египетской революции три года; *Л. Олейник.* Иордания: Вне зоны доступа; *Е. Красникова.* О некоторых аспектах исламизации Европы, или Европейский ислам; *У. Шарипов.* Международное мусульманское движение «Ахмадия» сегодня; *И. Сундиев, А. Смирнов.* Сетевые возможности и сетевые угрозы.

№ 8 (266)

Нужна ли нам идеология?; *М. Делягин.* Крым для России – первый шаг возвращения в мир; *А. Малашенко.* Ислам: Вид из Кремля; *З. Хабибуллина.* Корпус мусульманского духовенства Республики Башкортостан: Состояние и тенденции развития; *А. Поломошнов, Э. Гурбанов, М. Яхьяев.* Ислам и поиски новой национальной идеологии на Северном Кавказе; *А. Рашид.* Что и почему нам следует знать о Центральной Азии; *А. Казанцев, Л. Гусев.* Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: Возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ; *О. Чекризова.* Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (Северо-Западный регион); *Б. Долгов.* Алжир; *Э. Касаев.* Успехи и амбиции «мощного карлика»; *В. Кириченко.* Политический кризис в Йемене: Социально-экономический, религиозный и племенной факторы; *А. Цуркан.* Классификация политических моделей исламских стран с учетом фактора исламского радикализма; *А. Шишкина.* Интернет-цензура и «арабская весна».

№ 9 (267)

А. Алейников. Посткрымские конфликты: Стоит ли Париж (шенген) мессы?; *Уолтер Рассел Мид.* Возвращение геополитики; *Я. Амелина.* Угроза исламизма; *Р. Патеев.* Роль исламского фактора в современном адыгском движении; *Г. Юсупова.* Суфизм в социокультурной традиции народов Дагестана; *И. Добаев, А. Добаев, Д. Умаров.* Особенности финансирования террористических структур на Северном Кавказе; *Томас де Ваал.* Азербайджан – что впереди?; *М. Лаумулин.* Политика США и ЕС в Центральной Азии. (Сравнительный анализ); *Е. Борисова.* История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период; *Б. Ахмедханов.* Афганистан: В плену географии; *А. Демченко.* Иордания; *О. Бибикина.* Турецкие иммигранты в Германии: Проблемы и перспективы; *В. Ахмадуллин.* Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами; *Г. Косов, Г. Станкевич.* Религиозный фактор в политическом процессе: Опыт восточных политий. (Исламская проекция).

№ 10 (268)

В. Наушкин. Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок; *И. Дискин.* Новое похищение Европы; *Ш. Кашаф.* В тисках идентичности: Исламские сообщества в публичном пространстве Запада и русско-мусульманского мира; *Р. Нуруллина.* Развитие традиционного ислама в Татарстане в контексте формирования межконфессиональной толерантности; *А. Боров.* Политизированная этничность: «Черкесский вопрос» – еще один очаг напряженности на Северном Кавказе?; *А. Данков.* Современная Центральная Азия: Социальные тренды и политика; *Ж. Урманбетова.* Безопасность в Киргизстане; *Р. Масов, В. Дубовицкий.* Присоединение Средней Азии к России: События через призму трех веков; *Т. Оруджова.* Состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана; *В. Ягья, Д. Соломина.* Отношения России и Турции в XXI веке: Тенденции и трудности; *М. Арунова.* Афганская проблема и соседние мусульманские страны; *Е. Дорошенко.* Государственная идеология новой Ливии как отражение социально-политических процессов в стране; *З. Левин.* Проблема мультикультурализма и конфликтный потенциал диаспоры;

М.-С. Магомедов, П. Магомедова. Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие.

№ 11 (269)

Д. Ефременко. «За флажки». Россия в авангарде пересмотра мирового порядка; *Ш. Кашаф.* В тисках идентичности: Исламские сообщества в публичном пространстве Запада и русско-мусульманского мира. (Окончание); *Е. Рудакова.* Эволюция традиционного ислама в рамках проблемы конфессиональной безопасности Приволжского федерального округа России; *М. Гаджиев.* Исламский фактор в системе этноконфессиональных отношений в Республике Дагестан; *В. Авксентьев, В. Васильченко.* Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: Взаимодействие с институтами современного общества; *А. Князев.* Средняя Азия после Майдана; *Д. Космаенко.* Особенности формирования и развития политической системы современного Узбекистана; *И. Кочедыков.* Специфика политического лидерства в Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана; *В. Монахов.* Борьба за водные ресурсы как детерминанта международных отношений в Центральной Азии; *М. Шах.* Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане; *Е. Устинов.* Сирия: Этноконфессиональный аспект кризиса; *М. Пахомова.* КНР и арабские страны: Характер взаимодействия; *О. Бибикина.* Ислам в жизни иммигрантских общин Западной Европы: Социокультурный и политический аспект; *В. Азарян.* Мурабаха: Перспективы развития в России; *Э. Абдуллаев.* Философско-религиозные основы и особенности мусульманского права.

№ 12 (270)

Рейтинг межэтнической напряженности регионов Российской Федерации; *В. Карякин.* Современные кризисы и конфликты: Особенности, сценарии развития и предотвращение; *Р. Сафиуллина-Аль Анси.* «Хизб ут-Тахрир» в Республике Татарстан: Трансформация доктринального дискурса и поведенческого уровня; *Р. Эмиров.* Взаимосвязь этнополитики и геополитики на Северном Кавказе; *Э. Муратова.* Исламские группы Крыма: Дискурсы и политика; *Д. Аббасов.* «Сирийский синдром» среди азербайджанской

молодежи: Случайность или тенденция?; *О. Оськина*. Политическая элита Туркмении: Традиции и перспективы; *Н. Кулешова*. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан; *С. Демиденко*. Региональная политика Ирана и интересы России; *Г. Чуфрин, В. Гельбрас, А. Володин, Н. Козырев, Д. Малышева*. Зона АфПак как источник региональной нестабильности и угроз международной безопасности; *М. Эрол*. Участие Турции в сирийском конфликте: Предпосылки и вероятные последствия; *Д. Жёлобов*. Уйгурский сепаратизм и «пирамида Маслоу»; *Р. Ловяго*. Роль ТНК в формировании геостратегической карты Азии и Северной Африки; *С. Абашин*. Рецензия на книгу Б. Петрика «Мы съели наших овец. Киргизстан, от пастуха к бизнесмену»; Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2014 г.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 12 (270)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 8/ХП-2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,3 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 176

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9